

М И Х . З У Е В - О Р Д Ы Н Е Ц

СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ
НОВО-КИТЕЖЕ

МИХ·ЗУЕВ - ОРДЫНЕЦ
СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ
НОВО·КИТЕЖЕ

Роман приключений

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1977

Печатается по изданию:
«Детская литература», М., 1970.

Художник
О. К о р о в и н

© Пермское книжное издательство. 1977. Илл.

3 $\frac{70803-6}{M152(03)-77}$ 46-77

*Кто что ни говори,
а подобные происшествия
бывают на свете; редко, но
бывают.*

Н. В. Гоголь

Такой эпиграф предпослал автор книге, которую вам предстоит прочесть. Это историко-приключенческий роман. Его герои, наши современники, оказываются в совершенно необычной, фантастической ситуации: случай сталкивает их с людьми, как будто вышедшими из прошлого. Однако не думайте, что вы будете читать книгу, в которой «машина времени», послушная автору, переносит вас в глубь веков. Нет, все обстоит и проще и сложнее одновременно.

Но как — об этом расскажет сама книга.

Автор романа — Михаил Ефимович Зуев-Ордынец — один из зачинателей советской приключенческой литературы.

Его перу принадлежат многие приключенческие и исторические книги: «Гул пустыни» — о Средней Азии; «Последний год» — о русских колониях в Северной Америке; «Хлопушин поиск» — о пугачевщине на Урале и другие.

Призвание писателя-приключенца Зуев-Ордынец видел в том, чтобы открывать интересное, уметь искать необычное в обыкновенном. Где-то среди обыденных дел, примелькавшихся событий, привычных фактов, невидимая для равнодушного взгляда, вьется чудесная тропа приключений.

Многие годы шагал писатель этой тропой.

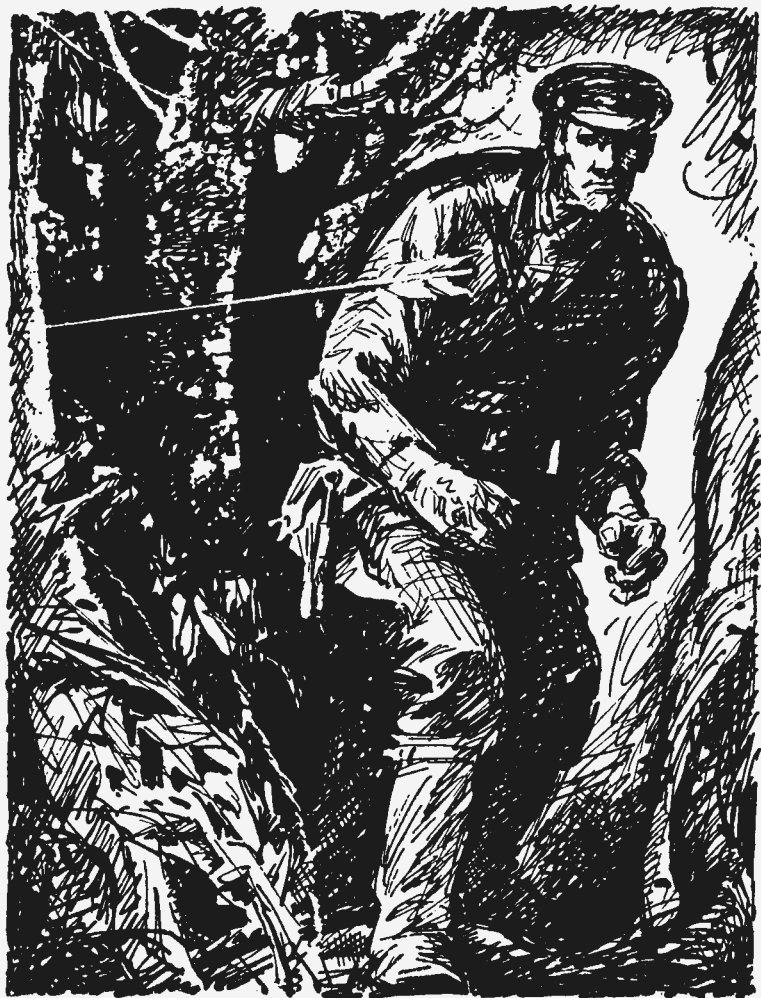
Он странствовал по нашей Родине. Шел сибирской тайгой, каракумскими песками, белорусскими болотами, казахскими степями и ямальской тундрой. Карабкался по горным тропам Урала, Кавказа и Ала-Тау. Избороздил четыре моря, плавал по Иртышу, Чусовой, Волге и Амударье. Шел пешком, ехал на лошади, на верблюде, мчался на оленях и на собаках. Летал на самолете, плавал на пароходе, на каспийском туркменском паруснике, на сибирском ботике и на амударьинском каюке.

«Писать о красочном разнообразии нашей Родины, о безбрежном море ее кипучей жизни, о ее людях, разных в своем труде, действиях, стремлениях, обычаях и в то же время удивительно схожих в богатстве их душ, — так я понимаю творчество приключенческого писателя», — говорит Зуев-Ордынец в предисловии к одной из своих книг.

Много творческих замыслов вынашивал писатель. Но преждевременная смерть прервала его жизнь и работу.

**Регине Валерьевне Зуевой-
Ордынец с глубокой благо-
дарностью за помощь, за
творческий союз посвящает**

а в т о р

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФРОНТОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Глава 1

ТУШИНСКИЙ АЭРОДРОМ

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

А. Твардовский,
«Василий Теркин»

1

Казалось, вся Москва устремилась в Тушино. Отчаянно звенели переполненные трамваи, сигналили на разные голоса троллейбусы, гудели пригородные поезда. В одну сторону, без встречного движения, неслись сплошным потоком автомашины: и дряхлые ветераны московских улиц, потрепанные «фордики», «линкольны», «бен-

цы», и отечественные «эмки», «газики», и фронтовые «виллисы», и только что появившиеся на свет, с еще не снятыми ограничителями «Москвичи» и «Победы». Между автомобилями тархтели мотоциклеты, по обочине бесшумно неслись велосипеды, а по тротуарам шли толпы пешеходов. И вся эта лавина катилась к Тушинскому аэродрому.

Против села Щукино, где Волоколамское шоссе поднималось на крутой взлобок, остановилось, обессилев, такси — ветхая, даже лохматая какая-то от старости «эмка», с простреленным, в лучеобразных трещинах ветровым стеклом. Побывала, видимо, на фронте и вернулась, хоть и калеккой, в ряды московских трудяг-такси. Сидевший рядом с водителем генерал-майор удивленно спросил:

— Что случилось? Капризничает «старуха»?

— Вот то-то что «старуха»! — со сдержанной яростью ответил водитель. — На пенсию ей пора. Мешок металлолома, а не машина!

Он вылез из кабины и нырнул под капот. Генерал тоже вышел на асфальт и, повернувшись спиной к шоссе, начал любовно глядеть на Москву, отсюда, с пригорка, видную хорошо и далеко. Залитая утренним августовским солнцем, она словно улыбалась радостно. А ведь совсем еще недавно, какие-нибудь года два назад, на ее улицах, пропахших тоскливой гарью пожарищ, грохотали залпы зениток, стоявших в городских скверах, а в небе подвывали бомбардировщики с черными крестами на крыльях.

— Готово, товарищ генерал, уговорил нашу «старуху». Поехали! — крикнул водитель, захлопывая капот.

Генерал шагнул к машине и остановился. Спокойное, крепкой кости лицо его дрогнуло. Глубокое волнение, удивление и радость отразились на нем.

Лавина мчавшихся по шоссе машин, поднимаясь на взлобок, сбавляла ход. Мимо «эмки» в двух шагах медленно проехал «виллис», густо измазанный мазутом по бре-

зентовому борту. На заднем сиденье «виллиса» был только один человек, сухой, мускулистый, подобранный, в морском кителе и мичманке с тупым нахимовским козырьком, как-то особенно лихо сдвинутой на бровь. Он равнодушно скользнул по генералу взглядом цыганистых, с синеватыми белками глаз, а генерал бросился за «виллисом», закричав пересохшим от волнения голосом:

— Птуха!.. Федор Тарасович!.. Мичман!..

Но «виллис» уже заслонили проезжавшие машины.

Генерал кинулся к такси и крикнул водителю:

— Видел «виллис», измазанный мазутом? Гони за ним! Догонишь — что хочешь с меня спрашивай!

— Сегодня без обгона, товарищ генерал, — сказал опасно водитель. — Верная неприятность от ГАИ!

— Давай, давай! Не отставай хотя бы. Ко входу на аэродром вместе подскочим, и то хорошо. Я его тогда при входе перехвачу!

Дряхлая «эмка» по-молодому рванулась вперед, азартно дребезжа и мотором, и кузовом.

— Кого перехватите? Украл он у вас что-нибудь?

— Почему — украл? Да боже ж ты мой, я Птуху ищу! Мичмана Птуху, понимаешь?

Водитель ничего не понял. А генерал подумал, волнуясь:

«Это был Птуха! Я же ясно видел. Мичманок ты мой дорогой! Гроза морей! И глаза цыганские, и мичманка нахимовская. Да чего там — все его!»

— Куда? Вход и слева и справа! — нетерпеливо спросил водитель.

— Эх, мать честная! Давай вправо! — отчаянно воскликнул генерал.

Мелькнули клумбы, цветники, газоны, и открылась взору ширь аэродрома. Над вышкой Центрального аэро-

клуба призывно развевались сине-желтые авиационные флаги.

Сунув водителю крупную бумажку, генерал бегом припустил к входным турникетам. Но здесь была пробка. Только через полчаса нажимавшие сзади вытолкнули генерала на аэродром. Он подошел к канату, за которым уже сидели на траве зрители. Перед ним было море голов. Разве найдешь здесь Птуху?

«Надо Косаговскому написать. Птуха, мол, отыскался, вышел из Ново-Китежа. — Генерал взволнованно вздохнул. — Нет, подожду писать. Он, конечно, спросит про Анфису. А что я ему отвечу? Надо прежде мичмана отыскать и узнать у него все досконально. Зачем раньше времени трепать Виктору Дмитриевичу нервы!»

2

Небо загудело, запульсировало, заревело от ударов мощных пропеллеров. Гул, как пальцами, давил на барабанные перепонки. С железобетонной взлетной дорожки поднимались многомоторные бомбардировщики. Взлетев после стремительного разбега, они пошли над аэродромом плотными колоннами. Это был великолепный и грозный воздушный марш.

Проводив бомбардировщики взглядом, генерал-майор Ратных опустил глаза на аэродром, на зрителей. Безнадежно смотрел он на бесчисленные кепки, шляпы, береты, фуражки различных фасонов. Он все еще искал лихую мичманку Федора Птухи.

Безнадежное дело! Не найти!

«А вышел ли Птуха из Ново-Китежа? Ведь город горел со всех концов, как огромный костер. И в тайге начался пожар, а новокитежане со скотом, с телегами бежали от пожара. Видели мы это с самолета. Может быть, и Птуха

погиб в этом пожаре? Нет, он дня на три позже пришел в Ново-Китеж. Наверное, голое пожарище нашел на месте города. А самолеты, высланные из Читы, увидели только выжженную на многие километры тайгу. Сесть нельзя было. И никто им с земли сигналов не подавал. А все же вышел мичман в «мир», на Большую землю. Его я видел на шоссе в «виллисе». Ошибки нет! Он где-то здесь, может быть, в двух шагах!..»

Над аэродромом по-прежнему ревело небо. В вышине стремительно носились реактивные истребители, погнавшиеся за бомбардировщиками. Начался воздушный бой. Горький, едкий дым сгоревшего бензина повис в безветренном небе.

А генерал почувствовал вдруг запах другого дыма, дровяного, смолистого. Он валил из-под крыш, из окон и дверей топившихся по-черному изб Ново-Китежа.

Воспоминания обступили его, и годы медленно пошли назад, в невозвратное прошлое.

Глава 2

ФРОНТОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Давайте вспомним все, что нам
знакомо...
М. Светлов,
«Двадцать лет спустя»

1

Странно, но прежде всего вспомнилась почему-то дверь, аккуратно обитая желтой клеенкой, с беленькой кнопочкой электрического звонка. И едва он прикоснулся к кнопке, дверь моментально открылась, словно его ждали. На

пороге стоял мальчуган, белобрысый, с коротко остриженной головой, с облупившимся от ветра носом, с глазами темно-синими, веселыми и озорными, в длинных и пушистых ресницах.

— Вам кого? — весело и дружелюбно спросил мальчуган.

— Летчик Косаговский здесь живет?

— Здесь. — Мальчуган посмотрел на зеленые петлицы с красной «шпалой». — Вы, значит, пограничник, товарищ капитан?

— Так точно! — шутливо вытянул капитан руки по швам. — А ты кто таков, добрый молодец?

— Сережа Косаговский.

— Сын Виктора Дмитриевича?

— Нет, — засмеялся Сережа. — Виктор мой брат. Входите, товарищ капитан. Витя дома, — посторонился он в дверях.

Но пройти капитану мешала собака, сидевшая рядом с Сережей. Хорошая собака! С черной блестящей короткой шерстью, узкой мордой, широкой грудью бойца и смелыми, бесхитростными глазами. Ее словно вымазанный в саже, лоснящийся нос морщился от удовольствия. Наклоняя голову то вправо, то влево, собака внимательно рассматривала нового человека. Видимо, она любила новые знакомства.

— Твоя или братова? — спросил капитан.

— Моя. Я Женьку месячным щенком выменял у одного мальчишки за коллекцию марок. А марки знаете какие были? Аргентина с парусником, Аден с верблюдом и французская Гвиана! На тренировку его вожу в клуб служебного собаководства. Женька уже многие команды выполняет.

— Доберман-пинчер? — пригляделся к собаке капитан.

— Что вы! — засмеялся Сережа. — Типичная дворняга. Уши лопухом, хвост крючком.

Хвост у Женьки действительно подгулял: не был отрублен, как положено доберману, и завернулся кренделем.

— Точную справку дам, — донеслось из глубины квартиры. — Обман-панчер! Слыхали о такой породе?

Капитан поднял глаза. В передней стоял, широко расставив ноги, высокий стройный человек. Капитан успел разглядеть лишь темно-синие, как и у Сережи, глаза в таких же длинных и пушистых ресницах да еще буйные белокурые волосы, свисавшие на лоб.

Капитан мягко шагнул в переднюю. Он был в легких летних брезентовых сапогах.

— Капитан Ратных, Степан Васильевич.

Летчик поправил накинутый на плечи синий китель гражданской авиации и протянул руку.

— Очень приятно. Проходите в комнату. Садитесь. Чем могу служить, капитан?

— Ваш самолет — борт № 609? — Капитан говорил с протяжным сибирским оканьем.

— Предположим.

— Возьмите меня, Виктор Дмитриевич, на ваш самолет. Прихватите, как говорится, на попутной.

— А поллитровка за левачок будет? — улыбнулся летчик.

— Как полагается! — улыбнулся и Ратных.

Оба посмеялись, но скупно, осторожно прощупывая друг друга взглядами. И сразу понравились друг другу.

— Почему такая спешка? — продолжая улыбаться, спросил Косаговский.

— Обязан быть немедленно на заставе.

Летчик стал серьезным.

— А вы знаете, с каким грузом я лечу?

— Знаю. Груз неприятный, взрывчатка. И в случае чего... из нас рубленая колбаса? — Капитан снова засмеялся. — Но я все-таки с вами полечу, если возьмете.

— Без детонаторов взрывчатка не взорвется, а капсулы мы не берем. Запрещено их вместе перевозить. Только я лечу до Балашихи, до базы Взрывпрома. А от Балашихи до границы еще черт те сколько!

— От Балашихи я своими средствами доберусь.

— Тогда так! — Косаговский потер бритый подбородок. — Я не возражаю, но и разрешить не могу. Просите ответственного дежурного по аэродрому.

— Был уже у него. Вот письменное разрешение... Батюшки! А это у вас откуда? — Капитан удивленно смотрел на стоявший в углу широкий меч в лакированных ножнах с длинной рукоятью без гарды. — Это же японская офицерская сабля. Самурайский меч!

— Это Сержкино оружие. Он им лопухи и крапиву беспощадно рубит.

— Витя его с Халхин-Гола привез! — гордо сказал Сержка.

— Вы халхинголец?! — воскликнул капитан. — Где воевали?

— На Баин-Цаганском плацдарме. На бомбардировщиках.

— Северо-восточную переправу вы бомбили?

— Было такое дело.

— Видел ваш удар. Блиндажи дыбом, артиллерийские позиции дыбом! Самураям даже омомори не помогли.

— Вот вам и омомори, — снял Косаговский с этажерки крохотного бронзового идола. — На каждом самурайском самолете их по десятку висело.

— Выходит, мы с вами фронтовые товарищи? — Капитан любовно посмотрел на летчика.

— Выходит, так, — весело ответил Косаговский. — Вы, я вижу, меченый. Где? На границе? А может быть, там?

Ратных потрогал правое ухо, сморщенное, будто завязанное в узелок. От уха шел к глазу шрам.

— Там, в степях, около озера Самбурин. В тылу Южной группы.

— В тылу? Ах да, вы же пограничник. И вам работа нашлась?

— Работы по горло было. Вместе с самураями полезли в драку и белогвардейцы-эмигранты. В тылах нашей Южной группы появилась диверсантская конная банда Колдунова, бывшего унгерновского ротмистра. Ликвидировать Колдунова послали сводный конный отряд; в него входили эскадрон пограничников и эскадрон монгольских цириков. Этим отрядом я и командовал. Загнали мы колдуновскую банду в камыши озера Самбурин. Сидят они там и постреливают. У них богато ручных пулеметов было. Надоела нам эта волюнка, и подожгли мы камыши. Вылетели колдуновцы в степь — мы им навстречу. Сшиблись! Большинство колдуновцев на месте лежать осталось, но и наших полегло немало. А мне с самим Колдуновым схлестнуться пришлось. Сначала Колдунов налетел на меня, выстрелил из маузера. Целил он мне в голову, да чуть промахнулся. Только вот корноухим меня сделал. А я его саблей достал. Рубанул! Но все же он ускакал, только маузер свой потерял.

Ратных замолчал. Молчал, задумавшись, и летчик. Перед глазами их стелилась желто-серая монгольская степь, горели над нею тревожные полосатые закаты, мутный Халхин-Гол извивался между сопками, и посвистывали тоненько под ветром речные камыши. А на горизонте высился мрачный массив Большого Хингана.

— Да, два года прошло, а все еще стоит в глазах Монголия! — задумчиво произнес наконец Косаговский. — Давайте-ка, Степан Васильевич, раздевайтесь, чаю попьем. Сережа, живо чайник на плиту!

— Только, чур, без меня про войну не рассказывать! — взмолился Сережа и помчался, подпрыгивая, на кухню. Женька, трепыхая ушами, побежал за ним.

2

Когда гость расположился на уютном диванчике, Косаговский сказал:

— По всему, по фамилии и по оканью, видно, что вы, Степан Васильевич, сибиряк.

— Коренной сибиряк! Чистокровный гуран¹, забайкалец. Прадеды мои из тех ратных людей, что со славным землепроходцем Василием Поярковым пришли и обжили дикие земли на рубеже с Поднебесной империей.

— А я белорус. Сюда вот военная служба занесла.

Ратных кивнул головой и посмотрел на часы.

— Запаздывает что-то мой дружок! Виктор Дмитриевич, вы уж простите нас великодушно за бесцеремонность: мы с Федором Тарасовичем Птухой договорились у вас встретиться.

— А, мичман! Летал он со мной на Балашиху. Перевозил взрывчатку. И в этот рейс летит.

— Ну да. Он-то мне и посоветовал обратиться к вам.

— А где вы с ним познакомились?

— На Халхин-Голе. Он тоже там порох нюхал.

— А я и не знал! — весело воскликнул летчик. — Ну и счастливый сегодня день. Собирается боевое братство! Он тоже пограничник?

¹ Гуран — лесной козел.

— Нет, он бывший мичман Тихоокеанского флота. Так сказать, пенител ь моря! По специальности минер-торпедист. А познакомился я с ним в Баян-Бурде, в полевом хирургическом госпитале.

— Подорвался?

— Не то чтобы подорвался, а руку себе покалечил. Помните единственный понтонный мост японцев через Халхин-Гол? В июле, во время большого наступления противника, мост этот мы взорвали. Для этой операции прислали минеров Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Мичман в чем-то чуток просчитался, и ему доской, как топором, отрубило два пальца левой руки. — Капитан поднял левую руку и показал, какие пальцы оторвало мичману. — В Баян-Бурде, в госпитале, он закатил такой скандалчик, что я невольно обратил на него внимание. Врач ему говорит: «В Чит у вас завтра эвакуируем. Вы теперь к строю негодны, у вас двух пальцев недочет». Эх, как взвился мичман! «Для моего минерского дела, говорит, и трех пальцев хватит! Перевяжите меня поскорее, и я пойду. Мне в команду спешно нужно. У нас сегодня сапоги выдают».

— Выписали? — заинтересованно спросил Косаговский.

— Нет, конечно. Но и в Чит у не отправили. Два раза, когда транспорты формировались, он прятался. Махнули на него рукой! Койки наши в юрте рядом стояли, а на госпитальных койках соседи, сами, поди, знаете, либо надоедают друг другу до чертиков, либо дружбу заводят. Вот мы и подружились с Федором. Хороший мужик!

— А теперь он снова на взрывной работе?

— Снова. «Не могу, говорит, бросить свое веселое ремесло».

— Вот именно «веселое»! — подхватил Косаговский. — Вы заметили, Степан Васильевич, что люди опасных про-

фессий всегда влюблены в свою работу. Возьмите водолазов, верхолазов, шахтеров...

— Летчиков! — подмигнул Ратных.

— А какая у меня опасность? — искренне удивился летчик. — Обыкновенный воздушный ломовик.

Сережа принес из кухни чайник.

Наливая капитану крепкий коричневый чай, Косаговский застенчиво улыбнулся:

— Правда, в нашей работе всякое бывает. Авиация у нас легкомоторная, местного значения и специального назначения. А это значит, в любую щель обязаны пролезть и на пяточке приземлиться.

— Значит, и вынужденные посадки бывают, и аварии, и блуждания по дикой тайге?

— Вообще-то бывают, но очень редко. Вот у меня случай был. Летел я по незнакомой трассе, над сопками, и хвост самолета зацепился за стланик на вершине сопки. С этим украшением я и прилетел на аэродром. Знаете, как мне влетело за это от начальника отряда? Легче на вынужденную идти!

Виктор откинул со лба волосы и засмеялся, по-ребячьи сморщив нос.

В передней раздался звонок.

— Это Птуха, — сказал капитан.

Сережа помчался открывать.

3

Дверь в переднюю Сережа не закрыл, и видно было, что вошел человек в черном клеенчатом реглане и мичманке с узеньким нахимовским козырьком, сухой, мускулистый, подобранный и до краев налитый веселой, звонкой силой. Были в нем та подтянутость и щеголеватая точ-

ность, тот необъяснимый флотский шик, который свойствен только военным морякам.

Сережа замер от восторга. Восторг его дошел до предела, когда Птуха снял реглан, а под ним оказался морской китель с якорьками на золотых пуговицах и со значком торпедиста на рукаве — красной морской торпедой в золотом круге. Не смог моряк — духу не хватило — сменить китель, реглан, мичманку, пусть без «краба» и без кокарды, на ничем не примечательные пиджак и кепку, не смог спороть доблестный значок торпедиста. Достаточно и того, что спорол он четыре мичманских галуна, следы которых еще видны были на рукавах.

Блестя цыганскими, с синеватыми белками глазами, он спрашивал Сережу с напускной строгостью:

— Штык-болт крепить умеешь?

— Не умею, — смущенно сопанул носом Сережа.

— А рифовый узел вязать можешь?

— Не могу. Научите?

— Об чем речь? Обязательно!

Войдя в комнату, мичман обратился к Косаговскому:

— Извините, Виктор Дмитриевич, что незванный пришел, да еще и товарищу капитану ваш адрес дал.

— Не извиняйтесь, Федор Тарасович. Хорошо сделали, что пришли. И с товарищем капитаном был рад познакомиться. Вы, оказывается, тоже халхинголец?

— Так точно! И вы там дрались? — Он посмотрел на стаканы с чаем и сокрушенно вздохнул. — Боевые товарищи при встрече пьют чай! Ну и ну! Просто кошмар! Одну минуточку! — Он вышел в переднюю, покопался в кармане реглана и, вернувшись, поставил на стол бутылку. — Вот. Одесский коньяк, сестренка прислала. Где у вас штопор, Виктор Дмитриевич?

— Вы одессит? — спросил Косаговский.

— Мне просто смешно! Разве это не видно с первого

взгляда? Чистокровных одесситов, кроме меня, только три: дук¹, Беня Крик и Леонид Утесов. Я, собственно, с Большого фонтана, рыбак. Фонтанский — весь зад в ракушках! Так нас дразнят. Ну, будем! Дай боже и завтра тоже! — поднял мичман первый свою рюмку. — За святое боевое братство!

— Взрывником работаете? — морщась от выпитой рюмки, спросил Косаговский.

— Да. Списали меня на бережок. Оверкиль у мичмана Птухи получился. — Он поднял левую руку и задумчиво, грустно посмотрел на оторванные до первых суставов пальцы. — Но ничего, не унываю. На взрывном деле, как и на борту, тоже морская разворотливость нужна. Дело не скучное! Дырочку в камне просверлишь, взрывчаточку положишь и стукнешь! Далеко нас слышно.

Сережа, нетерпеливо ерзавший на стуле, навалился на стол локтями и весь подался к мичману.

— Товарищ мичман, вы давно взрывником работаете?

— Ты, малец, меня дядей Федей зови.

— Хорошо, дядя Федя.

— Не хорошо, а есть! Вот как надо отвечать.

— Есть, дядя Федя! — гаркнул весело Сережа.

— Молодец! А на взрывчатке я второй год сижу, — старательно жуя колбасу, объяснил Птуха.

— И ничего?

— И ничего.

— А если ошибка?

— Ну, тогда...

— Что тогда?

На лице Птухи собрались под глазами хитренькие и веселые морщинки.

¹ Так одесситы называют памятник на Приморском бульваре герцогу Ришелье.

— Тогда выговор в приказе. С предупреждением.

Сережа недоверчиво улыбнулся:

— А по-настоящему?

— А по-настоящему — тогда от взрывника совсем пу-
стяки останутся. В патронную сумку можно собрать.

Сережа даже присвистнул.

— Надо же!..

— Н-да, профессия! — покачал головой Косаговский.

— Профессия как профессия! — пожал плечами мич-
ман. — Горячий цех, не больше. Точность и расчет требу-
ются.

Глава 3

РАЗГОВОР О РОМАНТИКЕ

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют!

П. Коган

1

Сережа о чем-то глубоко задумался. К нему подошел Женька, ткнулся носом в колено, выпрашивая что-нибудь вкусное со стола.

Сережа сунул ему кусок сахара. Пес захрустел, блаженно жмуря глаза.

— И почему это собаки сосать не умеют? — вдруг озадаченно спросил Сережа. — Сахар лучше сосать, а он, дурак, грызет.

Потом опять уставился в стол, выпятил в раздумье нижнюю губу, потрогал ее пальцем и сказал нерешительно:

— Может быть, мне в взрывники податься?

Косаговский засмеялся, взъерошив волосы на голове брата.

— Сознайся-ка: куда ты только не подавался! Первое твое решение, помню, пойти в пираты, под черным флагом плавать.

— А чем плохо? — вскинул Сережа темно-синие глаза. — Сидишь на баке, пьешь ямайский ром, трубочку покуриваешь. А увидишь на горизонте парус, кричишь: «Купец на левый крамбол!»

— Какой купец? — удивился Ратных.

— Презренная купеческая посуда, набитая шелками и сандаловым деревом, — ответил Сережа. И закричал воодушевленно: — На абордаж, карамба!

— Не кричи, пират! — остановил его Виктор и продолжал: — А подрос — в летчики собрался, потом в подводники, потом в парашютисты. Еще куда? Ах да! На Аляску хотел бежать, золото мыть.

— На Алдан, а не на Аляску.

— Пускай на Алдан. А притащил Женьку в дом — твердо решил в пограничники идти. Вместе с Женькой, конечно.

— А что? — задирчиво спросил Сережа. — Вы думаете, товарищ капитан, Женька хуже Джульбарса будет работать? Ого!

— Думаю, что не хуже, — серьезно ответил капитан.

— Фантазер ты, брат, и романтик, — обнял мальчика Виктор.

— Это не плохо, — мягко сказал Ратных. — Романтика всегда там, где жарче всего.

— Он меня со своей романтикой в гроб вгонит, — сказал Виктор. — То с крыши с теткинским зонтиком спрыгнул и руку вывихнул, то чуть пожар дома не устроил — самодельную мину взрывал, то на Алдан побежал, с милицией

вернули. Минуты на месте спокойно не посидит. Хочу его на летние каникулы к тетке отправить. Она сейчас в таежном селе Удыхе, за сушеными грибами и медом поехала, это рядом с Балашихой. Хотел его на своем самолете подбросить. Но теперь... с таким грузом...

— Ничего страшного! — Мичман поднялся со стула. — Эта взрывчатка — особый скальный сорт. Похожа на замазку или глину. Можно мять ее, лепить, жевать и даже глотать. У нас однажды медведь целый ящик такой взрывчатки сожрал. В огонь можно бросать, а в воде годы пролежит. Умница взрывчатка! Безопасная, как детская игрушка.

— Вот! А у тебя вечно нельзя да нельзя, — осуждающе посмотрел на брата Сережа.

— Ну посмотрим, посмотрим! — примирительно сказал Виктор. — Ты, Сергей, на всякий случай вещички свои собери.

Ратных поднялся и пошел за Сережей в его комнату.

Сережа отфутболил подвернувшуюся под ноги консервную банку с застывшим столярным клеем и с усилием выволок из-под кровати большой ящик. В нем были сложены бесценные сокровища. Водопроводный кран без ручки, ножовка с обломанными зубчиками, старые автосвечи, подкова, масленка, штыри, велосипедный насос, подфарник с разбитым стеклом, колесо швейной машины, винты, ролики, моток проводов.

— Электрический паяльник буду делать, — указал Сережа на провода.

— Сожжешь пробки, влетит тебе от брата! — сказал капитан.

— Мне и так каждый день влетает.

— Большие у тебя сокровища. А брат видел? Не выбросит их?

— Виктор не выбросит, а вот тетя Лида, если увидит,

выбросит. Она же в технике ни бум-бум... Вот стекло нашел. Положительная собирающая линза. Возьму с собой, пригодится.

В передней громко хлопнула входная дверь.

— Кто это? — удивился Сережа и двинулся в столовую.

Ратных пошел за ним.

Косаговский стоял у окна и вглядывался в темноту.

Мичмана в комнате не было.

— Ушел? — удивленно развел руками Ратных. — Ничего не понимаю.

— Дядя Федя на улице! Идите сюда, посмотрите! — крикнул Сережа от окна.

— Эге! А мичман-то не один, — поглядев в окно, сказал капитан и потушил свет в комнате. Так лучше было наблюдать за улицей. — А кто этот прыгун, не знаете, Виктор Дмитриевич?

На противоположной стороне улицы высокий, тонкий как жердь человек, упершись подбородком в грудь, то набегал на мичмана, то отскакивал, нелепо подпрыгивая.

— Первый раз вижу такого, — ответил Косаговский.

— Это Памфил-Бык! — плюща нос о стекло, оживленно сказал Сережа.

— Памфил-Бык? Что это за зверь? — удивился капитан.

— Его все мальчишки в городе знают. Он то появится, то пропадет. Разные старухи богомолки говорят, что он в тайгу уходит богу молиться. Старухи говорят, что он святой, юродивый. Про юродивых я читал. Они в древние времена жили. Верно?

— Верно, — ответил не сразу, думая о чем-то своем, капитан. — Но, оказывается, юродивые и в наше время живут. Надо с ним познакомиться. Пошли, Виктор Дмитриевич?

— И я, и я! — закричал Сережа.

Он первым очутился за дверью. Но его обогнал Женька, мчавшийся с лестницы вниз головой.

Глава 4 ЮРОДИВЫЙ

Чул шум. Не царь ли?
Нет; это юродивый.

*А. Пушкин,
«Борис Годунов»*

1

Увидев подходивших капитана и летчика, Птуха двинулся навстречу.

— Это мой старый знакомый. Я его, жлоба; не раз на нашей трассе видел, — тихо сказал он капитану.

— На трассе? — быстро спросил капитан.

— Военно-стратегическую дорогу строим, а он на трассе божественную комедию ломал. Молитвы пел, народ собирал, чудеса показывал.

— Чудеса? Какие чудеса?

— Иголку с ниткой через щеку протергивал, грудь шилом прокалывал. Факир, бодай его в брюхо! А рабочие, особенно деревенские из глухих углов, и бабы носами хлюпают: «Блаженненький!... Святой, к господу причаенный!.. Чудотворец!..»

— А что ему на трассе нужно было?

— А я знаю? Вышиб я его с трассы и пообещал: если еще раз увижу — в землю по плечи вобью! А сейчас, гляжу из окна, он в тень прячется и на дом Виктора Дмитриевича пялится.

— Пойдем поприветствуем его, — двинулся капитан.

Юродивый стоял, прижавшись к стене, прячась в тень.

— Уважаемый публикум! Рекомендую! Факир Шаро-Вары! — сердито, но тоном циркового шталмейстера провозгласил мичман.

Косаговский включил карманный фонарь. Из темноты выступило иконописное темное изможденное лицо с узенькой бородашкой, стекавшей со щек. Блеснули пустые, словно стеклянные глаза. Памфил-Бык стоял сбычившись, уперев в грудь подбородок. Когда-то нож, а может быть, пуля или сабля резанули его по горлу. Рана заплыла безобразным шрамом, красным и бугристым, как петушиный гребень. Шея онемела, подбородок оказался притянутым к груди; голову юродивый поднять уже не мог. Он стал походить на бодающегося быка, за что и получил свою кличку. Одет он был в рваное пальтишко, подпоясанное веревкой, вместо шапки повязался по-бабьи грязным белым платком, на ногах — валяные опорки. Он опирался обеими руками на длинную и толстую дубину со свинцовым набалдашником в жулак величиной.

Подошедшие к нему молчали; молчал и он, блестя своими «стеклянными» глазами.

Капитан почувствовал вдруг, что юродивый пристально вглядывается в него. В это время Женька заскакал вокруг юродивого с заигрывающим тьяканьем. И будто бы отбиваясь от собаки, Памфил-Бык, перехватив дубину за нижний конец, с силой размахнулся ею вкруговую. Круто загудел воздух. Испуганно вскрикнул невидимый в темноте Сережа. Свинцовый набалдашник просвистел близко от головы капитана.

— Осторожнее размахивай, гражданин, — спокойно сказал капитан. — Ты кто такой?

Памфил-Бык ухмыльнулся широко, бессмысленно.

— Асиньки? Я кто? Я Памфилка, дурак присноблагенный, глупомудрый. Вот я кто. — Он заморгал часто, подпрыгнул высоко и завопил хрипло: — Христа зарезали!.. Богородицу-матушку зарезали!.. Ой, жалко!

— Заткни кран! — гаркнул, как на палубе, мичман. — Что здесь потерял? Что высматриваешь?

Юродивый и ему ответил ангельской, миролюбивой улыбкой.

— Асиньки? — и закрестился вдруг испуганно. — Узнал! Узнал тебя!.. Ты богородицу зарезал!.. Боюсь! Ты Памфилку-дурака зарежешь... Боюсь! — захныкал он, тыча пальцем в лицо мичмана.

— Ша! Чтоб тихо было! — шагнул Птуха к юродивому и поднес к его носу кулак. — Чуешь? Увидишь небо в алмазах!

В глазах Памфила мелькнула осмысленная злоба.

— Не дуй в улей, без глаз останешься, — тихо, угрюмо проговорил он. — Не ровен час, сегодня — нас, завтра — вас.

— Чеши отсюда на полусогнутых, пока цел! — снова двинулся мичман на юродивого.

А Памфил уже уходил, подскакивая и вопя хрипло церковный напев:

Волною морскою, скрывше древле,
Гонителя, мучителя под водою скрывше...

Его не было видно, но из темноты все еще доносилось со злобной угрозой:

Гонителя... мучителя...

Капитан молчал, сунув руки в карманы шинели, о чем-то упорно думал.

— А, гори они синим пламенем, эти факиры и малохольные юродивые! — вдруг зло сказал мичман. — Шата-

ются тут! И чего милиция смотрит? Потопаю я. Выспаться надо. Завтра рано полетим. Давай руку, Сережа.

Даже по звуку шагов мичмана можно было понять, что он очень сердит и очень чем-то недоволен.

Глава 5

ГРАНИЦА

Я нынешней ночью
Не спал до рассвета,
Я слышал — проснулись
Военные ветры.

М. Светлов, «Перед боем»

1

Косаговский предложил капитану ночевать у него, а не в командирской гостинице пограничного отряда. Виктору хотелось послушать рассказы капитана о жизни на границе. Ратных охотно согласился.

Едва вошли они в маленький кабинетик летчика, капитан подошел к телефону.

— Разрешите? Позвоню куда следует. Доложу о присноблаженном Памфиле-Быке. Не нравится мне этот юридивый: что-то фальшивое в нем и ведет себя подозрительно.

Капитан поднял трубку, а Виктор деликатно вышел, притворив дверь. Когда он вернулся, Ратных бесшумно ходил по комнате, заложив руки за спину. Лицо его было мрачно и озабоченно.

По коридору, подпрыгивая, промчался умываться Сережа.

Капитан улыбнулся:

— Шустрый он у вас, как чижик. Не ходит, а бегаёт вприпрыжку. Торопится, как бы без него что-нибудь интересное не случилось.

— Бедовый слишком. Но коли созорничает, не отопрется, душой не покривит. Не возьму его все же завтра в рейс.

— А где ваши родители?

— Мама умерла, когда Сереже шесть лет было, а через два года и отец погиб при катастрофе. Он был паровозным машинистом. Живем втроем, с тетей Лидой, маминой сестрой.

Опять промчался с подскоком Сережа. Виктор остановил его около дверей:

— Покажи руки. Чистые. А шея? Молодец. Марш спать! Завтра можешь спать вволю. Отвезу тебя следующим рейсом.

Сережа посмотрел на брата исподлобья.

— Все равно полечу завтра, — сказал он упрямо и пошел к себе.

— Не валяй дурака! — крикнул ему вдогонку брат.

Сережа не ответил.

Слышно было, как он свирепо колотил подушку, укладываясь спать.

— А вы, товарищ капитан, наверное, женаты? Дети есть? — спросил Косаговский.

— Нет, холост. Вот прикипел к вашему Сережке.

2

Капитан и летчик закурили.

— Вы говорили, Степан Васильевич, что спешите на заставу, — прервал молчание Косаговский. — Что-нибудь тревожное?

— У нас всегда тревожно. Слышали о Братстве русской правды¹?

— Был судебный процесс этого Братства. В газетах читал. Пойманы на границе как шпионы и диверсанты.

— О них я и говорю. Вертит Братством японский разведчик майор Иосси. Матерый волк доихаровской школы². Братчики, не таясь, называют себя русскими фашистами. Носят форму — черные косоворотки и желтые шарфы с длинными концами. Есть у них и партийные значки. Штаб Братства находится в Харбине. Существует организация на деньги японской разведки. Братчики сформировали три конных полка: Хайларский, Сунгарийский и Харбинский. По сути дела, это банды диверсантов, шпионов и террористов. Расселены по границе, в поселках. Днем пьянствуют, русские песни поют, кричат через границу: «Мы здесь на временном жительство! Скоро вернемся, тогда пощады не ждите!» А ночами паскудят, лезут через границу.

— Рано утром вы будете на Балашихе, — успокоил его Косаговский.

— Да хорошо бы. Есть, говорят, у них в Харбинском полку офицер Колдунов.

— Колдунов? — удивился летчик. — Не тот ли, что вам ухо изуродовал на Халхин-Голе?

— Вот я и думаю — не он ли? — Ратных взволнованно прошелся по кабинету и снова присел к письменному столу. — Через границу харбинцы обычно прорываются с бо-

¹ Братство русской правды (БРП) — эмигрантская белогвардейско-фашистская организация, активно сотрудничавшая с военной разведкой императорской Японии. Центр БРП был в Маньчжурии, в Харбине.

² Генерал Доихара — крупнейший организатор японского шпионажа против СССР на Дальнем Востоке.

ем, крупными бандами. Японцы поддерживают их огнем с маньчжурской стороны. А если прорыв удался, они на нашей территории распыляются и действуют небольшими группами в два-три человека. Называется — москитная тактика. И вот что загадочно: возвращаются они в Маньчжурию тоже небольшими группами, и бывает, что некоторые из них несут рассыпную платину. Сначала они пушнину таскали, последние два года мы перехватываем платину. И такую платину, какую никто еще в Золотоскупку не сдавал: обработанная, обкатанная, аллювиальная. Мало того — крупная, отборная, каждое зернышко хоть в рукавицах бери! Специалисты говорят, что платины такой высокой пробы нет на окрестных государственных приисках. Откуда они берут ее? Платину эту мы обнаружили в одежде нескольких убитых братчиков. Раненых они добивают, чтобы не раскрыли тайну прииска. Характерно, что переносчики платины всегда чахары¹. Их не мало в полках братчиков. Одеваются они, как наши буряты: халат с вышивками застегивается на правую сторону. Удобно для маскировки.

— Найдут этот таинственный прииск, — сказал Косоговский, положив ладонь на крепко сжатый кулак капитана.

— Конечно, найдут. Но у нас в Сибири есть места, где не бывал еще человек. Возьмите, например, болота в междуречье Оби — Иртыша. Ни проехать туда, ни пройти. Никакой Макар туда телят не гонял. Недаром же топографы и геологи называют эти места «язвой планеты». Да чего больше, совсем недавно, в 1937 году, недалеко от нас, в Приамурье, открыт целый горный хребет — Баджальский. Целый хребет, шутка сказать! А четыре года назад его и

¹ Чахары — монгольское племя. Живут во Внутренней Монголии, автономном районе Китая.

на картах не было. Немало еще тайн хранит наша матушка Сибирь. Но это последние тайны. Я сибиряк и твердо знаю, что скоро исчезнут у нас «белые пятна», «язвы планеты», «ненаселенка», как пишут на топографических картах крупного масштаба.

Ратных потискал нервно подбородок.

— Рассказывали мне знающие люди, что у нас в Забайкалье есть подозрительный район. Целая болотная страна. Туда скоро будет направлена комплексная экспедиция.

Капитан устало зевнул и потянулся всем телом.

Косаговский пошел за постельными принадлежностями и остановился на минуту у висевшего на стене отрывного календаря.

— День прожит! — сказал он, срывая листок. — Вечно удивляешься, как летит время. Здесь кроссворд есть, — посмотрел он на обратную сторону листка и сунул его в карман кителя. — В Балашихе придется посидеть, ждать разгрузки. Вот и буду решать.

3

Утром, еще в темноте, завтракали на кухне, чтобы не разбудить Сережу. А когда засигналил на улице пришедший за летчиком аэродромный автобус, в переднюю пошли на цыпочках и одевались бесшумно.

Город еще спал. На всей Забайкальской улице только в одном окне горел свет. Виктор открыл дверцу автобуса, поднял ногу на подножку и попятился. В автобусе сидел Сережа. Ватный его пиджачок был туго за поясан офицерским ремнем, подарком брата; на ремне висела большая полевая сумка, тоже брата подарок, а на голове — третий подарок брата, старый летный шлем. У ног его лежал Женька.

— Вот это будь здоров! И даже в полной штормовой амуниции! — сказал с сарказмом Виктор. — Далеко собрались, Сергей Дмитриевич?

— В Балашиху. С тобой, с дядей Федей, с товарищем капитаном.

— Далеконько. А ну, марш домой! Снять амуницию, ложиться спать! — строго свел брови Виктор. — По случаю воскресенья можешь сходить в кино на утренний сеанс.

— Сам иди в кино на утренний сеанс!

— Сергей! Разговорчики на левом фланге.

Сережа вскинул голову упрямо и вызывающе.

— Ты слово не держишь! — взволнованно и нажимисто сказал он. — Ты дал мне слово взять меня в полет? Дал?

— Ты уже летал, и не раз.

— Ну это что за полеты! Над аэродромом. Карусель, а не полет.

— Виктор Дмитриевич, — неуверенно вступил в разговор Ратных, — возьмем Сережу. А?

Виктор посмотрел на замершего мальчугана и надвинул ему шлем на нос.

— Полетишь, шут с тобой!

Сережа схватил брата за руку и запрыгал.

— Вик, ты такой брат, такой брат... ну, прямо!.. И вам, товарищ капитан, спасибо-преспасибо!

— погоди! — остановил его брат. — Обман-пинчер тоже собрался лететь?

— У нас с Женькой на все одинаковая точка зрения.

Женька, видимо понимая, что разговор идет о нем, улыбался Виктору во всю морду, все зубы на виду, а нос набок.

Потом подсунул голову под ладонь летчика.

— Подхалим! — сказал Виктор и дернул Женьку за ухо.

Глава 6

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

Походил Илья на конюший двор,
Седлал своего коня доброго,
Тянул двенадцать подпруг
шелковых,
Белого шелка шемаханского.
Былина об Илье Муромце

1

Сережа не раз бывал в аэропорту, и его всегда волновал и басовитый гул моторов — мужественная песня дальних странствий, и запахи бензина, масла, краски — особенные, зовущие запахи летного поля, волновали и воздушные корабли, то в стремительном разбеге отрывающиеся от земли, то устало идущие на посадку. И он люто завидовал пассажирам: закутанным в меха оленеводам из приморской тундры, морякам-тихоокеанцам, инженерам таежных строек, темнолицым от зимнего загара геологам, даже обычным скучным командированным, — и они, размахивающие потрепанными портфелями, полетят в тайгу, в тундру, в горы или на морское побережье, в промыслово-охотничий колхоз, на золотой прииск, в геологическую партию или в морскую рыбацью бригаду.

— Идите к самолету, — сказал Косаговский капитану и Сереже, — а мне надо разрешение на Сережкин полет получить и взять прогноз погоды.

Самолет Косаговского № 609, из семьи прославленных «Антонов», стоял на рулевой дорожке.

Мичман Птуха, увидев подходивших, озорно прищурился:

— Ха! Смотрите на него, таки своего добился! Я же говорил — Сережа еще тот парень. Тю, и Женька здесь! Полный порядок на палубе.

Капитан посмотрел на двух красноармейцев, стоявших около самолета.

— Вы охрану вызвали, мичман?

— Еще вчера вечером. Вертятся тут всякие факиры, целуй их собака в нос!

— Умно сделали, Федор Тарасович! Покажите нам ваше хозяйство.

В кабине самолета невысокими аккуратными штабельками лежали длинные плоские ящики со взрывчаткой. Вид у них был самый мирный, их можно было принять за ящики с консервами или конфетами, если бы не крупные надписи на красных наклейках: «Внимание! Взрывоопасно!» Пол кабины устилал войлок, и между штабелями ящиков — прокладки из войлока.

И все это было умело, по-морскому принайтвлено к бортам.

— А горшки с цветами — тоже ваше хозяйство? — указал Ратных на глиняные горшки с фикусами, стоявшие рядом со взрывчаткой.

— Морока мне с этими цветочками! — сердито проворчал Птуха. — Наказ балашихинских бабенок. Привези им обязательно такие, лопоухие. Особо ценный груз! Беречь, не трясти, не бросать, не кантовать. Кошмар!

— Цветочки — пустяк, — сказал незаметно подошедший Косаговский. — А я вот в тайгу ореховый буфет тащил, на сто пятнадцатую стройку. Не понимаю, как он в горловину люка влез. И в тайге люди по-человечески жить хотят.

— И футбольные мячи везете? — потянулся Сережа к двум мячам, висевшим под потолком. — У вас и футболисты есть, дядя Федя?

— Команда «Тайга»! Класс! — гордо ответил мичман Федор Птуха.

2

Техник, сидевший в пилотском кресле, грел мотор. Самолет дрожал, от винта летели брызги из луж. Увидев летчика, техник снял газ.

— Разрешение на Сережкин полет имею, прогноз тоже получил. Погодка... Как сердце красавицы!

— Это как же понять? — спросил капитан.

— Склонно к измене и перемене! Ничего. Добро на вылет имеем. Как движок? — крикнул летчик механику.

— Как зверь работает!

Косаговский любовно посмотрел на самолет, стройный, узкий, но ширококрылый. И как шрамы на лице забияки и искателя приключений, были на самолете рубцы и шрамы: борт вмят, на крыле заплата, шасси, погнутое при вынужденной посадке, выпрямлено ковкой. Всем видом своим самолет будто говорил: из многих передряг я выбрался, не прочь и в новую лезть!

— Характер у вашего «коня», видать, задиристый! — засмеялся капитан.

— Работяга мой «Антошка»! Где хотите сядет, хоть на подоконник, как воробей... Ну, по местам!

Мичман втянул в кабину лестницу и закрыл дверь.

Она захлопнулась мягко и плотно, как дверь холодильника.

И не знал Сережа, что она закрыла от него привычный, будничныи мир, а за нею начнется мир необыкновенных, фантастических приключений.

Глава 7

ТУМАН

Конь осержается, от земли отделяется; скачет выше леса стоячего, ниже облака ходячего; горы, реки и озера меж ног пропускает, поля и луга хвостом устиляет.

Сказка

1

Косаговский энергично набирал высоту.

Мотор работал мелодично и чисто, пел высоким дискантом.

Единственная в мире песня, которая никогда не надоедает и не нагоняет тоску. Летели спокойно. Впереди прозрачный круг невидимого винта, а самолет, казалось, подвесили в воздухе на мягких резиновых канатах.

Колеса шасси висели над горами, поросшими темно-зеленой тайгой. Иногда тайгу разрывали речки, сверху дегтярно-черные, но вспыхивающие неожиданно ослепительными искрами. Осколками разбитого зеркала сверкали круглые, как циркулем обведенные, небольшие озера. Вдруг вдали открылось большое озеро, огромная водная гладь.

«Почему оно пыльное какое-то?» — подумал капитан.

Ветер переменялся, подул откуда-то сбоку, потом совсем упал, потом задул в лоб и снова сбоку, но уже с другого борта. Самолет резко болтнуло. Небо внезапно заволкло тучами. Самолет летел упрямо к озеру, и оно появилось совсем рядом, под крылом. На озере бушевала буря. Она тянулась к самолету черными щупальцами. Птуха, сидевший позади капитана, приблизил губы к его уху и крикнул:

— Смотрите, товарищ капитан! Ох, зальет нас сала за шкуру!

Из мутной мглы, метавшейся над озером, медленно поднялся бешено вертящийся гигантский столб. Он тянулся все выше и выше, дотянулся до низких, быстро летящих туч и уперся в них. И другие черные, изогнутые ветром смерчи вставали над озером; их расплывающиеся вершины тоже подпирали низкий и мрачный небосвод. Самолет летел меж этих черных колонн, то и дело резко сворачивая от них в сторону.

Неожиданно хлынул дождь, крупный проливень. Теперь, казалось, самолет не в воздухе летит, а плывет под водой. Стекла иллюминаторов закрыли сплошные водяные потоки, и не видно было, где они летят: над горами, тайгой или их занесло уже в степи Монголии.

2

Самолет круто пошел вверх, но провалился, словно обессилев, и задрожал испуганно. Удары ветра то пинали его по-прежнему в бока, то задирали хвост. Иногда эти удары были такими яростными, что самолет едва не переворачивался навзничь, и тогда управление вырывалось из рук летчика. В зеркальце наблюдения за кабиной отражалось лицо Виктора, и капитан видел его сжатые губы, глубоко прорубившиеся морщины в углах рта и мелкие бусинки пота на лбу. Капитан наклонился к форточке и крикнул:

— Где мы летим, Виктор Дмитриевич? В Балашиху-то попадем?

Виктор помолчал и устало ответил, не оборачиваясь:

— Не ручаюсь. Видели, какие ветры нам встретились? Похоже, что сдуло нас с курса.

— Что вы думаете дальше делать?

— Определиться надо, это самое главное. Как выйдем из дождя, попробую сориентироваться.

— И тогда?

— Уточню место и на Балашиху буду пробиваться. — Летчик помолчал и тихо добавил: — Если горючего хватит.

— Есть другие варианты?

— Последний вариант: если нельзя будет определиться, сяду.

— Сядете? Куда? Где?

— Буду искать какое-нибудь селение. Поближе к нему и сядем.

Капитан откинулся от форточки. Птуха высунулся над его плечом.

— Полундра?

— Пока еще нет. Будет полундра — сами заметите.

Мичман вздохнул и, покосившись на Сережу, шепнул:

— Напрасно мы салажонка взяли.

«Попробовал бы ты его не взять!» — подумал капитан.

Ливень внезапно прекратился, словно его сдуло назад. Меньше стала и болтанка. Снова ровно и чисто запел мотор. Внизу была тайга.

— Виктор Дмитриевич, живем? — весело крикнул в форточку капитан. — Имеем видимость?

— А что толку от такой видимости? — В голосе Виктора было раздражение. — Глазу не за что зацепиться. Попробуйте определиться!

Ратных прильнул к окну. Тайга, тайга, тайга! Таежное море без берегов. Ни приметных горных вершин, ни рек, ни озер, ни дымка над темно-зеленой щеткой тайги. Ратных перешел к другому борту, но и с той стороны было безбрежное таежное море. В это время услышали громкий, злой голос Виктора:

— А, черт! Этого только не хватало. Смотрите вниз!

Птуха и Сережа тоже потянулись к иллюминаторам. А капитан увидел, что от земли поднимаются густые клубы дыма. Но сейчас, взглядевшись, он понял: это туман застилает тайгу. В низинах он разлился синеватыми озерами, повис белесыми космами на деревьях. Он колыхался от ветра, поднимаясь все выше и выше, и поплыл мимо окон самолета, густой, липкий, как клей. И в кабину проникла и прильнула к лицам промозглая, пахнувшая болотом сырость.

Летчик включил крыльевую фару. Впереди возник ослепительный белый экран.

Чуть проступили в тумане крылья самолета. Виктор выключил фару.

Ратных закрыл глаза. Ему вспомнилось: такой же туман застал его в тайге. Мимо костра пролетела большая птица. Слепшая в тумане, она шаталась из стороны в сторону, задевая то за землю, то за кусты, потом с разлета ударилась о дерево и упала с поломанными крыльями. Так и они будут метаться в тумане ослепшей птицей, пока не встретится гора или дерево. Тогда — взрыв... Сноп огня!..

— Виктор Дмитриевич, а если выше? Может, уйдем от тумана?

— Нельзя. Потолок, — глухо ответил Косаговский. — У нас большой груз...

— Теперь, мичман, кажется, полундра, — тихо сказал Ратных.

— Чувствую. И что с этого будет? — мрачно спросил Птуха.

3

Виктор «выложился», измотался до предела. Ноги затекли, встань — зашатает, а руки оканчивались не пальцами, а ладонями. Пальцев он уже не чувствовал. Сотрясе-

ния штурвала отдавались тупой болью в плечах, будто он целый день бил ломом в землю. «Будет где-нибудь конец этому проклятому туману? Не над всей же Сибирью он висит?»

На приборной доске вспыхнула красная лампочка: горючее на исходе. Пора думать о посадке. Пора! Черт! Давно пора! А как сядешь, где сядешь?

И вдруг крылья самолета выступили из тумана и заблестели, словно по ним мазнули огромной кистью с расплавленным золотом. Виктор даже зажмурился. В кабине сразу стало светло и весело, а внизу открылась залитая солнцем земля. Вместе с солнцем пришли покой, безмолвие, будто самолет, подобно кораблю, вошел в гавань, укрывшую его от бури.

Густая тень его стремительно неслась по необъятной равнине, гладкой, без холмов, оврагов, без леса. Идеальная посадочная площадка! Но летчик почему-то отвернул от нее и пошел на запад, где синел горный кряж.

— Ха! Видали? — удивился мичман и не утерпел: на одесский манер пожал плечами и чуть развел руки. — Под нами ровненько, а что мы будем с этих гор иметь? Компот! Разобьемся там.

— Под нами не ровненько, а болото, — сказал Ратных. — И какое еще болото!

Мичман снова припал к окну. Верно! К горизонту уходило бурое, клокастое, как линяющая волчья шкура, замшелое болото. Топь поблескивала «окнами» закисшей, ржавой воды.

Горы, к которым летел самолет, приближались с каждой минутой. Уже видны были отдельные вершины, то голые, с ножевой остротой гребней, то заросшие лесом, похожие на небритые корявые щеки. Этот небольшой кряж из десятка сопok был, видимо, останцем размытых и выветрившихся горных хребтов.

А дальше, за сопками, до самого горизонта стояла матерая, сплошная тайга. Посадочной площадки не было. Виктор решительно нажал педаль управления и развернул самолет обратно к горам. Неужели не найдется там долинки, просто горного ущелья? Виктор напряженно вглядывался в каждую каменную складочку. И вдруг поспешно сбавил газ. Самолет пошел на снижение.

Но разве можно назвать посадочной площадкой узкое ущелье, с двух сторон зажатое в скалах, с третьей — перегороденное тайгой, а с четвертой — обрывавшееся пропастью! Садиться можно было только со стороны пропасти. А не коротко ли ущелье и нет ли в ущелье камней? Дьявол знает, чем это кончится!

Самолет, снижаясь, летел уже над пропастью к входу в темный коридор меж скалами. Эта каменная щель казалась очень узкой, и думалось, что размах самолетных крыльев не уместится здесь. Хотелось чуда: чтобы самолет, как птица, сложил крылья.

Будто пугаясь этой каменной ловушки, самолет медленно приближался к входу.

...Под ногами почувствовался легкий толчок. Самолет коснулся колесами края обрыва и покатился стремительно по ущелью. Черная стена тайги, замыкавшая ущелье, сорвалась с места и помчалась навстречу.

Ратных поднялся со скамьи и ухватился левой рукой за крепления фюзеляжа, чтобы смягчить удар, если он будет. А правой рукой, подняв Сережу со скамьи, крепко прижал его к себе. Мичман, взглянув на них, встал рядом, близко к мальчику, прикрыв его с другой стороны.

Их удивила тишина после многочасового рева мотора и внезапный переход от солнечного дня к сумеркам. Самолет стоял с выключенным мотором в тени ущелья, в нескольких метрах от таежных великанов сосен и крупных обломков скал.

В самолете царило молчание. Потом Птуха молча открыл дверь и сбросил железную лесенку. В кабину ворвались запахи таежной прели, воды и размокшей от дождя земли.

Глава 8

ТАЙГА

Да здравствует дорога,
Потерянная в лесах.

Э. Багрицкий, «Искатель»

1

Виктор сел на замшелый обломок скалы и закурил. Эта первая после долгого и тяжелого полета затычка — самая сладкая из всех, которые бывают на земле. Но лицо летчика было мрачно. Он сидел, не поднимая глаз, угрюмо разглядывая на ладонях ребристые отпечатки штурвала. Ратных участливо посмотрел на него и сел рядом. Виктор отодвинулся раздраженно:

— Только не утешайте! За такое гнать надо в шею из авиации! Даже воздушного извозчика из меня не получилось.

— Да бросьте вы! Не полет был, а воздушная акробатика.

— Что — бросьте? — зло крикнул Виктор. — Заблудился вот...

— Диво было бы не заблудиться. И ветры, и дождь, и туман. Все тридцать три несчастья, как у Епиходова. А как вы сумели сесть — уму непостижимо!

— Говорил же я — не самолет, а воробей. На подоконник сядет.

— Я не о самолете говорю.

— А я о нем! — Виктор подошел к самолету и погладил горестно и нежно его крыло. — Какую машину угробил, сапожник!.. К черту! Не оставлю здесь «Антон». В лепешку расшибусь, а вытащу его отсюда.

Виктор начал заботливо и бережно укутывать мотор чехлами. Ратных и Птуха помогли ему.

— Знаки надо разложить, — сказал летчик. — Нас с воздуха будут искать.

— Искать будут, — согласился капитан. — Но кто? Не лучше ли замаскировать самолет, а не знаки раскладывать?

— Понял вас, — после трудного, тяжелого молчания сказал Виктор. — На стыке трех границ живем.

— Кошмар! — вздохнул Птуха. — То ли мы у себя дома, то ли к друзьям в Монголию залетели? А если занесло нас к императору Пу-и и к самураям? Умереть можно от смеха! — мрачно закончил он.

Косаговский вытащил из планшета полетную карту, посмотрел и раздраженно засунул ее обратно.

— Вылетели мы за пределы этой карты. И черт его знает как далеко! — Виктор ударил кулаком по баку. — Слышите? Звенит. Пустой! Мы на последних граммах горючего сели. А куда залетели? Нас с курса на курс гоняло. Компас такую сарабанду выплясывал!..

— Давайте осмотрим для начала это ущелье, — сказал спокойно капитан.

Ратных и Косаговский пошли к пропасти, со стороны которой самолет влетел в ущелье. Дойдя до обрыва, посмотрели вниз. Пропасть насквозь просвечивалась солнцем. Его лучи алмазно блестели в струях небольшого водопада, свергавшегося со скал. Внизу водопад превращался в речку, уходящую в тайгу.

Внезапно до них долетел взволнованный голос Сережи. Он кричал с высокой скалы:

— Идите скорее сюда! Карамба! Я озеро открыл. Я — как Арсеньев!

К Сереже пришлось подниматься по каменистой, звонкой тропе. Озеро, небольшое, идеально круглое, лежало как впаивное, вровень с низкими берегами. В сумраке ущелья оно казалось угольно-черным.

— Похоже на кратерную воронку, — подумав, сказал Ратных. — Питается, видимо, подземными ключами. Здесь и рождается водопад.

— Я и название ему уже придумал. — Темно-синие глаза Сережи восторженно сияли. — Озеро Чапаева. Как, подходяще?

— Вполне подходяще, — серьезно ответил капитан. — А где мичман, не видел, Сережа?

— Дядя Федя и Женька по камышам шарят.

— А зачем их в камыши понесло?

— Женька уток гоняет, а чего дядя Федя делает — не знаю.

— Мич-ман! — закричал Ратных, приложив ко рту ладони.

— Здесь! — неожиданно появился Птуха. Он был весь в камышовом пуху. — О взрывчатке беспокоюсь. Найдутся охотники до нашей взрывчатки. Это я вам говорю! А в озере есть яма добрая, просторная, дно каменистое.

— Утопить взрывчатку решили?

— Так точно! Она в цинках запаяна и вообще водостойчивая. Несите ее, товарищи, потихонечку, а я буду под воду ее опускать.

Взрывчатка была утоплена в озере.

— Порядочек! И место очень заметное, — довольно огляделся мичман. — Этот «телеграфный столб» отметкой будет.

На берегу озера, против ямы с взрывчаткой, стояла большая сухая лиственница с ровно обломанной вершиной, с опавшими ветвями и осыпавшейся корой. Она была похожа на телеграфный столб, заблудившийся в тайге.

— А фикусы прятать будем? — засмеялся вдруг Ратных.

— О, спасибо, что напомнили! В кабине они засохнут, бабенки тогда с меня шкуру спустят! Кошмар, что будет! Выставляю на улицу, пускай их дожди поливают, — хлопотливо сказал Птуха и пошел к самолету.

Его догнал Сережа.

— Дядя Федя, а можно я мячик футбольный возьму? Может быть, погоняем где-нибудь.

— Об чем разговор! И погоняем! — весело согласился мичман.

Вытащив из кабины фикусы, продукты, инструменты и другие нужные вещи, принялись за маскировку самолета. На это ушло несколько часов. Самолет завалили сосновыми ветвями и молодыми елками. Окончив работу, закурили.

— Я предлагаю немедленно тронуться в путь, — сказал капитан.

Косаговский поморщился, может быть, от папиросного дыма.

— А если нас будут искать?

— Вы про самолет говорите? Если увидим, что летит наш самолет, будем сигналить ракетами.

— А куда пойдем? — снова спросил Виктор.

— Будем искать какое-нибудь селение. Идти нужно либо на юг, тогда выйдем в степь, а это все же лучше тайги, либо на север. На север все реки текут: они и приведут нас к какой-нибудь деревне. И идти надо по азимуту, — продолжал капитан. — Для этого нужен компас. Придется с самолета снять.

— Он очень громоздкий. И мне не хотелось бы рисковать им, — нерешительно сказал летчик.

— У меня есть компас! — воскликнул Сережа, открыл свою полевую сумку и протянул капитану крошечный, не более пяточка, компас в медной коробочке.

— Вот это компас! — засмеялся Птуха. — То ли румб показывает, то ли цену на копеечную скумбрию.

— Напрасно, мичман, смеетесь, — освободив стопор стрелки, сказал Ратных. Она заметалась и успокоилась, показав север. — Компас у тебя, Сережа, отличный. Что еще у тебя в сумке? Давай вытряхивай!

— Еще нож есть. Не простой, а с секретом. Нажмешь эту кнопку... Чик — и готово!

Из рукоятки выскочил узкий обоюдоострый нож.

— Мапочки! — с деланным испугом отшатнулся Птуха. — Зачем он тебе?

— Не могу же я в тайге без оружия. А это, скажете, не понадобится?

Сережа показал небольшой пузырек с прозрачной жидкостью. В пробку была вделана стеклянная палочка.

— Кислота! Благородные металлы испытывать, золото или платину. А еще вот стекло. Положительная собирающая линза, зажигательная! — гордо сказал Сережа. — Спички израсходуем или намочим, я вам костер обеспечу. Будьте покойны!

— Ты, видно, надолго решил в тайге поселиться? — горько и виновато улыбнулся Виктор брату. — Эх, Серега, глупыш ты мой!

Сережа обиженно засопел облупившимся носом:

— Ладно тебе! Только и знаешь: глупыш да глупыш.

— Тайга! — вздохнул вдруг невесело Птуха. — И слово-то звероватое.

— Гроза морей, кажется, дрейфит? — покосился на него Ратных. — А вот нам с Сережей еще рановато на пещке

лежать, тарбаганьим салом ноги натирать. Верно, Сережа?

— Конечно.

— Побродим по таежным тропам? Ты ходил по тайге?

— Спрашиваете! Сколько раз!

— Значит, опытный таежник?

— Опытный таежник ходил в лес за грибами и ягодами, — слабо улыбнулся Виктор.

Сережа недовольно промолчал.

— Значит, так! — Капитан шлепнул ладонью по колену. — Принимаем решение идти в тайгу. Курс — норд! Вопросы есть?

Косаговский не ответил, но по лицу его видно было, что он согласен. Мичман встал.

— Есть, идти в тайгу! Держаться будем нордовых четвертей. Перед походом закусить бы не мешало. Я не так чтобы очень проголодался, а полбарана съел бы!

Вскрыли залитую стеарином коробку с борт-пайком. В ней были консервы, галеты, шоколад, сгущенное молоко, сахар, чай, лук и соль.

Ели молча, а когда кончили, все, точно по команде, поднялись.

— Пошли! — засовывая топорик за ремень, скомандовал Ратных и посмотрел долгим взглядом на Сережу, привязывавшего к ремню футбольный мяч.

Виктор понял этот взгляд, и в лице его что-то дрогнуло.

— Дорого бы я дал, чтобы отправить его в кино на утренний, — тихо сказал он капитану.

2

Лето 1941 года в Забайкалье выдалось на редкость раннее и дружное. Еще в начале мая тайга обтаяла. Но было все же сыро, мокро. Шли трудно, медленно, молча,

дышали запаленно и часто останавливались перед сплошной, казалось, непроходимой чащей.

— Идем мы правильно, — сказал вдруг капитан. — Я все время слышу слева шум речки, той самой, что выбежала из озера Чапаева.

Никто, кроме капитана, никакого речного шума не слышал.

— Километров десять прошли? — спросил мичман.

— От силы три.

— Мамочки! Мне просто смешно! А на ногах все десять повисли.

Сережа сначала ликовал. Ему хотелось петь и кричать от радостной мысли, что он идет по тайге. Не в книжках читает, не в кино смотрит, а идет по настоящей тайге. Здесь и солнечный свет какой-то странный, словно над головой нависла крыша и через проломы этой крыши зеленые солнечные лучи падают в теплый, парной сумрак леса. Пахнет смолой и прелой хвоей. Елки, словно их распарили в кипятке, источают острый пряный запах, даже голова кружится.

Он воображал себя то сибирским партизаном, идущим в разведку, то Кожаным Чулком в девственных лесах на берегах Сусквеганны.

Радовался и Женька. Он шарил по земле черным влажным носом, жадно и быстро вдыхая диковатые таежные запахи. И вдруг начинал лаять яростно, самозабвенно или носиться по кустам, нескладный, веселый и беззаботный.

Но с каждым шагом идти становилось труднее. Сучки цеплялись за куртку и штаны, царапались, как злые кошки, а по лицу били нахально колючие хвойные лапы. Сумка колотила по коленям; за футбольный мяч, привязанный сзади к ремню, кто-то все время хватался и тащил назад, ноги ступали во что-то мягкое, трухлявое, разъезжались на ослизлых сучьях и ржавой, слежавшейся хвое. Иногда

словно капкан схватывал ногу, грозя сломать ее или вывихнуть.

Капитан не раз уже оглядывался на Сережу, отобрал у него полевую сумку, свисавшую до колен, посоветовал спустить футбольный мяч и спрятать за пазуху. Идти стало как будто легче, но снова сучок нацелился ему в глаз, а ноги по колени провалились в обманчивую труху упавшего и сгнившего ствола. Ему помог выбраться Птуха. Вот тогда, посмотрев на измученное, измазанное какой-то грязной слизью лицо Сережи, капитан остановился и спросил участливо:

— Устал, таежник?

— Очень, — тихо ответил Сережа.

— А почему же не сказал, чудак? Стыдиться не надо, — улыбнулся ласково капитан.

Сережа молчал, виновато опустив голову и облизывая потрескавшиеся губы. Рядом с ним стоял Виктор, привалясь плечом к дереву. Его измотал полет, и он брел, опустив плечи, полузакрыв глаза. Он рад был остановке и отдыхал всем измученным телом.

— А ну-ка, Сережа, садись мне на закорки, — подошел Ратных к мальчику и, повернувшись, подставил спину. — Ты больше не жодок. Садись, садись, ты не тяжелее рюкзака!

«Надо же!.. Об этом я ребятам рассказывать не буду», — подумал со стыдом Сережа. Но идти дальше не мог.

3

Первым, как и раньше, шел капитан с Сережей на спине, за ним шагал мичман, шумя на всю тайгу регланом, третьим измученно брел Виктор, неся за ремешок, как грибное лукошко, снятый летный шлем и то и дело отмахивая с лица влажные от пота волосы. Последним плел-

ся Женька. Он уже не носился по кустам, а еле-еле шел, свесив язык, часто и сухо дыша. Шли, проваливаясь в сгнившие колоды, продираясь через чапыжник, на болотистых местах прыгая с кочки на кочку.

— Далеко еще нам идти? — спросил Сережа с тоской, видя, как тяжело дышит капитан.

— Не знаю, Сережа, — ответил Ратных, останавливаясь. Он опустил мальчика на землю и вытер потное лицо изнанкой фуражки. — Тайга, она и есть тайга. Будем вот так идти от дерева к дереву и, глядишь, до Тихого океана дойдем. Китайцы тайгу недаром называют шухай — лесное море.

— На Тихий океан, значит, пеленг берем, — хмуро отозвался мичман и поглядел, покачивая головой, на свои измазанные грязью щегольские ботинки. — Не надел, дурень, кирзовые сапоги, для города прифрантился. А попал в тайгу. Кошмар! А теперь, Сережа, ко мне на спину садись. Виктора Дмитриевича от ишачьей обязанности освободим. Он нас всех троих на себе тащил!

Солнце пошло книзу и светило, невидимое, где-то за деревьями. На тайгу начали опускаться сумерки.

— Отáбориться пора, — сказал капитан. — Лучше места для ночлега не найдешь. Сушняку много, и река рядом.

Когда развели костер, вскипятили чай, разложили еду, Виктор и Сережа уже спали. Летчик спал беззвучно, пластом, как спят люди, отдавшие все свои физические и душевные силы. После ужина Птуха вызвался первым дежурить у костра. Но не лег и Ратных — сидел, привалившись к дереву.

— Ложитесь, товарищ капитан, поспите, — сказал жалюще Птуха.

— Забыли, мичман, что начальство никогда не спит, оно только отдыхает, — ответил шутовски невидимый в темноте капитан.

Третий день шли они чернями, густой, мрачной тайгой. На четвертый вошли в пихтарник, сырой, замшелый, увешанный от верхушек до нижних ветвей мертвенно-бледными лишайниками. Эти мертвецкие бороды вызывали у Сережи отвращение и страх.

Он пытался идти, но просто удивительно, до чего болело всё тело. Ныли плечи, поясница, горели подошвы ног. Не было ни одного мускула, ни одного сустава, который не болел бы. И снова начинался позор, снова тащили его на закорках, теперь уже все трое, по очереди.

Посвистывал в вершинах деревьев бесприютный, тоскливый таежный ветер. А они шли и шли с напряженными, страдающими лицами. Кончались продукты. Сегодня по приказанию капитана были выданы уменьшенные порции. А тетерева и рябчики на глазах перепархивали стайками, ошпыывая хвою и обкусывая тонкие веточки.

— Эх, тулочку бы сюда! — горестно вздохнул капитан. — Были бы по горло сыты.

Все начали замечать, что капитан ищет что-то, тревожно и озабоченно глядя под ноги и по сторонам.

— Грибы ищите? — не утерпел мичман. — Рановато им, а хорошо бы белых да подберезовиков на сковородочке. Тьфу! — сердито отплюнулся он. — Ежа бы проглотил, до чего есть хочу!

— Нет, не грибы, — ответил капитан. — Тропу ищу. Хоть какую-нибудь бы тропу, она бы нас к людям привела. Нет тропок, язви их! Неужели здесь люди не живут?

Он остановился и прислушался.

— Собачий лай в тайге за много километров слышен. А мы собачьего лая ни разу за три дня не слышали. О-го-го! — вдруг во весь голос закричал он.

— Гай-гай-гай! — заголосил и Птуха.

Голоса их безответно завязли в чащах. Безмолвно стояла залитая солнцем тайга. Всем стало не по себе.

— Компот дело! — покачал головой мичман.

Ночлег капитан скомандовал, когда все вымотались до полного изнеможения. И всех уложил повальный сон. Но Косаговский проснулся спозаранку. Ему больно намяли ребра подстеленные ветки. Солнце еще не вставало, только утренняя молочная синева залила тайгу. Он начал снова укладываться и услышал шаги. Кто-то шел к их ночлегу. Виктор вскочил и увидел подходившего капитана.

— Что случилось, Степан Васильевич? — обеспокоенно спросил летчик. — Куда вы ходили?

— Все в порядке, спите. Ходил на реку смотреть, на ту самую, около которой мы все время шли. Здесь она большая. Утром начнем плот делать и поплывем. В этом наше спасение. Дальше идти не хватит у нас сил.

Виктор прислушался. Где-то близко позванивали и бормотали волны. Похоже было, что говорили несколько человек, и все с разными интонациями: удивленными, злыми, веселыми.

Глава 9

РЕКА

Тунгуска, тихая река,
Не выдавай плотовщика.

Э. Багрицкий, «Исследователь»

1

Маленький ручеек, выбежавший из озера Чапаева, превратился в могучий поток шириной метров в пятьдесят. Прозрачная литая струя летела в берегах, крутила черно-

зеленые водовороты, несла валежник, кусты тальника и высокори, деревья, вывороченные с корнями и землей. Казалось, тронь ее тугую гладь — и вода окажется твердой, скользкой, как полированная сталь.

Работали все. Деревья валил только капитан, так как топор был один. Когда он отдыхал, Косаговский обрубал вершину и сучья. Мичман искал в тайге гибкий молодой ельник и резал его Сережиным ножом, а Сережа таскал ельник к реке.

— Плот — это здорово! — кричал он, блестя глазами. — Читали, дядя Федя, как Том Соьер, Гек Финн и Джоплыли на плоту по Миссисипи? А мы что, хуже их?

Работали весело и жадно. Когда пружинит в работе каждый мускул, когда глубоко дышит грудь и падают на лоб влажные пряди волос, когда нет места в душе унынию и неверию, тогда ничто не страшно.

Повалка и разделка деревьев были закончены. Капитан взялся за самое трудное: начал вырубать в бревнах пазы и вбивать в них длинные жерди — поворники. Ими он скрепил бревна плота. Все остальные в это время скручивали по указке капитана вицы из ельниковых прутьев. Вицами связали бревна, и к полудню плот был готов.

— По местам стоять, с якоря сниматься! Полный вперед! — гаркнул мичман, восхитив Сережу, и, навалившись на шест, оттолкнул плот от берега.

И началось плавание. Река, золотистая на стрежне, где плескалась солнечная зыбь, у берегов была темной — вода подмывала корни деревьев, и они склонились над рекой причудливыми арками. Темный, извилистый, таинственный путь! Всем существом своим ощущали плывущие на плоту упругость воды, ее стремительную силу. Было видно, как пролетали на дне огромные подводные скалы. Ударься об них плот — по бревнышкам разлетится! Не ударится. Мичман не выпускает из рук шест и в нужную минуту отвернет

плот от подводных рифов и банок. Моряк щурится от солнца, спокойно и весело глядит на реку, негромко напевая:

Там, где мчится река Амазонка,
Там я буду тебя вспомнить...

А Сереже не очень нравится река. Тревожно как-то на ней. И особенно не нравится ему зловещий, хлюпающий и сосущий звук — глубинный, утробный голос реки. Даже Женьке он не нравится. Пес дремлет, свернувшись, а при каждом всхлипывании открывает один глаз и рычит на реку.

— Что это хлюпает там? — спросил Сережа.

— Водяной щи хлебает, — ответил капитан.

Все засмеялись.

— Я вас по-серьезному спрашиваю, — обиделся было Сережа, но тоже засмеялся.

Всем весело, всем хочется дурачиться, шутить, все то и дело похохатывают, все верят, что недалек благополучный конец тяжелого пути.

— А как мы, Сережа, реку эту назовем? — спросил мичман, бултыхнув шестом по воде. — Ну-ка, подумай!

Сережа подумал, выпятил нижнюю губу, потрогал ее пальцем и сказал нерешительно:

— Сердитая она какая-то... Ладно! Пускай и будет Сердитая.

2

На ночлег пристали к низкому, заросшему тальником берегу. Ужин, он же обед, был невеселым: очень маленькие были порции. Это скрыли от Сережи, подкладывая ему куски побольше. А утром, на рассвете, снова поплыли. И опять Сережа опасливо косился на тугие, напряженные речные струи с шапками желтой пены. А мичман радовался вслух:

— Тридцать узлов делаем, не меньше. Получается дай боже!

— Не очень хорошо получается! — откликнулся капитан. — Второй день ни деревни, ни рыбацкого стана не встречаем, ни даже охотничьей чемьи¹. Не нравится мне это.

Капитан озабоченно оглядывал берега. Его тревожило безлюдье. Он хорошо знал родные шугай, знал, как зашумела тайга в годы пятилеток: изыскатели, геологи, строители, лесозаготовители, охотники-промысловики. Шпаны всякой тоже немало появилось, и с этим ему не раз приходилось встречаться. Уголовники, кержацкие² начетчики, бородатые копачи³ в необъятных шароварах, а вместе с ними тянутся к золоту прогоревшие нэпманы, спившиеся и проворовавшие кооператоры и прочие рыцари легкой наживы. Даже расстриженный поп по тайге путался, спиртносом заделался — спирт для копачей дороже золота.

Куда же они теперь попали? Что за тайга такая загадочная, где за пять дней они не только человека — человеческого следа не встретили.

А Птухе не хотелось ни тревог, ни забот, ни опасений.

— Вон за тем поворотом сейчас деревня будет! — беззаботно крикнул он. — И я сразу в баню! Целый день буду париться.

За поворотом, где, по словам мичмана, должна быть деревня, они сначала услышали свирепый рев реки, а затем увидели залом из упавших с берегов, подмытых деревьев. Он перегораживал реку от берега до берега, как плотина.

¹ Чемья — охотничья промысловая изба.

² Кержаки — старообрядцы; слово происходит от названия города Керженца — одного из центров старообрядчества.

³ Копачи — старатели, золотоискатели-одиночки.

— Полундра! Полный назад! — отчаянно крикнул мичман.

Три шеста уперлись в дно реки. Плот остановился и медленно пошел к берегу. Но что-то ударило его снизу, три крайних бревна оторвались от поворников, потом лопнули вицы, и бревна задрались одним концом кверху. На плот хлынула вода. Сережа почувствовал, что падает в реку. Схватив обеими руками Женьку, прижал его к себе и подумал: «Погибать, так вместе, а спастись — тоже вместе». И тогда ноги его оторвались от плота, и он полетел куда-то вместе с Женькой. Это Виктор поднял их и выбросил на подошедший близко мягкий травяной берег. А когда Сережа встал на ноги, он увидел, как летит к завалу, крутясь на стрежне, разбитый плот. Капитан, Виктор и Птуха брели по пояс в воде к берегу.

...Они разожгли жаркий костер. На вбитых в землю кольях сушилась одежда.

Капитан, выливая из снятых сапог воду, улыбнулся Сереже:

— Совсем как в романах! Потерпевшие кораблекрушение, выброшенные на берег робинзоны! Нравится, Сережа?

— Знаете... не очень, — уныло ответил мальчик.

Ни Робинзоном, ни Кожаным Чулком, ни партизаном ему сейчас не хотелось быть. Сидеть бы сейчас дома в столовой и пить горячий-горячий, сладкий-пресладкий чай с любимым печеньем «Малыгин». Бывает же такая прекрасная жизнь!

Нет, никогда больше не будет такой прекрасной жизни! Сейчас они снова побредут по распадкам и сырым низинам, и Сережа попробует идти «своим ходом», как говорит по-морскому мичман. Забредут они в болото, где надо прыгать с кочки на кочку, а кочки будут противно сипеть, пищать и шевелиться под ногами, как живые. Его

конькобежные, теплые, на байковой подкладке, ботинки тотчас промокнут, ноги заломит, и от них пойдет по всему телу ледяной холод. А он будет все идти и идти, со слипшимися от засохшего пота волосами, с полынной горечью во рту, пока кто-нибудь, тоже измученный, не сжалится и не возьмет его себе на спину.

— Опять пешком пойдем? — невесело спросил он, обращаясь только к капитану.

Ратных так посмотрел на Сережу, словно прикидывал его на ладошке. Он увидел посеревшее лицо, бледные, обметанные губы, измученные глаза в трепетавших, словно перед слезами, пушистых ресницах. И Сережа понял, что капитан жалеет его и сомневается в его мужестве и твердости. Он собрал последние силы, измученные его глаза стали упрямыми, и он сказал с вызовом:

— Пожалуйста, не думайте... Я пойду. Сам пойду! Только сам!

— Никуда ты не пойдешь! — Капитан поднялся, снял сушившиеся на кольях, но не просохшие сапоги и начал их натягивать. — И никто не пойдет. Нет смысла всем нам снова тащиться по тайге. Вы люди непривычные, а я таежник. Пойду я один, в разведку.

Виктор ничего не ответил, только передернул плечами, словно от внезапного озноба. Птуха, в трусах и мичманке сидевший на корточках перед костром, поднялся и сказал с мрачной иронией:

— Понятно! Командир впереди на лихом коне. По Чапаеву! — Он вдруг заторопился и начал надевать одной рукой брюки, другой тельняшку. — Весь мир будет смеяться, если вы один пойдете. Я в момент! Подождите немного...

— Отставить, мичман! — жестким, командирским голосом остановил его капитан. — Пойду я один.

— Кошмарный характер у вас, товарищ капитан! — с

сердцем сказал Птуха и шваркнул брюки об землю. — Не-хай будэ гречка!

Капитан положил в карман пару галет, сунул за ремень топор и сказал тоном приказа:

— Ждите меня до утра. И без паники! Если услышите мой выстрел, пускайте ракету. Без этого не обнаруживайтесь.

Никто не спросил, перед кем нельзя обнаруживаться.

У всех было тревожно на душе. Что-то угрожает им, что-то сомкнулось вокруг, необъяснимое, но опасное.

3

Пламя костра предостерегающе шипит: «ти-ш-ше», а иной раз треснет, выстрелив раскаленным угольком. Много читал Сережа о таежных кострах, а теперь и сам сидит у настоящего костра в тайге. Красота! Все-таки жизнь не так уж плоха!

Сережа и Птуха сидят на поваленном буреломе. Мичман, сняв ботинки, выставив к костру ноги, шевелит пальцами и блаженно жмурится. Виктор лежит на подстилке из пихтовых лап и хрустящего пырея, притворяясь спящим. Но Сережа видит, как отражается пламя костра в его полузакрытых глазах. Женька тоже не спит, лежит, насторожив уши. В черной утробе тайги что-то бормочет, верещит, попискивает, но не слышно осторожных шагов возвращающегося капитана. Ушел он днем, а сейчас уже вылезла на небо скользкая молодая луна.

— И тогда я скомандовал: «Карамба! Боцман, свистать наверх вахту левого борта!» И мы вlepили им всем левым бортом! — Серёжа посмотрел подозрительно на мичмана и потолкал его в плечо. — Да вы слушаете, дядя Федя? Или не слушаете?

— А как же? В оба уха слушаю. — Птуха судорожно

зевнул одними ноздрями, крепко сжав челюсти, чтобы скрыть зевок. — А кому вы вклепили?

— А говорите — слушаю. Черному бригу «Счастливое избавление» с бубновой заплатой на формарселе. А кто командовал им, помните? Капитан Шарки, по прозвищу Черная Борода. Кровожадный пират! Он всех пленников убивал.

— Вот жлоб! — возмутился сквозь зевок Птуха.

— За это я приказал повесить его на мачте!

— Правильно сделал. Молодец! — рассеянно похвалил мичман, глядя в костер. И, подняв глаза на Сережу, чуть улыбнулся. — А я все время думал: кто уничтожил Черную Бороду? Оказывается, ты. Молодец!

— Не я, конечно. Это у меня так в рассказе получилось, будто я, — вялым, полусонным голосом ответил Сережа.

Ему смертельно хотелось спать, и пришлось, разгоняя сон, рассказывать мичману недавно прочитанный пиратский роман. Мичман, договариваясь с Виктором о дежурствах, сказал, что берет на себя самую трудную, «собачью вахту»¹. А разве Сережа не мужчина? И он будет нести «собачью вахту», дожидаясь возвращения капитана.

Но не помог и пиратский роман: спать по-прежнему хотелось невыносимо. Он уже и ухо себе безжалостно крутил, как вычитал в какой-то книге, но все равно проваливался в теплую, мягкую пропасть сна, вздрагивал, открывал глаза и снова проваливался. Он слышал где-то глубоко-глубоко плеск и бульканье Сердитой реки и ватный почему-то голос дяди Феди, разговаривающего с Витей, а потом ничего не слышал и удивился, почувствовав, что не сидит на буреломном дереве, а лежит на пихтовой подстилке с братовым кителем под головой.

¹ «Собачья вахта» (мор. жаргон). — Так моряки называют самую тяжелую вахту: от 12 часов ночи до 4-х утра.

Он открыл глаза, сел и снова удивился. Костер стал каким-то другим: он не шипел, не шептал, а буйно, со свистом грыз будто облитые бензином сухие еловые ветви.

— Сигнала от товарища капитана нет? — спросил он.

— Нет сигнала, — неохотно ответил Птуха. — «Уж полночь близится, а Германа все нет».

Виктор встал с подстилки и подошел к костру.

— Пускайте ракету, Федор Тарасович! — резко сказал он.

— Приказано не обнаруживаться, — растерянно ответил мичман. — За нарушение приказа даст нам капитан на всю катушку!

— Не спорьте! Я отвечаю. Пускайте ракету!

Мичман покорно вздохнул, зарядил пистолет и выстрелил. Резкий, слепящий свет, холодный и безрадостный, залил тайгу. Ракета погасла. Все молча слушали тайгу. В темных ее глубинах раздался вопль ужаса, отчаянный, предсмертный крик какого-то животного. Сережа вздрогнул и прижался к брату.

— Пускайте вторую! Зеленую! — так же резко приказал летчик.

— Минуточку! — предостерегающе поднял ладонь мичман. — На Женьку поглядите.

Пес, прижав уши, тихо рычал, глядя в тайгу. Совсем рядом затрещали сучья под тяжелой ногой, но тотчас все стихло. Женька рычал все громче и злобнее.

— Кто там? Выходи! — нервно крикнул летчик.

Снова затрещали сучья, и к костру вышли люди. Сережа взглянул на них и оторопело подумал: «Это сон. Я еще сплю, это мне снится...»

Но почему же тогда сердито кричит мичман, отбежав за костер?

— Слушайте, это что, бал-маскарад, новогодний карнавал?

Птуха нагнулся, пытаясь схватить ракетный пистолет, но полетел на землю, сверкнув голыми пятками. Он был сбит двумя людьми, кинувшимися на него.

— Врешь! А дулю с маком? — заорал мичман, сбрасывая нападавших.

Но к двум подбежал третий, а еще трое налетели на Виктора, сбили его с ног и повалили на землю. Тогда Сережа закричал и начал бить кулаками в костлявую спину, потом пинать ногами. Последним ворвался в драку Женька. Верный пес кинулся на выручку, удушливо рыча.

Подброшенные чьей-то ногой ракеты полетели в костер. Раздался взрыв. Взрывной волной разбросало костер. Но и в темноте слышались возня, тяжелые вздохи, удары и озлобленные выкрики.

Глава 10

РАЗВЕДКА

Что за край? Где мы? Сам не знаю, да и никто не знает: кто тут бывал и кто пойдет в эту дичь и глушь.

И. Гончаров, «Фрегат «Паллада»

1

Капитан шел медленно, настороженно вглядываясь в лесные острозубые тени, в обманчивую игру солнечных бликов, в таинственные завесы пихтарника. Он шел почти бесшумно. На нем была настоящая таежная обутка: легкие, точно бумажные, сапоги из тонкого и крепкого брезента без каблуков, на плоской мягкой подошве. Время от времени он делал затесы на деревьях. По этим затесам он сможет вернуться к костру.

Тайга не менялась. По-прежнему стоял вокруг густой матерый пихтарник и ельник. Черневая тайга. И только яркие, малинового цвета шишки пихты, стоявшие на ветвях свечками новогодней елки, радовали глаз в этом хмуром, без улыбки лесу.

Капитан все еще искал какую-нибудь тропу. Любая тропа приведет его к людям. В них спасение! Спасение ли? А кто будут эти люди, друзья или враги?

Он посмотрел на компас. Идет верно, по-прежнему на север, все время на север! Но как резко изменилась вдруг тайга.

Начались густые заросли нежилого, неохотничьего леса, глухая урманная чащоба ольхи, ветлы, мелкого пихтарника-подлеска, среди которых мрачными башнями стояли отдельные великаны ели. Здесь он не найдет людей. Опять сворачивать?

Капитан стоял, раздумывая, куда свернуть, и все же до его сознания дошло беспокойство, охватившее вдруг тайгу. Заволновались бурундуки и кинулись на вершины. Разволновались и белки, с сумасшедшей быстротой носились с дерева на дерево, распуская пушистые хвосты, стрекотали, заглушая писк бурундуков. Но и беличьи голоса заглушил истеричный крик метавшихся по деревьям сорок.

«Так они кричат, когда заметят человека», — подумал Ратных и услышал новый звук, похожий на свист крыльев маленькой летящей птицы. Свист кончился легким щелчком сзади него. Капитан быстро обернулся. В стволе пихты дрожала глубоко вонзившаяся стрела. Он вырвал ее из ствола и, разглядывая, покачал головой. Древнее оружие! Наконечник был железный, грубо выкованный трехгранник, к комлю стрелы прикреплены перья ястреба.

Вдруг он снова услышал летящий свист. Теперь он успел спрятаться за дерево.

Вторая стрела унеслась, вереща, в чашу. Прячься за

стволом, капитан пристально посмотрел в ту сторону, откуда летели стрелы. В низких, висевших почти над землей ветвях дальней великанши ели что-то подозрительно шевелилось.

Капитан вышел из-за ствола и крикнул:

— Выходи! Не бойся!

И тогда из-под ветвей ели выскочили двое и побежали, перебегая от дерева к дереву. Ратных ясно видел их одежду, бурую звериную шкуру коротких кафтанов и такие же меховые штаны.

— Пойдите!.. Не бегите, язви вас! — закричал капитан и тоже побежал было, но остановился и нагнулся, разглядывая землю под ногами. Это была тропа, черная, убитая, глубоко втопанная в землю. Высокая трава скрывала ее, и капитан заметил тропу, лишь ступив на нее.

А кто были те двое? Китайцы-тавыда¹, хунхузы или таежные буряты? Но никто из них не носит меховых кафтанов и штанов, да и ружья у них есть, не будут они стрелять из луков. Что же это за люди? Чего от них ждать?

Тропа идет в ту сторону, где садятся утки. Значит, там река или озеро. Он пошел по тропе и уперся в заросли тальника, раздвинул их и увидел реку, быструю, шумную, в хлопьях желтой пены. Старая знакомая, река Сердитая! Но тропа вскоре отошла от реки и поднялась на отлогий взлобок.

Широко шагавший капитан споткнулся обо что-то и остановился. Он ударился ногой о деревянный могильный крест. Рядом еще могила. Капитан оглянулся. Справа еще две могилы, слева целых три, сзади снова могилы и могилы, и на всех белые свежие кресты. Кладбище большое, и хоронили здесь недавно. Эпидемия была, что ли? Но коли есть кладбище, значит, и деревня где-то близко.

¹ Та в ы д а — искаженное китайское слово «давейда» — «охотник».

Ратных посмотрел на вершину холма, заросшую черными, мрачными елями. Там что-то темнело, какое-то строение.

Он начал подниматься на холм, пригибаясь, прячась за стволами. Неизвестно, как встретят его здешние люди. Обстреляли же его стрелами.

Капитан высунул осторожно из-за ствола голову. Деревянная церквушка! Какая странная архитектура. Четырехскатная тесовая крыша, на ней двадцать куполов-луковок, чем выше, тем меньше, и на всех древние кресты. А под тесовой крышей и куполами сруб простой русской избы. В пролетах звонницы светится небо, колоколов нет. Видно, заброшена церквушка, похилилась с горя чуть набок, приуныла, и дремучее русское средневековое сонно глядело из узеньких ее окошек-щелей.

Ратных долго разглядывал церковь, надеясь увидеть людей. Но ни голоса, ни стука, ни дымка. Странно! Церковь и кладбище есть, а деревни нет.

«Осмотрю церковь, — решил он, — выясню, заброшена она или в ней еще молятся. Тогда многое станет ясным...»

Он поднялся на высокое церковное крыльцо и еще раз огляделся и прислушался. Роптала смутно тайга, неподалеку дятел долбил звонкую сухостойну, да в зарослях хрипло и зло, будто бранясь, кричала кукушка. Потянул деревянную скобу двери. Она открылась со скрипом немощным и недовольным, как старческое кряхтенье. Вытащил из кобуры пистолет и шагнул через порог.

Похоже, что в церкви давно не молились. Иконы висели темные, облупившиеся, и с них грозили еще перстами и очами угрюмые длиннородые святые. А подсвечников и лампад перед иконами нет. Трухлявые, созревшие стены церкви выпучило, прогнувшийся потолок готов был обвалиться. Откуда-то сорвалась потревоженная сова и заматалась по церкви в слепом, бесшумном полете. Ратных по-

чувствовал холодный ветерок от взмахов сильных крыльев. Она вылетела наружу через окно с выломанной рамой.

Капитан прошел в алтарь, тоже пустой, замусоренный наметенными из тайги опавшими листьями. Ясно, что церковь брошена.

Он сел на пол, положив с одной стороны топор, с другой — пистолет, и привалился спиной к большой иконе, низом касавшейся пола. Икона почернела от времени и сырости, и видна была только босая нога какого-то святого.

Ратных измучился за день и теперь наслаждался отдыхом. В церкви было тихо. Лишь за стенами ее накатами шумела под ветром тайга.

«Что делать дальше? Заколдованное место какое-то, язви его!»

Он поднялся с пола и увидел на стене белую точку. Подошел, ковырнул ее ногтем. В щель бревна был втиснут сложенный вчетверо изжеванный мундштук папиросы. Развернул мундштук и увидел золотое клеймо: «Бр. Лапины, Харбинь». Он медленно опустил руку с окурком и прищурил глаза. Они стали узкими и злыми. «Кто курил здесь харбинские папиросы? Значит, «Антон» занес нас в Маньчжурию, в логово врага? Опасность близка, она рядом! Надо быть особенно осторожным. А пока марш из церкви! Скорее! Уйти подальше от этого опасного места!..»

2

Уйти подальше не удалось. Солнце уже село. На красном закате черными силуэтами вырезались высокие ели. Свои затесы на деревьях он не увидит и обратного пути к друзьям не найдет. Стрелять, как договорились, нельзя. Только бы они не вздумали пускать ракеты. Поменьше шума.

Осторожно, оглядываясь на каждом шагу, он спустил-

ся с холма к реке, пошел по берегу против течения, забрался в тальник и лег. Лежал на тальниковых сучьях, больно мявших бока и спину, жевал галеты и слушал не смолкавшую и ночью тайгу: тоскующий, призывный свист рябца, хриплое мяуканье рыси, похожее на заунывную песню — подвывание волчицы, зовущей волка. Потом тайгу вспугнул не то дикий вопль, не то томительный лешачий хохот. Это кричала сова, возвращаясь в гнездо, в церковь. Церковь! Что там делается сейчас? Кто пришел туда?

Он нащупал в кармане гимнастерки окурок и начал слушать особенно напряженно, и тогда стал подкрадываться предательский сон. Спать нельзя, кругом все непонятно и враждебно, а сон наваливался, теплый, пушистый, словно накрывал с головой мягкой шубой.

Глава 11

ГРАД НОВО-КИТЕЖ

Цел этот город до сих пор — с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, островерхими теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового негниущегося леса домами.

Цел град, но невидим! Не видать грешным людям славного Китежа!

*П. И. Мельников-Печерский,
«В лесах»*

1

Рассвет наконец зародился.

В пихтаче закричали кедровики, и потянула зорька, рассветный ветерок холодил колени под распахнувшейся

шинелью. Капитан оперся о землю, чтобы встать, и увидел, что над ним стоит человек, бесцеремонно его разглядывающий. Два маленьких живых глаза на скуластом, изрытом оспой лице сверкали поистине звериным любопытством. Было в одежде этого человека что-то странное, непривычное.

Ратных рывком сел. Но человек в странной одежде упал на него и повалил. И пока он держал за руки несопротивлявшегося капитана, подбежал другой, так же странно одетый, и ловко, быстро обшарил капитана. Пистолет был сорван с разрезанного ремня, отобраны были топорик и компас. Затем его схватили за ворот, пнули ногой в бок и приказали грубо:

— Вздынься, поганец!

Капитан встал и увидел своих друзей. Косаговский был взволнован и встревожен, Сережа испуган, а Птуха сверкал цыганскими глазами, значит, был зол как черт. На лице мичмана багровела длинная глубокая царапина через всю щеку, а обут он был почему-то в поршни из сыромятной кожи, такие же, как и на ногах всех странных людей, стоявших кучкой в стороне. Ботинки мичмана напялил один из этих людей. Видимо, непривычный к такой обуви, он не зашнуровал их, и шнурки тянулись за ним сзади. Недалеке от Сережи, не отрывая от него глаз и нервно облизываясь, сидел столбиком Женька. Пес чувствовал, что его хозяин и друг в опасности, и ждал сигнала, чтобы ринуться на выручку.

— Как вы думаете, куда мы попали, Степан Васильевич? — шепотом спросил капитана Птуха. — Что это за люди, никак не разберу. Борисы Годуновы какие-то! Я с первого взгляда подумал — маскарад. Потом, гляжу, нет, не маскарад. Я их за бороды таскал. Настоящие, не приклеенные.

— Это стрельцы, мичман.

— Стрельцы? — выругал удивленно глаза мичман. — Что вы такое говорите! С ума можно сойти!..

Все посмотрели на рослых, плечистых бородачей, стоявших в стороне около своих низкорослых, головастых лошадей. Одеты они были в долгополые кафтаны зеленого цвета. «Из бильярдного сукна», — подумал Косаговский. На кафтанах, поперек груди, были нашивки-застежки из серебряного галуна. Через левое плечо у каждого перевязь-берендейка с висящими на ней патронами, на головах у всех остроконечные шапки-шлыки, отороченные лисьим мехом. Вооружены стрельцы были бердышами и длинноствольными кремневыми пистолетами.

Ратных насчитал десять стрельцов, одиннадцатым был их командир, десятник. Он отличался от рядовых широким серебряным галуном на шапке поперек меховой опушки.

За кушак десятника рядом с длинной пистолью был засунут и капитанов «ТТ».

— Как это можно объяснить, Степан Васильевич? — спросил с невеселым любопытством Косаговский. — Стрельцы в двадцатом веке?

— Есть у меня на этот счет кое-какие мысли, но говорить боюсь. Все это так фантастично! Вчера днем я встретил в тайге двоих людей. Они, видимо, подняли тревогу, и стрельцы устроили на нас облаву. Не понимаю только, почему они нас за врагов считают?

— И я это заметил. Отношение к нам враждебное. — В голосе летчика слышались беспокойные нотки. Он посмотрел на Сережу и, понизив голос, сказал серьезно и тревожно: — Ответьте мне, ничего не скрывая, Степан Васильевич. Где мы находимся, по вашему мнению? В Советском Союзе, в Монголии или в Маньчжоу-Го? Я без конца думаю об этом, вспоминаю полет и окончательно запутал-

ся. Поймите меня, я не трус, но вот... — Он снова поглядел на Сережу.

— Понимаю. — Ратных потрогал стянутое в узелок ухо и помрачнел. — Я не слышал, чтобы в Монголии была такая дремучая тайга. В Маньчжурии есть, особенно в междуречье Амура, Аргуни, Сунгари. Дикие места, язвы их, не диво заблудиться и сгинуть!

Он пощупал карман гимнастерки, где лежал харбинский окурок, решив рассказать о находке в таежной церкви и вызванных ею подозрениях, но к ним подходил стрелецкий десятник.

— Ладьтесь в путь, мирские! — строго сказал он.

— А куда пойдем, дядя? — дружелюбно спросил Птуха.

— Пошто зоблишься? ¹ — скосил на него десятник злой глаз. — В пекло пойдешь, нечестивец!

— Не имейте эту привычку — быть нервным, — вежливо ответил одессит и пожал плечами. — Кошмарный характер у этих стрельцов!

— Вязать будем? — спросил десятника один из стрельцов.

— Пошто? Утечь им некуда. Трогай, с богом!

Стрельцы сели на коней, а пеших пленников взяли в круг.

Двигались молча. Матерая тайга кончилась, началась редина, потом негустой лесок на месте вырубок и гари, раскорчеванные уже под пашню. Показалось стадо коров и овец. Мальчишка-пастушонок, в распоясанной рубахе и лаптях, с длинным кнутом-хлопушей на плече, подбежал к стрельцам и что-то спросил, указывая на пленников. Стрелец ответил коротко и сердито:

— Поганцы мирские! Лазутчики.

¹ Зоблиться (устар.) — беспокоиться, заботиться.

Пастушонок испуганно попятился, потом плюнул с омерзением и хлопнул кнутом, метя концом по ногам пленников.

— Друзей мы, видимо, здесь не найдем, — невесело сказал летчик.

— Слышали? Лазутчиками нас считают. Иначе говоря — разведчиками, шпионами, — откликнулся капитан.

— Вот еще морока на нашу голову! — вздохнул мичман.

За красными стволами молодых сосен вдруг что-то ослепительно засверкало, и открылось неоглядное озеро, с островами, заливами, протоками. Над озером вскинулась громада сопки, с вершиной круглой и белой, в блестках кварца, похожей на лысую голову.

А на берегу озера притулился к белой сопке древний бревенчатый город. Робко жались друг к другу темные, под сопревшими соломенными крышами избы, без печных труб и с крошечными окнами; стояли чуть не на каждой улице нарядные церкви с цветными куполами; раскинулась занавоженная базарная площадь с рядами тесовых и рогожных лавчонок; ближе к озеру исходили паром бани; дальше лениво ворочали крыльями ветряные мельницы.

А посередине городских посадов, на холме, кичливо высился кремль-детинец, обнесенный бревенчатыми стенами с пузатыми боевыми башнями по углам. Над стеной поднялся синеглавый собор и высокие терема с крышами: и шатровыми, и в виде распиленных вдоль бочек, и с острыми петушиными гребнями. Из города наносило ветерком собачий лай, тележный скрип, петушиный крик и звонкий девичий голос, звавший теленка: «Теля, теля!..»

— Чудеса продолжают! Город, как из сказки! — ошеломленно проговорил капитан.

Стрельцы, словно по команде, сдернули шлыки с голов и закрестились на городские церкви. Десятник, тоже крестясь, сказал строго и благоговейно:

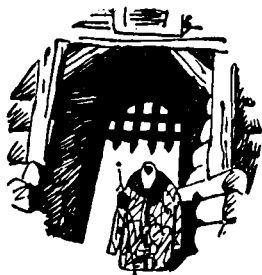
— Святой град Ново-Китеж!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ В ВЕКАХ

Глава 1

НА СТОГАХ ГРАДСКИХ

Внезапно он повернулся ко мне и сказал так просто, как говорят о погоде и самых обыденных вещах:

— Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случилось ли вам слышать о переселении тел из одной эпохи в другую?

Марк Твен, «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»

1

Непонятно все вокруг до головокружения! И вправду попали они по меньшей мере в XVII век, влезли в историю, в самую ее серединку, как сказал мичман Птуха.

— Кошмар! На что мне сдался семнадцатый век? — с крихтением выдирая ногу, увязшую в грязи, ворчал Птуха. — Мне и в двадцатом было неплохо. А здесь мы будем иметь массу неприятностей. Это я вам точно говорю.

Грязную, ухабистую улицу, по которой они шли, обступили убогие избенки, покрытые косматой ржавой соломой или еловым корьем. Окна изб — дыра в две ладони, кошачий лаз, а не окно — затянуты тонко скобленной коровьей брюшиной или бычьим пузырем. Печных труб на крышах нет, топились они по-черному, и дым валил из окон, дверей, из-под крыш, из всех щелей. Над городом низко висел этот дым, будто город загорелся со всех концов. Даже крылец у многих изб не было, только толстое бревно с зарубками вместо ступенек, прислоненное к дверям сеней. Крыши изб просели, заборы и плетни дворов сгнили, ворота завалились. Горькая нищета кричала из всех дырок.

Мичману надоело окунаться в грязные колдобины мостовой, и он повернул ближе к избам, где была тропка посуше. Но сюда выбрасывали из изб и со дворов золу, битые горшки, сношенное тряпье, дырявые лапти,дохлых кошек и собак. Споткнувшись о разохшееся деревянное ведро, Птуха раздраженно запыхтел:

— Город! На две трубы меньше Москвы!

С улицы на улицу, от плетня к плетню, от колодца к колодцу по Ново-Китежу пронеслась уже весть, что стрельцы поймали в тайге и привели в город мирских людей. Посмотреть на этакое диво кинулся весь город. По глубокой грязи улиц бежали мужики, обернув вокруг пояса полы зипунов и кафтанов, спешили бабы, высоко подняв подолы, мчались мальчишки; разбрызгивая фонтаны грязи, скакали верховые, волоклись телеги. И все разом остановились, увидев мирских, потом окружили их живым кольцом. Долго молча и робко разглядывали, и не скоро послышались первые голоса:

- Глянь, бороды бриты! Образ богомерзкий!
- Неверы!.. Антихристы!
- Скрадом к нам пробрались. Доглядчики!
- Обожди, спасены души! А как же они через Прорву прошли? И болотный засос их за ноги не схватил?
- Мирские все могут! Им нечистик помогает.

И снова замолчали, разглядывая пленников кто испуганно, кто с отвращением, а кто просто с любопытством.

Глядели и пленники на стоявших кругом людей. Истые русские мужики суровой, трудной жизни. Правда, все чуть скуластые, с чуть раскосыми глазами; волосы у большинства черные, блестящие и жесткие. А мало ли в русской крови всяких других кровей бродит и пенится? Одеты все бедно: толстое домотканое сукно, самодельная пестрядь, крашенная посконь, холсты, дерюга, пеньковое рядно. У нас из этого половики, конские попоны и мешки делают, а здесь шьют кафтаны, зипуны, портки, рубахи, сарафаны. Покрой одежды старинный, как на исторических картинах, все длиннополое, длиннорукавное.

2

Долгое напряженное молчание прервал веселый смех Птухи. Стоявшая в первых рядах молодлица, судорожно перебирая красные глиняные бусы, с испугом смотрела на бритое лицо мичмана.

— Ишь как на меня глаза пучит! — усмехнулся Птуха и повел на молодлицу ласковым черным глазом. — Может, во сне меня видела, красавица?

— Ой, срамной какой! Лицо, как коленка, голое! — попятилась молодка. — Свинья необрядная!

— Зачем ты его так, девка? — примирительно сказали в толпе. — Мирской аль новокитежский, родня мы.

— Знамо так! — дружно поддержали в толпе. — Васи-

лия Мирского, упокой господи его душёнку, помните? Говорил же он, что и в миру наши земляки, русичи, живут.

— Не земляки, а чужаки! Поганцы, чертово отродье, змеи шипящие!

Это выкрикнул звонким горловым голосом высокий рыжебородый человек в нарядном кафтане до пят, не из сермяги или дерюги, а из добротного сукна ядовито-желтого цвета. Лицо его сплошь, кроме носа и узкой полоски лба, заросло густыми рыжими волосами. В тусклых оловянных его глазах затаилось зверино-злое и рабски подлое. Нехорошее лицо, опасное!

— Прелестный голос! — поглядел Птуха на рыжебородого. — Удивляюсь, почему он в одесской опере не поет.

А рыжебородый завопил кликушно:

— Антихристы!.. Сыны дьявола! У них на голове рога сатаны!

— Патрикей скажет, только слушай! — насмешливо протянули в толпе. — Где они, рога-то?

— Под шапкой у них рога! — резко крикнул рыжебородый. — Сбей шапку, пощупай!

— Тю! Зачем сбивать? — Птуха снял мичманку и наклонил голову. — Щупайте, граждане! Какие же мы черти? И нас, как и вас, мама родила.

Ближний парень протянул руку, с опаской пощупал и крикнул радостно:

— Гладкая, как и у нас! Ей-бо, гладкая! Нет рогов!

Рыжебородый оттолкнул зло парня и пошел на мирских. Он остановился против Сережи и взвизгнул:

— А где третий глаз во лбу? Открой третий глаз, пёнок! У-у!.. Палачу бы под топор тебя! Чтоб и семени вашего не осталось!

Рыжебородый тянулся руками к Сереже. Казалось, он сейчас бросится душить мальчика. Сережа не отступил, не

попятился, а ударил сильно по тянувшемуся к нему рукам и крикнул:

— Ты, рыжий, не очень!..

Рыжебородый сунулся было ближе к Сереже, но мичман незаметно двинул его локтем в бок и сказал вежливо:

— Я, конечно, извиняюсь.

— Стрельцы, пошто мирским волю даете? — закричал слезливо рыжий, потирая бок. — Бейте мирских нещадно!

В толпе нашлись у него единомышленники. Это были молодые, сытые и мордастые парни. Их кафтаны, тоже из цветного хорошего сукна, были подпоясаны туго и высоко, выше пояса, а рукава засучены. Так выходят кулачные бойцы на «стенку».

— Бей мирских! — закричали мордастые парни. — Наш святой град пришли разведать!

— От царишки московского подосланы!.. Бей!..

Но из толпы закричали и другое:

— Не тронь мирских! Мы, может, тоже к миру тянемся!

— Мужики, помолчите! Орут, как непоено стадо.

Это крикнула бабенка, коротенькая, но матерая и крепкая, как грибок, с властными, мужскими повадками. На животе ее висел лоток, а на нем, под тряпицей, дымились горячие пшеничные пироги и калачи, густо обваленные мукой. Широкое, лукавое и умное ее лицо пылало гневом и брезгливой ненавистью. Она встала против рыжего и сказала не громко, но сильно:

— Чо к младеню лезешь? Пошто на мирских народ натравляешь? Будь ты трою-трижды на семи соборах проклят, Душан!

Рыжебородый опасливо попятился:

— Понесла без весла! Молчи, баба, когда мужики говорят.

— Сам молчи, шептун! Вцеплюсь, рыжий пес, ногтями в твое рыло, и женка твоя не узнает, где что у тебя!

— Ах ты ведьма! — взревел рыжий, бросаясь на пирожницу.

Птуха шагнул было заступить ему дорогу, но не успел. Пирожница взмахнула лотком и трахнула им рыжебородого по голове. Пироги брызнули во все стороны воробьями. Толпа захохотала:

— Налетай, спасены души, на пироги! С горохом, с репой, с зайчатиной!

Рыжий плюнул остервенело и пошел прочь.

— Серьезная женщина! — засмеялся капитан.

— Грандиозная дама! — восхищенно согласился Птуха. — Красавица, теперь, когда у вас на загривке шерсть опустилась, скажите, кто тот рыжий жлоб с мордой в собачьем меху?

— Патрикей Душан, вьюн да шептун, главный подглядчик и доносчик детинский. А мордастые парни, что в суконных кафтанах, тоже из его шайки. Также посадничьи псы!

— Агентура, значит? Запомним! А какие ваши анкетные данные будут? Имя, отчество, фамилия, девица, замужняя, вдовая?

— Дарёнка я. Вдова. На толчке в обжорном ряду пирогами торгую.

— Боже ж мой, и вдова и пирожница! Очень приятно! Тогда будем знакомы. Разрешите представиться. — Мичман лихо козырнул, не сгибая ладони и высоко подняв локоть. — Мичман Птуха, славного Тихоокеанского флота! А где вас, Дарёночка, искать, если нужда будет?

— Ишь какой скорый! Вы, мирские, все такие? — оправляя холщовый сарафан, улыбнулась Дарёнка и стрельнула глазами в мичмана.

У Птухи ёкнуло сердце. Ох и глаза же у пирожницы, черненькие, кругленькие, как у соболюшки, а ласковые и развеселые!..

— Имею вам сказать пару слов, — нагнувшись к Дарёнке, тихо сказал мичман.

— Обожди, мирской. Никак соль везут. Неужто у мужиков духу не хватит на дуван соляной обоз пустить?

Она указала на большой обоз, втягивавшийся в улицу. Запаренные, исходившие кислым паром лошади с трудом тащили по грязи тяжелые возы, укрытые рогожами и увязанные волосяными веревками. По обе стороны обоза ехали конные стрельцы. Капитана удивили глаза людей, смотревших на проезжающие возы. В глазах этих блестела голодная жадность и нестерпимое желание броситься на возы, развалить, растащить их.

— Словно на золото смотрят, — сказал он вслух.

А Птуха быстро выдвинулся к возу, приподнял рогожу, потер ладонью туго набитый мешок, лизнул ладонь и громко удивился

— Соль, чтоб я так жил! А охраняют, как золото.

— Соль-то, она дороже золота. Без соли и хлебушек не сладок. А мы вот без соли живем, — сказал невесело стоявший невдалеке мужичишка, встрепанный и сердитый.

В дырявой рубахе, в коротких мохрастых портках был он похож на петуха, только что вырвавшегося из драки после хорошей встрепки. И зипун его из дерюги был так перекошен в ворота, будто и за ворот его таскали и трепали без милости. Бороденку словно ветром в сторону отнесло. Но лицо было смелое, задиристое, готовое к новой драке.

— А почему же вы без соли живете? — спросил капитан.

— Видал, какая стража вокруг соли? Глядеть гляди, да кругом обходи! С дреколем бы навалиться, отбили бы сольцу-матушку!

— Ты чо, Псой, мак ел? Совсем ополоумел! Никогда мы за дреколье не возьмемся. Мы по писанию живем,

смирно живем, — покорно сказал стоявший рядом с Псоем мужичок, тоже растерханный, похожий на растеребленный стожок сена, но с лицом робким и кротким, с глазами лучистыми, добрыми и печальными.

— Чистый Чарли Чаплин, — сказал мичман, глядя на робкого мужичка. — Только ребра, как у цыганской лошади, торчат. Ты почему, браток, смотришь грустно?

— Загрустишь! — задиристо ответил за робкого Псой. — Веселья не много, коли дёсны без соли гниют. Соль всю верховники под себя подгребли. А мы не солоно хлебаем!

— Интересуюсь знать, что за звери эти верховники? — спросил Птуха.

— Люди владушие, сильные! — Псой вытянул руку в ту сторону, где над избенками города высились на холме стены и башни Детинца. — Живут на холме, наверху, потому и зовутся верхними людьми. Они в Детинце на полную душу живут, а у нас видишь как? — указал он на покосившиеся избы. — Все валится да гнется, скоро и затвориться нечем будет.

— А почему? Душа ни к чему не лежит, вот почему, — безнадежно проговорил робкий мужичок.

— Что там блестит на солнце? — спросил капитан, глядя на Детинец.

— Терем златоверхий. Золотая голубятня! — ответил угрюмо Псой. — Только в ней не голуби, а коршуны живут. Старица и посадник. Теревят нас, посадчину, как коршун курчонка. Не принесешь в Детинец белое железо — и соли тебе нет.

— Какое белое железо? — удивился Ратных. — Где вы его добываете?

— Сказал бы, да не велено про белое железо говорить, — покосился Псой на конвойных стрельцов. — Ничего, поживешь — узнаешь, может, сам косточки сложишь на

Ободранном Ложке, — со зловещим намеком проговорил Псой.

— Мне просто смешно! — сердито сказал Птуха. — Кошмар, до чего вы скучно живете. Хуже некуда! Даже без соли кушаете.

— А чо делать? — по-петушину покосился на него Псой.

— Научу. Слушайте в оба уха! Вы что, не можете показать этому Детинцу, где раки зимуют? Пыль с них сдуть? Поворот все вдруг — и от Детинца только дырка останется.

Кто-то, прячась в толпе, сказал с тоской:

— Так, може, на миру, на Руси, у вас бывает, а у нас...

— А что у вас? Ну, чего замолчал?

— Замолчишь, коли глотку заткнут. Пробовали мы пыль сдувать, так после голов недосчитались! — снова крикнули из толпы.

А робкий мужичок вдруг придвинулся к Птухе и, оглядываясь опасливо на стрельцов, спросил быстрым шепотом:

— Скажи, ради Христа, добрый человек, скажи по правде: ты не антихрист?

— Вот морока на мою голову! — вздохнул мичман. — Хочешь, командировочное удостоверение покажу? Сам посуди, у антихристов командировочные со штампом и печатью бывают?

— Врут, значит, наши попы, что на миру сплошь антихристы. Матерь божья, хоть бы одним глазком на Русь глянуть! Омерзело здесь из тайги в небо, как в дыру, глядеть!

— Так беги к нам!

— Попробуй! Так тебя и пустят!

— А кто не пускает? Да ты не бойся, выкладывай.

— Говорили же тебе... Да вот он тащится! Он и не пускает.

Из-за поворота выползла на улицу неуклюжая, скрипучая, без рессор колымага, выкрашенная в ярко-красный цвет. Волокла ее четверка лошадей цугом, в упряжи, увешанной бляхами, кистями и лисьими хвостами. В окно колымаги видны были соболья шапка, тучная борода и опухшее от обжорства и безделья лицо. Сзади, за колымагой, плелись два пешех стрелыца с бердышами на плечах. Люди испуганно расступились перед колымагой и не двинулись с места, пока ее скрип не смолк вдали. Тогда слышались негромкие голоса:

— Куды это верховника понесло?

— На Ободранный Ложок, поди. Белое железо в мешок ссыпать.

— Самого его в мешок да в омут! — угрюмо сказал Псой.

— Суеслов, богу и верхним лучшим людям ты противник! Годи, дадут те таску! — лениво, без злости пригрозил мужику стрелецкий десятник. И приказал строго: — Двигай! Шагай ширше, мирские. Липнут всякие!

3

Улица пошла под уклон и, как река в бурливое озеро, влилась в базарную площадь. Здесь, на свежем навозе и по колено в грязи, галдел, кипел толчок. Торговали с рук, со скамей, с лотков, из бочек и кадушек; были и палатки рогожные и тесовые. Над палатками висели на шестах то лапоть, то лоскут сукна, сапог или шапка. Это были вывески. А мясной ряд можно было угадать и без вывески — по стаям собак с мордами, вымазанными в крови. Мясники тут же на толчке резали скот, палками отгоняя собак, рву-

щихся к окровавленному мясу. А для рыбного ряда вывеской была вонь такая мощная, что мирские зажали носы.

— Что они, черти, тухлую рыбу, что ли, обожают? — вслух удивился мичман.

— Черти, може, и любят тухлую рыбу, а мы не любим, — откликнулся встрепанный мужик Псой. Он и робкий, с добрыми глазами, шли за мирскими как привязанные. — Рыба на тонях без соли гниет, у баб капуста без соли воняет, мясо тухнет, сало червивеет. Истинно гибель без соли!

— Опять разговор о соли, — тихо сказал Виктор капитану.

— Дельный разговор! Он нам глаза на здешние порядки открывает, — ответил довольно капитан.

Толчок шумел, свистел, пел, кричал. Как на цымбалах, играли гончары, постукивая палочкой по звонкому своему товару. Котельники оглушительно били в котлы и сковородки, сыромятники размахивали дублеными полушубками, вымоченными в дубовых и еловых настоях и в квасах, пьяные орали песни, нищие слезно ныли, ребятишки свистели и дудели на разные лады в глиняные свистульки и дуды.

Бабка, ворожея на бобах, пытаюсь перекричать базарный гвалт, гадала двум девушкам-подружкам, а те, затаив от страха дыхание, глядели прямо в ее беззубый рот. Была на толчке и стригальня, где мужичкам и парням, сидевшим на пнях, стригли волосы, надев на голову глиняные горшки. Земля здесь была покрыта, как кошмой, срезанными волосами.

А за стригальнями увидели мирские невысокий помост из досок, выкрашенный в черный цвет. На нем лежал ворох соломы, подплывший кровью, стоял чурбан с воткнутым в него широколезвым топором. Это была плаха. Рядом мрачно чернела виселица. Ветер с озера тихо покачи-

вал висевшего в петле со связанными за спиной руками. На перекладине виселицы сидели тесно в ряд вороны. Они нетерпеливо перепархивали и скрипуче каркали.

— Хорошую моду взяли — убивать живых людей! — пробормотал ошарашенно мичман.

А Ратных ощутил холодок в сердце: «Плаха... Виселица... Время здесь остановилось...»

Стрельцам пришлось задержаться. Вокруг плахи тесно стояли люди, весело и довольно смотревшие на кнутабойную расправу. Палач, высокий, плечистый, но с маленькой круглой кошачьей головой, осенил себя крестным знамением, поплевал на руки и поднял длинный сыромятный кнут. На кобыле, толстой доске с прорезями для рук, лежал тучный бородатый человек. При первом же ударе он вскрикнул визгливым, бабьим голоском:

— Внемли гласу моления моего, Иисусе Христе!

А люди, обступившие плаху, захохотали:

— Чай, спьяну накуролесил, поп Савва — худая слава!

— Известно! Он ковш пенника в один дых пьет!

— Эй, палач Сурувец! Удара не слышно! Бей кутью крепче!

Но палач хлестал лениво, без злобы. Люди начали покрикивать раздраженно:

— Сурувец, сердчай! Серdito бей божью дудку!

— Сухо! Поповской кровушки не видно!

Палач хлестнул с замахом, и поп взмолился:

— Оле, мне грешному, оле, мне несчастному! -- А потом заорал: — Полно бить-то, душегуб! Сверх счету кладешь!

И вдруг зрители сразу отхлынули от плахи. В дальнем конце толчка закричали:

— Бирюч едет, спасены души! Новое мучительство выкрикнет!

Конный бирюч заколотил короткой плеткой в большой бубен, надел на длинный шест свою шапку, поднял ее высоко и закричал:

— Слушайте все люди новокитежские, от мала до велика!

— Новокитежское радио! — покрутил головой Птуха. — Последние известия!

— Слушайте, спасены души! — кричал, натужась, бирюч. — Ее боголюбие старица Нимфодора и его степенство государь-посадник Ждан Густомысл указали, а их Верхняя Дума постановила: завтра, после заутрени, выйти Кузнецкому посаду на Ободранный Ложок на две седмицы для доброхотного, без понуждения, добывания белого железа! То богова работа! А ослушников благий, в троице прославляемый господь бог великим гневом накажет и опалит, як огнем, а старица проклятие наложит!..

И словно взорвался толчок яростными криками:

— Не на бога работа, а на брюхатых из Детинца!

— У скольких с костей мясо ободрал тот Ободранный Ложок!

Широкоплечий кузнец с подпаленной у горна бородой крикнул железным, громыхающим басом:

— Бирюч, эй! Передай в Детинец: не пойдут, мол, кузнецы на белое железо!

— Да ить ее боголюбие старица приказала, — слышался голос смирного мужика. — Как откажешься?

— А иди ты со своей старицей знаешь куда?! — заорала толпа.

— Детинские верховники народ, как восковую свечу, сгибают, а ее боголюбие крестом их заслоняет!.. «Боголюбие»!

В толпе становилось все теснее, душнее. Не выдержав, запричитала, как над покойником, женщина, заплакали горько дети. В толпе вздыхали, охали, ругались.

— Доколе же мы будем эту муку терпеть?! — выкрикнул вдруг горячо Псой, встрепанный мужик. — Эх, смело му горох хлебать, а трусу и редьки не видать! На дым ихнее гнездо пустить надобе, за рога взять все ихнее отродье! — погрозил он кулаком Детинцу. — А крышу ихнюю золотую я бы тебе, Сысой, на сарай подарил, — зло засмеялся он, глядя на робкого мужичка.

— Вот это настоящий разговор! — хлопнул Птуха Псою по спине. — Давай, браток, знакомиться. Как твои позывные? Величают тебя как?

— Псой Вышата я. Народ говорит, что истинный я Псой. И верно, душа у меня злая. А это Сысой Путята, — указал он на робкого мужичка. — Мы всегда вместе, нас так и кличут: не-разлей-вода. Плотники мы. Чего хочешь тебе срубим: хочешь — избу, а хочешь — и домовину. А тебя как зовут, друг?

— Федор Птуха. Моряк! Из славного города Одессы, с Черного моря, воспетого академиком Айвазовским. Слышал про такое?

— Неужто твое море всамделе черное?

— Спрашиваешь! Сунь в море сапоги — и гуталином чистить не надо. Чуешь?

— Чуем. А это чего у тебя? — робко показал Сысой на видневшуюся из-под расстегнутого кителя тельняшку мичмана.

— Морская душа.

— Ишь! А наши попы учат, что у мирских душа — пар, как у собак. А у тебя она полосатая, — с детским недоумением сказал Сысой. — Ты, чай, не православный?

— Советский. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил ничего не понявший Сысой.

Вокруг мирских, как и при каждой остановке, собралась толпа, и неизвестно, в какую сторону повернул бы разговор, благо стрельцы разбрелись по толчку хватать

пирог, калачи, куски вареного мяса с лотков, если бы около плахи не закричали вдруг испуганно и зло сразу несколько голосов:

— Остафий Сабур скачет! Сам голова стрелецкий!

— Враз псиной завоняло!

— Живет собакой и сдохнет псом!

Прибежали конвойные стрельцы и, засовывая за пазуху пироги и мясо, пинками сбили мирских в кучу, и снова оцепили их, отрезав от толпы.

Стрелецкий голова остановился под виселицей. Ратных поднялся на цыпочки, но горячий конь Сабура крутился, и капитан разглядел только зеленый кафтан, но не из бильярдного сукна, как у стрельцов, а из тяжелого бархата и с золотыми застежками поперек груди. И на голубой атласной его шапке поперек собольей опушки была нашита не серебряная галунная, как у стрелецкого десятника, полоса, а из золотой парчи. Голова закричал. Сердитый его голос был ясно слышен:

— Эй, онучи вонючие, кафтаны вшивые! Или вы забыли, что в Ново-Китеже судьи быстро судят, палач Сурувец быстро вешает?

— Рази? — прикинулся удивленным Псой.

— Я покажу тебе «рази!» — погрозил ему плетью голова. — Не будете в Детинец белое железо приносить, злыми смертями вас казнить почнем! По всему городу виселиц наставим и развешаем вас черным вранам на уедие! Вот так!

Голова привстал на стременах и хлестнул плетью повешенного. Мертвец закачался, повернулся и показал исклеванное птицами лицо. Темные глазницы уставились на людей. Вороны, тяжело махая крыльями, сорвались с виселицы, черной тучей закрыв солнце. И весь толчок от края до края взревел, давая выход злобе:

— Не пугай! На ладонь положим, другой прихлопнем!
— Замучили, замордовали!.. Вас самих на белое железо погнать бы!

Испуганный криками конь взвился на дыбы и помчался, не слушая поводыев. А люди, перестав кричать, заговорили, зароптали во много голосов:

— Уходить из Ново-Китежа надобе! В мир, за новой долей!

— Уйдем через дыру на Русь! Как Вася Мирской призывал!

— А как найдешь дыру-то? Прорва, она непроходимая. Заплутаешься и сгинешь!

— Баишь, непроходимая? А в Детинец откуда, в обмен на белое железо, всякое роскошь несут? Ситцы, атласы, бархаты?

— Верно! Из мира несут. Выходит, Прорва проходимая.

— Не для нас только! Нас за руки держат и ноги вяжут.

— Заставим старицу и посадника ходы через Прорву показать. Покажут небось! — с угрозой сказал Псой Вышата.

— Всем миром заставим! — подхватила толпа. — Все посады волят в мир выйти! И Кузнецкий, и Гончарный, и Сыромятники, Щепной и Ткацкий тож!

— И Рыбачья слобода на Русь тянется! — крикнул рыбак с веслом на плече.

— И пашенные мужики из таежных деревень!

— А Усолье? Солеварам-то горше всех живется!

И опять выскочил из толпы рыжебородый в желтом кафтане Патрикей Душан, и с ним мордастые, высоко подпоясанные парнищи. Патрикей крикнул издевательски:

— А на кой ляд вам дыра в мир? Чего вы в мир потащите? Вшивое вретисще свое?

— Горе да беду свои в мир поволоку! — подскочил к нему Псой. — Тамо с плеч их скину!

— В мир поволокешься, дырник проклятый? — дернул по-собачьи губой Душан. — В царскую неволю захотел, в царщину? В наш святой град царская рука не дотянулась, так вы сами в царишкины лапы лезете?

— Слушай ты, фигура! Засохни! Не капай людям на мозги! Нет в мире царя! — закричал мичман через плечо стрельца.

Тот замахнулся на него бердышом, но Федор отбросил топор и снова закричал:

— Прогнали мы царя, уничтожили!

— Врешь, врешь, окаянный! — потрясая над головой кулаками, завопил Душан. — Как это — без царя? Ново-Китеж — малое место, и то без головы не обходится! А то великая Русь!

— Да дайте ему, черту рыжему, по сусалам! — крикнули разъяренно из толпы.

— Ан правду мирской говорит! — задохнувшимся голосом закричал вдруг смирный Сысой. — И Вася Мирской, покойничек, царство ему небесное, тоже говорил, что на Руси нет царя. Чуете, людие, какой ветер из мира дует? Согнали царишку-то! Народ, вишь, сам на Руси государит!

— Вон как заговорили, дырники! — заорали мордастые. — Опять, как при Ваське Мирском, основу шатаете?

— Не так еще шатнем! Новины хотим! Бей сидней!

— А мы за старину! Бей дырников!

Цокнули чьи-то зубы под крепким кулаком, слетела с головы и шлепнулась в грязь чья-то шапка. Мордастый парень, не замахиваясь, ткнул Псою в переносицу, и тот

брякнулся на землю. Но и мордастого сбил с ног могучий кузнец с опаленной бородой. Вторым метким ударом в надбровье он повалил главного подглядчика Душана, и тот сел в грязь, разметав полы желтого кафтана.

И вдруг весь толчок разом заревел:

— Дай бою!.. Дай бою!..

Стрельцы бегом уводили мирских с толчка. На бегу мичман оглянулся и, глядя на побоище, сказал задумчиво:

— Заблудились в веках...

Глава 2

ПОСАДНИЧИЙ ДВОР

У приказных ворот
Собирался народ
пусто.
Говорит в простоте,
Что в его животе
пусто!

А. К. Толстой,
«У приказных ворот...»

1

Мальчуган, в заношенной бараньей шапке, в драной шубенке, но босой, долго не отставал от мирских, кричал им вслед что-то злое и кидал камнями и щепками то в них, то в рычащего Женьку. Сережа наконец не вытерпел, остановился, поглядел с угрозой на мальчишку и проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Ох, я бы тебе и выдал!

Ратных засмеялся:

— На каждой улице найдется вот такой оголец, будет бежать за тобой и пулять чем-нибудь в спину. Что в двадцатом веке, что в семнадцатом.

Косаговский не ответил на шутку. Он был взволнован и встревожен.

— Вы понимаете что-нибудь, Степан Васильевич? Чертовщина какая-то кругом. Сплю я, что ли? — раздраженно закончил он.

— Хотите, ущипну вас?

— Бросьте вы! Вы попробуйте объяснить.

— Объяснить все можно, надо только понять. — В глазах капитана, внимательно оглядывавшего дома и людей диковинного города, было спокойное любопытство. — Начнем вот с чего. Предки новокитежан когда-то, в очень давние времена, бежали сюда из России. Это, надеюсь, всем нам понятно. Вы спросите: почему бежали?

— Это-то понятно, — проговорил летчик. — От хорошей жизни не побежишь. Бегали от голода, безземелья, от боярской кабалы. Из Монголии, от озера Лоб-Нор пригоняли обратно в Россию почерневших от голоденок мужиков. Бегали и раскольники, бегали и бунтари. Но в мою голову не укладывается: как не обнаружили Ново-Китеж за триста лет?

— А разговоры о Прорве, о кольце непроходимых болот вокруг Ново-Китежа слышали? Вот вам и объяснение.

— Но в наш век, в век авиации...

— Не вам бы, летчику, это говорить, Виктор Дмитриевич. Авиация без дорог не летает. По трассам. А сверни подальше в сторону, как мы свернули, и начнут открываться диковины всякие. Слышал я однажды разговор в поезде, рассказывал летчик лесной пожарной авиации. Увидели они с самолета в лесном озере необыкновенную зверюгу. Огромную, гладкую, на солнце блестит. Спусти-

лись они ниже, а зверь в воду нырнул. Только круги и волны по воде пошли. Это на Сихотэ-Алине было. Ихтиозавр, язви его, или динозавр какой-нибудь! Это похлеще Ново-Китежа будет. Прямо-таки конан-дойлевский затерянный мир.

— Летчики — мастера туман напускать, — сухо сказал Виктор.

— За что купил, за то и продаю. Что еще нам непонятно? Да, сидни и дырники! Судя по драке на базаре, это две местные партии. Сидни — консерваторы, они за старые порядки, за то, чтобы сидеть в Ново-Китеже по-старому, как триста лет сидели, а дырники пытались уже уйти на Русь. Кричали еще на базаре о каком-то Василии Мирском; он здесь основу шатал, значит, бунтовщик, мятежник. Но про Василия Мирского мы ничего еще не знаем.

— У меня тоже есть вопрос, — вмешался Птуха. — Про соль и про белое железо непонятно. Туман двенадцать баллов!

— Поживем — все узнаем, все будет понятно.

— Поживем? А вы долго здесь жить думаете? — даже остановился летчик. — На Большую землю, так будем говорить, не собираетесь?

— Готов хоть сейчас. А если заставят погостить? — спокойно ответил капитан.

От этих спокойных слов у всех стало тревожно на душе, и все замолчали надолго.

На подъеме на холм к Детинцу их нагнали поп Савва, которого били кнутом на плахе, и могучий кузнец с опаленной у горна бородой. Это он на толчке двумя ударами опрокинул в грязь мордастого парня и Патрикея Душана. Такому нетрудно и пятерых повалить. В плечах окатистый, в груди неимоверно широкий и выпуклый, лицом рябоват, мечен оспой, над расклиненной бородой навис огромный

сизый носище. Он, видимо, разогрелся в драке и снял валяный черный колпак, подставив ветру лысину, переходившую в крутой, просторный лоб. С виду как будто бы прост и обычен кузнец, но в темных пристальных его глазах были спокойный, уверенный ум и гордость. Капитан долго и внимательно глядел на кузнеца: покажись, покажись, чего ты стоишь? И, перехватив его взгляд, кузнец ответил доброй, хорошей улыбкой.

А поп легко отмеривал частые коротенькие шажки. Мичман взглянул на него и засмеялся:

— Силен попище! На кобыле лежал, плетюганов отведал, а шагает гоголем!

Ратных и Косаговский тоже улыбнулись. Приземистый, тучный, с рожей багрово-красной, будто нахлестанной венником, поп мрачно шмыгал лиловым пуговкой-носиком, а хитрющие, блудливые глаза его зыркали во все стороны. Одет он был в рваный овечий полушубок поверх закапанного воском и жирными щами подрясника.

— Шапку-то надень, — продолжал смеяться Птуха. — Кудрями ты не очень богат.

Поп потер красную, мясистую плешь и махнул рукой.

— Нету шапки. На толчке потерял, когда стегали. Ладно и так, аки пророк Елисей.

— Больно били? — полюбопытствовал мичман.

Поп прищурил блудливые глаза.

— Суrowец ударит — кафтан треснет. Кожа, как лапша, излоскутится, кровь ручьями польет. А меня не бил, бархатом гладил. Жалел!

— А чего же ты ревел, как бугай?

— Плоть не стерпела, — почесал поп, морщась, спину.

— Кошмарный характер! — снова засмеялся Птуха. — После бани, а чешется. А за что тебе выпали, можешь сказать?

— На богородицу я плюнул.

— Как-ста? — оторопел стрелецкий десятник. — Поп, а на божью мать плюешь?

— Хвати ковш полугару — пень от богородицы не отличишь. Плюнул я в церкви на стену, на ней сатана намалеван, а попал в богородицу.

Птуха согнулся вдруг в пояс, держась за живот, и затрясся от хохота. Захохотал и поп и сквозь смех выкрикнул:

— И в Миколу-угодника маленько попал. Грехи... Ох, грехи.

Мичман снова взвыл от смеха, а за ним, постанывая и охая, засмеялись все остальные. А когда отсмеялись, отдышались, вытерли выступившие слезы и снова пошли, десятник спросил кузнеца:

— И ты, Будимир, к посаднику?

— К ему. Бирюч выкликнул наш посад на огульные работы.

Голос у кузнеца был гроыхающий, железный, будто падала на пол кузнецкая поковка.

— Хоть и выкликал бирюч, а не пойдут кузнецы на Ободранный Ложок. Не пойдут, хлебна муха!

— Повесит тя посадник, — сказал десятник. — И за дело! Не бунтуй против старицы и посадника!

Поп Савва забрал в горсть бороду и сказал задумчиво:

— Повесить, может, и не повесит, а кнута Будимир испробует, это уж и к бабке-ворожее не ходи.

Кузнец промолчал.

Ратных вдруг решительно положил руку на его плечо.

— Хочу спросить тебя, друг, кое о чем. Можно? Только, чур, начистоту отвечать.

Кузнец ответил не сразу, посмотрел пытливо на мирского, и понравился ему, видимо, пришелец из мира.

— Можно! — чуть дернул он в улыбке губами. — И на-чистоту отвечу.

— Ты кузнец, ты и скажи, что это за белое железо? И кому его нужно так много, что целыми посадами гонят людей его добывать?

— Верхним людям нужно. Белым железом они народ на корню губят. А крушец¹ совсем бездельный. Шибко мягкий, а на плавку тугой. Простое черное железо, то полезно людям, а белое совсем без пользы.

— Без пользы, а добывают. Для чего же?

— Тебя надо спросить. К вам, в мир, его отправляют.

— Ты это точно знаешь?

— Народ не без глаз! Таскаем-таскаем в Детинец проклятое белое железо — и как в бездонную бочку сыплем. Куда оно деваается? А еще скажи: откуда в Детинце всякая роскошь появляется, невиданная в Ново-Китеже?

— Поганый у ты язык, Будимир! — оборвал кузнеца поп Савва. — Ведь не велено о белом железе речи вести. То ведомо тебе?

Кузнец недобро улыбнулся, глядя на попа:

— Рожа у ты, поп, будто клюквой натерта. В посадники бы тебе с такой рожей. Ты не хуже посадника народу глотку затыкаешь. Видишь, мирской, как у нас? — развел руки кузнец. — По всему Ново-Китежу о белом железе молвь идет, а приказано молчать. О том молчи, о сем молчи, обо всем молчи. Молча живем.

— И вправду кончайте ваши байки, — недовольно сказал стрелецкий десятник. — Тута Душановы псы, ушники, подкрасться могут. Подслушают — и вам и нам влепят по горбу!

Над избенками посадов уже видны были башни Детинца, угрюмые, взъерошенные, как совы, и бревенчатые его стены, потемневшие от таежных ветров и непогод. Меж

¹ Крушец (устар.) — металл.

бревен торчали пучки прижавшейся травы, из узких бойниц свешивались бороды мха. Срубленный из вековых, в два обхвата лиственниц, Детинец был, как кулак, занесенный над соломенными крышами посадских избенок-однодымок.

Поп, стрельцы и Будимир перекрестились на икону, врубленную над башенными воротами под жерлом большой пушки, и все вошли в башню. Темный ее свод уходил вверх, во мрак.

Пахло сыростью, тленом. Все было древнее, погруженное в века.

2

Внутри Детинца, на просторном посадничьем дворе, стоял собор о пяти главах, простой, строгий, легкий, обшитый досками и расписанный по ним «травчатым» узором. Меж узорными цветами, травами и деревьями летали шестикрылые серафимы и враждебно глядели с высоты на толпившихся внизу грешных людей. Собор цвел кармином, лазурью, желтью, зеленью и золотом, как неопикуемой красы русский платок, упавший с девичьей головы на траву лужайки.

Рядом с собором стояли высокие, в три жилья, хоромы, срубленные хоть и крепко, но неказисто. В нестройной связи перемешались балкончики, крылечки, крытые переходы, летние спаленки-повалуши, светлицы, клетки, подклети и чуланы. Ребристая крыша хором ослепительно сияла, выложенная пластинками золотистой слюды.

Против посадничьих хором, по другую сторону собора, стояли избы верховников, без всяких затей, но из могучих бревен, крепкие, словно каленые орехи. Гонтовые крыши насунулись на окна, как шапки на злые, завистливые гла-

за. Оттуда несло духовито свежесвепеченным хлебом, вынутыми из печи пирогами и наваристыми мясными щами. Мичман, потянув носом, жалобно сморщился и потер живот. За домами собинников виднелись избы стрельцов. Там полно было зеленых кафтанов, жирных свиней и злых псов. А дальше, до самых крепостных стен, зеленел листвою сад, обнесенный дубовым частоколом, с высокими качелями, девичьей забавой. К саду примыкал блестящий под солнцем пруд, наверное, с жирными карасями.

— Видал, хлеба муха, как в Детинце живут? — тихо сказал капитану Будимир. — Сытно, пьяно, мягкая перина слана.

Конвойные стрельцы подвели мирских к парадному, красному крыльцу под шатровой крышей, на витых столбах, с деревянными в полчеловеческого роста шарами в подножье. На нижней ступеньке крыльца два стрельца в зеленых кафтанах, здоровенные, налитые ядреным красносизым румянцем, играли в чернь, выкидывая из стаканчика костяные кубики с точками на боках.

— Полняк! — обрадованно закричал стрелец, выкидывая двенадцать очков.

Другой выкинул четыре и уныло сказал:

— Чека!

— С пудом! — веселился один.

— Голь! — мрачнел другой.

Азарт захлестнул сторожей, они и о пищалях-рушницах забыли, беспечно прислонив их к стене.

— Хороша службишка, сидячая да лежачая. Знай кости бросай! — сказали насмешливо из толпы посадских, стоявших около крыльца.

— Отзынь, волк, собаки близко! — огрызнулся проигравший стрелец.

А удачливый сказал назидательно:

— Попробуй послужи! Всегда у стремени посадника, и днем и ночью!

— И днем и ночью у поварни посадника. Так вернее будет, — проворчал громко Будимир.

— Знамо! — захохотали в толпе. — Кажин день ши с убоиной жрут, чаркой запивают да спят как резаные. Служба!

— А ну брысь, вшивые сермяги! — вскочил, хватая пищаль, проигравшийся стрелец.

Посадские не спеша отошли от крыльца. Напоследок все же крикнули с угрозой:

— На это вы горазды, народу пищалами грозить! Ан ладно, сочтемся как-нибудь и за старое, и за новое, и вперед за пять лет!

— Кто эти люди, зачем они к посаднику пришли? — тихо спросил капитан Будимира.

Кузнец приветливо улыбнулся.

— Люди тут разные, а дело у всех одно. Плакаться будем, просить будем освободить от Ободранного Ложка, от добычи белого железа. Эти вот — пахотные мужики из таежных деревень и заимок. С хлебушком бедуют, а их с пашни на белое железо гонят.

Услышав разговор, к кузнецу и капитану подвинулся ближе пахотный, в рубахе из небеленого холста, в дерюге и в лаптях из ивовых прутьев.

— Было бы нам солнце красное, да дождик, да ведро во благовремени. Будет и хлебушко. А до прочего нам дела нет. На кой ляд нам твое белое железо? А посадник люрует на нас!

— Истинно! — подтвердил Будимир. — Народ на двор посадничий идет, аки пророк Даниил в львиный ров... А энти вон бортники, дикий мед в тайге из дупла выламывают, а рядом с ними хмелевщики, что хмель в лесу дерут. Без хмеля и меда детинские неразымчивы. И все с подно-

шениями. Видишь кадушки и короба? Чуть далее — те рыболовы с озера, ершееды, жуй да плюй! На Светлояре нашем промышляют.

У ног рыбаков лежали на рогожах огромный усатый сом и широкие, как подносы, лещи.

— А ваше подношение? — спросил кузнеца с любопытством Виктор.

— Вот мое подношение! — взмахнул Будимир огромными кузнечными клещами. — А мало будет — кувалдой в лоб!

— Добро! — весело сказал Птуха. — Так держать, браток!

— А эти кто? Погляди, Витя, погляди, — потянул Сережа брата за рукав. — На Кожаного чулка похожи. Верно?

Сережа показывал на двоих худолицых, с темной кожей, с блестящими зоркими глазами. Они выделялись своей одеждой, короткими безрукавными кафтанами-лузанами из звериных шкур мехом наружу, штанами из ровдуги, поршнями из кабаньей кожи с высокими, до колен, гетрами из ровдуги же, похожими на кожаные чулки, и шапки из рысьего меха. Только эти двое пришли в Детинец с оружием: черными луками из мореного дуба с желтыми, прозрачными тетивами из медвежьих жил. Были у них и рогаины с широкими железными лезвиями на толстых раговицах.

— Лесомыки это, — объяснил Сереже Будимир. — По тайге мыкаются и зверя всякого промышляют и под деревом стоячим, и под колодой лежачей. В тайге и живут, в суземе глухом.

— А пошто не жить? — сказал добродушно один из лесомык. — Лес — божья пазуха. Кого хошь напоит и накормит, ежели ты с умом и силенкой тебя бог не обидел.

Силенкой лесомыка не был обижен. Мощное, цепкое,

жилистое, звероватое было во всем его плотно сбитом теле.

— А ты погляди-ка, малец, какое подношение они посаднику приволокли, — подтолкнул Будимир Серезу к охотникам. — Видал такую диковину лесную?

На разостланной медвежьей шкуре лежал дикий кабан, матерый секач.

Из длинной пасти с кривой губой торчали страшные, изогнутые острые клыки. Блестела на солнце щетина, твердая от смолы, черная на боках, рыжая под горлом и на брюхе.

— Здоровенный, язвы его! — похвалил капитан, сам опытный охотник. — Не иначе, одинец¹. С таким не шути. Силен ты, брат, — улыбнулся он охотнику.

— Знамо, силен! — гордо, со спокойной силой ответил лесомыка. — Народ у нас могутный и породный. Леса непроходимые да болота породу нашу сохранили. И край наш дивно богатый и хлебушком, и медом, и рыбой, и зверем.

— Всего нам господь дал, — вздохнули в толпе, — только счастьем обделил.

— Погоди-ка, друг, а ведь я тебя в тайге видел, — сказал вдруг Ратных, приглядывавшийся к охотнику, и выдернул из его берестяного колчана стрелу. — Признавайся, это ты в меня в тайге стрелял? Такую стрелу я уже видел! Как нашли вы нас?

Лесомыка смутился, ответил тихо:

— Эва! Вы на всю тайгу шумели, о каждый пенек спытыкались. Ты-то тихо ходить умеешь, а эти, — кивнул охотник на летчика и мичмана, — как медведи ломились. Тебя мы последним нашли.

— И в город побежали, и стрелецкую облаву на нас послали?

¹ О д и н е ц — отбившийся от стада, особенно злой кабан.

— Приказ у нас от посадника строгий: всех сумнительных людей имать, — виновато потупился охотник. — Не обессудь, мирской, подневольные мы.

— Ладно, язви тебя. Мы не сердимся. А как зовут тебя?

— Пуд Волкорез меня кличут, — охотно ответил лесомыка.

— А я Сережа Косаговский, — подошел к нему Сережа, протягивая руку. И, подумав, добавил: — Из двенадцатой школы имени Крупской. Я хотел вас спросить: вы и на медведей охотитесь? — заинтересованно указал он на медвежью шкуру.

— И медведя валил, сыне. Вот она, рогатина-то. Лишь бы рука не дрогнула и нога не посклизнулась.

— А если дрогнет? — доверчиво поднял Сережа глаза на охотника.

Стоявшие вокруг люди засмеялись, улыбнулся и лесомыка.

— Тогда, сыне, медведь-батюшка с тебя шапку снимет вместе с волосами и с кожей.

— Надо же! — сказал Сережа.

— Медведь на тебя сам не полезет, — сказал Будимир. — Ты другого зверя бойся!

Волкорез хитровато прищурил глаза и, глядя на верхние окна посадничьих хором, сказал понимающе:

— Про рысь говоришь, что наверху живет? Самый подлый зверь! Сверху падает и терзает, опомниться не дает!

— Вот то-то что сверху! — заговорила, заволновалась толпа посадских, и все задрали головы, глядя с ненавистью на окна хором. — Вся рысья повадка... Капкан хороший нужен!

— Дубина хорошая!.. Да топор!

— Цыц вам, мужики-горланы! Галдят, как галки на пожаре! — раздался вдруг властный голос.

С верхней площадки крыльца презрительно и скучающе смотрел на толпу красавец и щеголь, стройный, тонкий в талии, белозубый, белолицый и нежно-румяный. Усы мягко пушились, небольшая борода ласково курчавилась.

«Оперный опричник! Драматический тенор!» — подумал Косаговский, почувствовав вдруг острую неприязнь к этому щеголю.

И одет был красавец по красоте своей: в темно-зеленый бархатный кафтан, малинового цвета атласные штаны, заправленные в мягкие чедыги, сапожки из желтого сафьяна на высоких красных каблуках с серебряными шпорами. Рукоять длинной тонкой сабли искрилась драгоценными камнями, а в ухе посверкивала изумрудом золотая серьга. Так казалось неопытному глазу, а капитан видел, что все это грубая подделка: на сабельной рукоятке фальшивая бирюза, граненые цветные стекляшки, в серьге тоже блестит зеленое бутылочное стекло.

А в щеголе и красавце этом капитан узнал стрелецкого голову Остафия Сабура. Он чванился и красовался под взглядами лапотников и сермяжников пестрый, яркий, напыщенный, как индюк, пытающийся выдать себя за жар-птицу. Но была в нем какая-то звериная гибкость, готовность в любой миг взвиться и обрушиться на врага.

Остафий взмахнул белой, холеной рукой и сказал лениво:

— На базар пришли груши-дули продавать? Сей минут выйдет на крыльцо, на мирских пленников поглядеть, дочь посадника. Невместно ей ваши непотребства слушать. Нишкните!

Потом, открыв дверь в хоромы, он сказал, улыбаясь томно:

-- Жалуйте, Анфиса Ждановна!

На крыльцо, стыдливо потупившись, вышла стройная девушка.

Она не сразу подняла голову, и видны были только ее светлые волосы, убранные под сетку из пряденого золота. А когда подняла лицо, Виктор удивился. При белокурых волосах брови у нее были, как в песне поется, что черный соболь, а глаза серые, искренние, добрые и глубокие, дна не видать. Но мало что-то радости в этих глазах, а была в них затаенная скорбь и надломленность. Маленький, тугой ее рот, казалось, не смог бы улыбнуться, столько в нем было грусти. Сарафан из красного китайского шелка с белыми цветами магнолии делал ее, тоненькую, нежную, чистую, похожей на цветок среди уродливых, угрюмых, обгорелых пней, среди грязных лохмотьев и неприкрытой нищеты, столпившейся на посадничьем дворе.

Косаговский смотрел на нее неотрывно и ошеломленно.

Пылающее солнце вспыхнуло у него в душе, и он закрыл глаза, ослепленный этим внутренним светом. Очнулся, услышав восхищенный шепот Птухи.

— Боже ж мой! Откуда такая взялась? Хоть двести лет живи, вторую такую не встретишь!

А посадские перешептывались радостно, благодарно, умиленно:

— Лебедь белая... Лебедь прохладная... Анфиса наша...

— Не девица, а чистое ликование...

Стрелецкий голова что-то говорил Анфисе, указывая на мирских, и она смотрела на них, прижав ладони к груди, округлив по-детски изумленно глаза. Взгляд ее остановился на Викторе, и теперь она смотрела только на него, а в глазах ее разгоралось тайное сияние. Она вдруг быстро закрылась рукавом сарафана и, спорхнув с крыльца, побежала к саду, где скрипели качели и слышались девичьи голоса и смех.

И Виктор смотрел ей вслед, пока алый сарафан не скрылся за садовым тыном.

Смотрел вслед алому сарафану влюбленно и самонадеянно и Остафий Сабур с высокого крыльца.

Смотрел и третий, спрятавшийся в толпе посадских.

Этого третьего заметил только поп Савва и крикнул, глумливо захохотав:

— Истомка-то, внучок мой, ишь как на посадникову дочь смотрит. Как кот на дразнилку! Видит кот молоко, да у кота рыло коротко!

Виктор обернулся, но увидел только мальчишески узкую спину, белую рубаху и длинные льняные, курчавившиеся на концах волосы человека, поспешно уходившего с посадничьего двора.

Глава 3

СУДНОЕ ДЕЛО

А у судного дела сидели судьи добрые, рыбы-господа: Осетр, большой боярин и воевода, Белуга и Белая рыбица, а дьяк был Сом с большим усом, а печать клал Рак своей задней клешней.

А ответчиком был Ерш маломочный, сын Щетинников.

«Повесть о Ерше Ершовиче»

1

— Людие! Грядет государь-посадник новокитежский, отец и благодетель наш Ждан Густомысл! — снова закричал с крыльца стрелецкий голова.

Дверь хором распахнулась настезь. Послышалось натужливое сипенье, тяжелые охи и ругань вполголоса. Кто-то с трудом протискивался в дверь. А люди на дворе, услышав сипенье и ругань, разом перегнулись в поясе, закланялись, касаясь пальцами земли.

Посадник вылез наконец на крыльцо, тяжело отдуваясь. Был он неимоверно толст, пузат и мордат. На пузе подносом лежала широкая смолевая борода. Из ее зарослей, как мухомор из мха, торчал толстый красный нос. Под низким и узеньким лбом по-рачьи выпучились глаза.

— Ух ты! — сказал с веселым удивлением Птуха, глядя на посадника. — Все на свете видел, а такого не видел. Троллейбус! Где зад, где перед, — не разберешь.

А капитан пристально разглядывал одежду посадника, не роскошную соболью, крытую тяжелой церковной парчой шубу и не горлатную его шапку пнем, высотой в аршин, а новенькие, огромного размера галоши, натянутые на слоновьи ноги Густомысла поверх толстых шерстяных носков, и на солдатскую нательную рубашу с японским госпитальным штемпелем на ней. Густомysl заметно гордился галошами, выставляя их напоказ, и рубахой, то и дело распахивая шубу и выпячивая пузо, чтобы все видели жирные красные иероглифы на ней.

Посадник добрел до скамьи, стоявшей под могучей лиственницей, и уселся, пыхтя и отдуваясь, прочно уперев руки в расставленные ноги.

Дряхлый старик, судя по связке ключей на поясе — ключник, сложил к его ногам охапку тонких кленовых досок. Затем подошли и встали по обе стороны посадника два парня из дворщины. Они держали на вытянутых руках два лубяных подноса. На одном лежал бинокль, на другом стоял дешевый жестяной будильник.

Капитан, Косаговский и мичман понимающе перегля-

нулись: бинокль был полевой японский, а будильник — советский, какими завалены магазины сельпо.

Посадник засучил рукава, будто собрался драться на кулачки, охолил ладонью бороду и, взяв с подноса бинокль, начал рассматривать посадских.

— Он что, ненормальный? — пожал плечами и развел руки Птуха. — Люди в трех шагах стоят, а он на них в бинокль пялится.

— Невместно владыке посаднику простым зраком на смердов глядеть, очи свои поганить, — сердито шепнул ему поп Савва.

Густомысл опустил бинокль, рыгнул, перекрестил рот и сказал:

— Начнем со Христом. Кто у нас сѣдни?

Из толпы вылетел Савва, упал на колени перед посадником и припал головой к земле. Волосы его, заплетенные в косичку, задрались собачьим хвостиком. По толпе прошел смешок.

— Вселюбезнейшему и паче живота телесного дражайшему владыке до матери сырой земли поклон! — затараторил молитвенно поп. — О твоём здравии слышать желаю, цвете прекрасный, пресветлое наше солнышко!

— Напился собачий сын и на богородицу плюнул. Дран за то кнутом, — сказал Остафий, сидевший на перилах крыльца. Он то и дело поглядывал на сад, где скрипели качели.

— То ли ты поп и летописатель наш новокитежский, то ли затычка кабацкая? Отыдь, пес смердящий! — пнул посадник попа галошей. — Я подумаю, какое на тебя наказание положить.

Савва на коленях попятился в толпу. Посадник снова поднес бинокль к глазам, повел им по двору, и, когда опустил, рачьи глаза его повеселели. Он увидел «подношение».

— Жирен, ох жирен кабан! Огорока добрые будут! Ты, косолапый, кабана приволок? — посмотрел посадник на Пуда Волкореза.

Тот молча поклонился, касаясь пальцами земли.

— На кабане думаешь отъехать? Я вот зачем тебя позвал. Ты староста лесомык, ты и слушай мое слово и узелок себе на бороде завяжи. Довольно вам в лесу прохладаться. Идите на Ободранный Ложок белое железо копать. На кой мне ваша мягкая рухлядь!

— И такая рухлядь не нужна? — Волкорез выдернул из-за пазухи шкурку и смял ее в горсти. — Мягонькая, в горсть зажмешь — и не видно. Осенний, по снегу еще не катался. Для тебя берег. Глянь, темный да глянцевитый! А мерный какой! Вот зверина! Медведь, а не соболю, — соблазнял посадника охотник.

Посадник заколебался:

— Эту давай. На шапку мне пойдет.

Волкорез положил шкурку к ногам посадника и облегченно вздохнул.

— Тебя ослобождаю от белого железа, а лесомык своих завтра гони на Ободранный Ложок.

— Господине, пожди мало, — с мольбой протянул Волкорез руки к посаднику. — Заслужим тебе, владыка!

— Я вас, дармоедцев, живо окорочу! Суровец всех вас на голову короче сделает! — заревел посадник, пуча глаза.

Волкорез опустил голову, ответил покорно:

— Твой топор, моя голова, господине.

— Медведей валишь, а здесь как заяц дрожишь! — упрекнул охотника Будимир, когда тот смешался с толпой.

— На всякого зверя своя сноровка есть, — поиграл густыми бровями Волкорез. — И к медведю не суйся, когда он лапами грабастает. Береги рогатину и жди!

Будимир понимающе усмехнулся.

Посадник снова поднял к глазам бинокль и крикнул сердито:

— Чей черед, выходи!

К нему робко, виновато приблизился пахотный мужик с реденькой, выщипанной бородой, тот, что говорил: «Нам бы ведро во благовремени, а до остального нам дела нет». Щеки его запали, глаза словно сажеей обведены.

Он и дышал виновато, а наведенный на него бинокль пугал так, что он отворачивался и пытался закрыть лицо рукой.

— Некрас я, государь, прозвище Лапша. Староста пахотных людей с Новых Пеньков, Лисав, Высокой Гривы, починков и лесных дворов.

Посадник нагнулся к лежавшим у его ног доскам, покопался, взял одну и долго разглядывал.

— Чти вот долговую доску, что на вас, пашенных, записано.

— Неграмотный я, кормилец.

— Недоимка на вас по белому железу столь большая, что быть вам вскорости на толчке, на плахе.

— Умилостивись, господине. Белое железо копай, сохой руки оттягивай, а все без хлебушка сидим. Ребятенков чем кормить? У меня их семеро за стол садится.

Лапша замолчал, тоскливо глядя на посадника.

— Годи мне, шалун! — удушливо просипел посадник. — Подь сюды! Ближе, ближе!

И, привстав, с крепким размахом, блеснув перстнями, вьевшимися в жирные пальцы, Густомысл крепко ткнул Некраса в лицо. Мужик шатнулся и тихо заплакал, не решаясь поднять руку к лицу, залитому кровью и слезами. А посадник, колыхая брюхом, захлебнулся смехом.

— В ревы ударился! Истинно Лапша. Стрельцы, волоките его в Пытошну башню. Суровец с ним задушевно побеседует.

Лапше скрутили руки и уволокли.

— Ух, босяк! — выдохнул трудно Птуха. — Сотворил такого боженька и сам заплакал!

Сережа повел вокруг тоскливыми глазами.

— Нехорошо тут! — горячо, вздрагивающим голосом сказал он.

— Тише, Сережа, — остановил его брат. У Виктора было страдающее лицо.

Посадник отсмеялся и снова посуровел.

— Кто сей дерзко стоит? — посмотрел он в бинокль на Будимира.

Кузнец сделал шаг вперед:

— Будимир Повала, господине, староста Кузнецкого посада. Бирюч опять выкликал нас на огульные работы.

Посадник поднял новую доску, посмотрел, нахмурился.

— Давно ваш черед на белое железо идти. Аль не пойдете?

— Ну!

— То богова работа, кузнец.

— Все на бога да на бога, а на себя когда же? — не сдержал кузнец громыхающего голоса.

— Не больно аркайся! Язык свой к небу гвоздем прибай, а передо мной в страхе стой, червь дерзновенный!

— Говорю как умею, хлебна муха!

— А поди-ка ко мне, кузнец, — ласково позвал посадник. — Ближе!

— Нет, Густомysl, меня не ударишь! — отяжелевшим, железным голосом прогремел Будимир. — Мужика патхотного ты совсем забил, а кузнеца не тронь. Мы люди огненные да железные!

— Вот дает! — тихо восхищенно ахнул мичман.

Посадник долго в раздумье сгребал руками в ком тучную бородищу, косясь на тяжелые кузнечные клещи Будимира.

— Огненные и железные, говоришь? — недобро сказал посадник. — Железо да огонь и у меня найдутся. Подумай об этом, кузнец!

2

И снова закричал на крыльце Остафий Сабур, но теперь торжественно и молитвенно, с церковным распевом:

— Возвеселитесь душой, возликуйте сердцем, спасены души! Грядет к нам золотое правило веры Христовой, церкви бодрое око, уста немолчные сладковещательные, преподобномудрая наставница и владычица новокитежская, ее боголюбие старица Нимфодора!

— Вот это званье-величанье! Кошмар! — насмешливо восхитился мичман. — Как наш боцман говорил: и навхрест и навпоперек, вперехлест и через клюз обратно!

— Ох! — вздохнул отчаянно капитан и сказал тихо Птухе: — Вы хоть помолчите, мичман. Не дразните собак.

Старица не вышла на крыльцо — ее выволокли два дворовых парня в большом кресле, обитом красным бархатом, с крестом из золотых галунов на спинке. А в кресле скрючилось что-то маленькое, высохшее, горбатенькое. Черная монашеская мантия висела на острых плечах старицы, как на вешалке, а под монашеской шапочкой мертвенно белело крошечное личико. В потухших глазах — отречение от всего земного, провалившийся беззубый рот обтянули тонкие черные губы, беспрестанно двигавшиеся, будто пережевывая что-то.

«Трухлява владычица новокитежская, — подумал капитан. — Недолго ей жить».

За спинкой кресла встали две монашенки, с ликами постными, но раскормленными, с глазами смиренными, но с хмельницей. Одна раскрыла над головой старицы пестрый пляжный зонтик, другая начала обмахивать Нимфодо-

ру кружевным веером, хотя на улице было не жарко. Капитан, летчик и мичман снова довольно переглянулись: прав Будимир, есть у Ново-Китежа сообщение с миром.

Будто порыв сильного ветра пролетел по посадничьему двору. Ратных удивленно обернулся. Все, кто был на дворе, — все упали на колени, уткнув носы в землю. Видны были только спины — сермяжные, дерюжные, холщовые в заплатках.

— Надо же! — громко удивился Сережа.

Старица чуть махнула рукой и сказала неласково:

— Встаньте, спасены души. Благословение мое на вас.

Голос у нее был беззубо-шепелявый, но сильный, с баковитыми нотками. Люди поднялись с колен. Старица повернулась к посаднику.

— Зачем девку свою, Анфису, выпустил на люди?

— Выскочила мирских поглядеть, твое боголюбие! — поклонился Густомysl.

— Забыл, какой удел ей готовим? Под замком ее держи. Окромя церкви — никуда! И еще скажу тебе, посадник. Сидела я у окна, слушала твой суд и твою раду. Потаковник ты, с людьми слаб! Шею им нещадно гни, а какая не гнется, по той топором! Парой лаптей меньше — не велик убыток.

По толпе прошел задавленный ропот.

Старица подняла проклинаяще руку и рыкнула неожиданно густым басом:

— Нишкните, задави вас лихоманка! Во грехах, как овцы в репьях, живете! Знаю, на какую сторону отвалиться мечтание имеете! В мир вас тянет, к сатанинскому престолу царя московского! Вырублю и выжгу наш город, а народ в скверну мирскую не пушу!

— Крепко на пушку берет! — покрутил головой Птуха и спросил стоявшего рядом посадского: — А может, она у вас сильно психическая?

Посадский не успел ответить. Озорной голос крикнул из толпы:

— В лапоть звонишь, твое боголюбие! Мир проклинаешь, а сама в соблазнах мирских погрязла. Шило в мешке не утаишь! Народу ведомы все тайности ваших хором. Сама ты сладкие заедки мирские жуешь, винцо мирское сладенькое тянешь и мирское табачное зелье нюхаешь. Неладно у тебя получается!

— Кто богохулит? Выходи! Ай боишься? — заревел посадник.

— А когда я тебя боялся? Вот я!

Из толпы вышел человек невысокий и неширокий, а весь словно сплетенный из тугих мускулов. Таких в народе двужилыми называют. На голове его переплелись кольца черных кудрей, и борода вскипела мелкими кудряшками.

Лицо дерзкое, человека на все способного, в багровых, гноящихся ожогах, а в глазах — отвага затаенных мыслей.

— Опять ты, Алекса Кудреванко? — опешил посадник. — Давно тебя повесить собираюсь, да все забываю.

— А я напому. Нá! Вешай!

Кудреванко стоял в распоясанной рубаше, вызывающе уперши руки в бока. Капитан подался головой к Будимиру, спросил тихо:

— Кто это? Откуда?

— Солевар. Дырник ярый, народ в мир зовет и бунт всенародный кипятит! Тысячу, чай, плетей на спине носит.

— Снова кнута захотел? Прикажу стегать, пока свеча горит! — заорал Густомысл, пуча глаза.

— Красных девушек стращай. Об меня без числа палок измочалено!

— Рцы дале, спасена душа, — донесся спокойный голос старицы. — Чай, на работу свою солеварную жалиться будешь?

— Буду! Варим мы соль, а носим боль. Гляди! — выставил Алекеа обожженное лицо. — А мало людей в црены¹ падает, заживо варится? Солонину из людей делаете?

Старица слушала солеvara, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Не открывая глаз, словно сквозь дремоту, ответила:

— Соль дорога, а твоя шкура дешевая.

— Не о своей шкуре говорить пришел, о всем народе посадском. Соль денно и ночью варим, а где она? Посадским только за белое железо даете? Озмеели вы от злобы, детинские, опузырели от богатства!

— Дале рцы, Кудреванко. До конца рцы, спасена душа.

— До конца и скажу. Для того и пришел в берлогу вашу. — Кудреванко не кричал, не вспыхивал гневом и ненавистью. Гнев и душевная боль его были такого накала, когда человек уже не кричит, а говорит внешне спокойно, но в этом спокойствии больше гнева, боли, страсти, чем в крике. — Где вече наше, где вольность наша, спрашиваю? В годы недавние, вольные господин великий Ново-Китеж всем народом на вече решал и указывал. А вы, детинские верхние люди, народную вольность слопали, вечевому колоколу язык вырвали и на деньги его, родимого, перелили. Не дает он более гулку. Ладно, вскорости другой гулок услышите! Мы, правнуки батюшки Степана Тимофеевича, славного нашего атамана Разина, выйдем мы на улицы и Детенец ваш на слом возьмем! Весь-то он на растряс пойдет!

Кудреванко замолчал, дыша часто и глубоко. Теперь слышно было только тихое металлическое звяканье. Это Остафий Сабур бешено играл саблей, то выдерживая, то снова кидая ее в ножны.

¹ Црены — железные ящики для выварки соли.

— Рано за саблю схватился, голова, — растянула старица в улыбке мертвые губы. — Он еще не кончил. Угада-ла я, Алекса?

— А вот вам остатние мои слова! Объявится в Ново-Китеже новый Василий Мирской, объявится, попомните мои слова, и выведет нас в светлый мир, на Русь! Но прежде ты, посадник, на карачках поползаешь, а ты, трухлявая кочаруха, — погрозил он кулаком старице, — раскорячкой пойдешь. Ты мертвец живой! Смерд от тебя!

Клубком черного дыма взметнулась монашеская мантия. Старица вскочила. Под седыми бровями уже не тлели мертвые, пустые глаза, а сверкали раскаленные угли, пылало неистовство непотушенного злобного духа.

«Поживет еще ведьма, в глазах силы много, — подумал капитан, поймав взгляд старицы. — Лет на двадцать в ней жизни».

— Стрельцы, рубите его! Напополам пластайте! — задыхаясь, крикнула Нимфодора и упала в кресло.

Стрелец бросился на Кудреванку, замахиваясь бердышом.

— Не балуй, зелен кафтан! О мужицкую кость бердыш затупишь! — увернулся Кудреванко и вырвал у стрельца бердыш.

— Шибай его из пищалей! — закричал стрелецкий голова.

Стрельцы кинулись к пищалям, закопошились с кремневыми курками. Кудреванко заметил новую опасность и помчался к башенным воротам.

— Бабы, а не стрельцы! — крикнул Остафий. Звякая саблей, звеня шпорами, он скатился с крыльца, вырвал из-за пояса пистолет, выстрелил.

Над крышами домов взвились голуби, толпа откачнулась от крыльца. Солевар остановился, обернулся.

— В долгу не останусь, голова! — крикнул он, взмах-

нүв блеснувшим на солнце бердышом, и скрылся в черной пасти башенных ворот.

3

Посадник ревел быком, ругая Остафия, голова таскал стрельцов за бороды, только старица была спокойна и сказала негромко:

— Пушай его. Далее Прорвы не убежит и наших рук не минует.

— Чей черед? Выходи! — проворчал посадник, глядя на толпу.

И вдруг затрещал будильник на подносе. Люди испуганно шарахнулись назад. Вздрогнула и старица, отплюнулась сердито:

— Тьфу на тебя, окаянный! Истинно голос дьяволов!

А посадник поднялся быстро со скамьи и сказал весело людям:

— Бредите по домам, спасены души. Часомерие шабаш прозвонило. Щи готовы, обедать пойду.

Люди загудели:

— Пожди, милостивец!.. Разбери наше дело. По неделе к тебе ходим!

— Шабаш, конец обедне! — замахал руками посадник. — Эва, сказал — пожди! С вами делов повыше усов. Щи остынут, кулебяка охолодает, а она только тепленькая хорошая. Идите, говорю! Завтра приходите.

— И стрельцы пушай к щам и каше идут. Отпусти их, — сказала старица посаднику и обернулась к стоявшим за ее спиной парням и монашкам. — Вы тоже уходите, а ты, поп Савва, отойди подале в сторонку. Иди к собору, помолись. Нужен будешь — позовем.

Когда двор опустел, старица сползла с крыльца и села на явку под лиственницей. Потянула за рукав посадника:

— Садись, не спеши.

— А кулебяка? — жалобно прогудел тот.

— Истинный ты Густомысл дубинноголовый! — с презрением сказала старица. — В башке у ты не мозги, а тесто перекишее. С мирскими-то как?

— А что с мирскими? — уставился на нее посадник.

Старица махнула безнадежно рукой. Провела внимательным, недобрым взглядом по пленникам.

— Давненько мы мирских не видели. После Васьки не забредали они к нам. А чего расхристанные ходите? Пугвы где? — ткнула она посохом в расстегнутые кителя летчика и мичмана.

— Пуговицы стрельцы ваши пообрывали, — проворчал раздраженно Птуха. — Папуасы они у вас или марсиане из «Аэлиты» графа Алексея Толстого. Интересовались, бабуся, такой художественной литературой?

Старица ответила ненавидящим взглядом и повернулась к голове:

— Спрашивай, Остафий.

Сухая хищная искра сверкнула в глазах стрелецкого головы.

— Ты отвечай! — ткнул он пальцем в капитана. — Отколе к нам пришли?

— Из мира, как у вас тут говорят. С Руси.

— Зачем пришли?

— Мы не к вам шли. В тайге заблудились.

— Куда шли?

— А какое твое собачье дело, куда мы шли да откуда шли? — выкрикнул вдруг разозленно мичман. Ему трудно уже было сдерживаться: его взвинтило все, что он увидел и услышал на посадничьем дворе.

Остафий вскочил, выдергивая из ножен саблю. Капитан локтем отодвинул выдвинувшегося вперед Птуху и ответил голове:

— Домой шли, ясное дело.

— Юлишь-виляешь, мирской! — начал злиться голова. — А ребяенок зачем с вами?

— Это мой брат, — сказал Виктор. — Куда я, туда и он.

— Как нашу Прорву-матушку прошли?

Капитан подтянул не спеша спустившиеся голенища брезентовых сапог и ответил коротко:

— Ногами. Вот этими.

— Кто вас вел? — крикнул посадник. — Говори, или кнутом заставлю!

— Никто не вел. Сами прошли. Ходят ведь люди через вашу Прорву и галоши носят, — указал Ратных на ноги посадника.

Тот испуганно дернул ноги под лавку.

— Може, кто и ходит, а остальным не пройти, — сердито проворчал он.

— По чертежу, чай, шли, — заговорила старица. — Шарили их стрельцы?

— Шарили. Ни чертежа, ни бирки, ни доски с зарубками или резами — ничего такого не нашли, — ответил голова.

Капитан и Косаговский обменялись взглядами: «Про самолет не знают. Хорошо!».

— Шут их разберет! — сказал нерешительно Остафий. — Може, и впрямь заблудились, как Васька Мирской. А правды от них, вижу, не добьешься.

Старица, прикрыв ладонью глаза и запрокинув голову, долго смотрела на мирских.

— Ишь взгляд какой! Будто рогатиной в грудь тычет! — указала она пальцем на Сережу. — Мал, дьяволенок, а злющ! Видать, крепкую душу малец имеет.

Шумя каленым черным коленкором мантии, Нимфодора поднялась со скамьи.

— Молиться мне пора. Пойду я.

— А с мирскими-то что будем делать? Ума не приложу, — жалостно спросил посадник.

— С кашей ешь! — дернулись в глумливой усмешке губы старицы. — Опять в пень встал? Что с ними делать, не нам с тобой решать.

— Знамо, знамо! Не нам решать, — согласился поспешно, заметно оробев, посадник.

Ратных, Косаговский и Птуха снова переглянулись удивленно: «Кого испугался всеильный посадник? Кто будет решать нашу судьбу?»

— Попу Савве сдай мирских, — продолжала старица. — Для этого я и оставила его на дворе. На Савву можно положиться.

Старица, никого не удостоив взглядом, ушла в хоромы.

— И то! — повеселел посадник и крикнул: — Поп, подь сюды!

— Тута я, владыка! — подлетел Савва на полусогнутых.

— Веди мирских к себе. У тебя им постой будет.

— Владыка, красно солнышко! Помилуй! — вдруг зарыдал поп отчаянно и фальшиво. — Чему нас мудрые старицы учили? «С мирским, как с псом поганым, не ешь, не дружись, не бранись».

— Шшел, притвора! — замахнулся на попа Густомысл. — Не рони слезу напрасно, не верим. Васька Мирской кто был? Не скоблено рыло? И жил у тебя года, почи-тай, три. Веди!..

...Когда мирские с попом вышли из Детинца, они увидели ждавшего их Будимира Повалу. Он пошел вместе с ними и долго молчал, поглядывая на мирских. Потом сказал, улыбаясь светло:

— Шибко ноне новина старину гонит. Умные речи, смелые думы в народе ходят. Вон как Кудреванко-то сказал: жди нового Василя Мирского!

— Долга, брат, песня, — нахмурился капитан и, косясь на шедшего впереди попа, спросил тихо: — Где живешь-то?

— В Кузнецком посаде. Спроси старосту Будимира Повалу, всяк покажет. А как твое-то имя? Как в поминанье записать, коли молиться за твое здоровье вздумаю?

— Степаном меня зовут.

— Хорошее имечко! — Будимир вдруг заволновался. — Погоди-ка! Уж не ты ли и будешь тот мирской, который нас на Русь выведет? По народной примете так должно быть: мирской нас из здешней кабалы выведет, — серьезно и с надеждой посмотрел кузнец на капитана.

Капитан поднял брови, но ничего не сказал, думая о чем-то. После долгого молчания спросил:

— А солеvara Кудреванку можно будет повидать? Где они соль варят?

— Далеконько, на соленом озере. Слобода Усолье называется. Найдем и Кудреванку, не бойсь!

Кузнец неожиданно остановился и сказал тревожно, глядя на бегущего навстречу человека.

— Мишанька Безмен бежит, ученик мой. Что у вас стряслось, Миша? — не вытерпев, крикнул он.

Мишанька, молодой парень с протупающей тенью бородки, с сереньким пушком на верхней губе, будто пил он молоко и не вытер губы, заговорил, понизив голос до полусвета:

— Ничего у нас не стряслось, дядя Будимир. А меня кузнецы послали узнать, почему ты долго из Детинца не возвращаешься. Ежели бы посадник что недоброе с тобой сделал, мы бы всем посадом в Детинец грянули!

— Не тронул меня Густомысл. А на белое железо, Мишанька, кузнецам придется идти. Рано еще нам борзиться. Ну, погоди, посадник!.. — взмахнул Будимир клещами и повернулся к капитану: — Ты, Степан, худо о кузнецах не думай, хоть и покоримся мы на сей раз Детинцу. Кузне-

цы — народ крепкий, нас и зубилом не возьмешь! Однако прощайте, мы в посад пойдем.

Взгляды кузнеца и капитана встретились, и были они как крепкое рукопожатие.

Будимир снял войлочный колпак, поклонился всем и свернул с Мишанькой в сторону.

Глава 4

ИСТОМА МИРСКОЙ

Кто ты такой, человек, кто отец твой, откуда ты родом?

Гомер, «Одиссея», п. IV

1

Изба попова была похожа на трухлявый гриб. Крыша прогнулась, как седло, и поросла рыжим мхом. На дворе ни сарая, ни хлева, ни погреба. Около крыльца валялись старая оглобля, два сломанных колеса и разохшаяся бочка. И двора-то не было, ни забора, ни тына, ни плетня, а ворота стояли, и висело на верее только одно полотнище, и то боком, на одной петле. К избе можно было подойти с любой стороны, но Савва провел мирских через ворота.

— Тю! На Воронцовский дворец¹ не похожа! — покачал головой мичман, глядя на избу.

В горнице, просторной, но темной от бычих пузырей в окнах, стены блестели от копоти, как лакированные. Жирная сажа свисала хлопьями с потолка. Было в горнице не только просторно, даже пусто: широкие лавки по стенам, непокрытый стол, раздолье для огромных черных тарака-

¹ Бывший дворец губернатора в Одессе.

нов, полка для посуды да икона в углу — вот и все имущество попа Саввы. Пахло квасом, кислым хлебом, холодным дымом и мышами. Ратных, войдя, потянул носом и засмеялся:

— Русью пахнет!

— Знамо, Русью: мы, чай, православные, — обиделся поп и дернул Сережу за рукав. — Шапку скинь, немоляка! Не к басурманам пришел, икону-то видишь? У меня и ко чергу недолго заработать!

Оробевший Сережа сдернул свой летный шлем.

Мичман сел на лавку, огляделся и покачал головой:

— А хозяйство у тебя, отец, не ахти. Бобылем живешь?

— Прибрал господь попадью, — закручинился поп. — Яко наг, яко благ! Всего имения — веник в углу да мышь под полом.

— Пьешь бесперестанно. Скоро и веник и мышь пропьешь! — сказал от дверей молодой строгий голос.

Все обернулись. В дверях стоял юноша, стройный, изящный в фигуре и в движениях. Волосы его, расчесанные на прямой пробор, белые, как чистый лен, и курчавившиеся на концах, падали до плеч. Одет он был в рубаху до колен из холста, на первых снегах отбеленного, такие же штаны и новенькие лапотки. Под холстиной проступали трогательно по-мальчишески острые локти и колени. Виктор узнал юношу, убежавшего от посадничьего крыльца под глумливые выкрики попа Саввы.

— Это внучонок мой, Истома, по прозвищу Мирской, — засуетился, залезбил вдруг поп.

— Ты, дед, пошто ржал жеребцом на посадничьем дворе? — закинув красивую юношескую голову, пошел Истома на попа. — Кто кричал мне вслед, старый грех? Про ката и дразнилку?

Поп опустил голову, пряча от внука глаза.

— А это кто, мужичок маленький, хороший какой? — сказал ласково Истома, глядя на Сережу. — В посадах говорят, будто мирские к нам забрели. Не мирской ли это паренек?

— Не тронь его, Истомка, опоганишься! — заорал поп. — Мирской и есть. Посадник на постой их к нам послал.

— Для меня мирские не поганцы, я сам Мирской, — обняв Сережу и глядя его по голове, ответил Истома. Улыбаясь, посмотрел он на мирских людей. — Рад я вам несказанно, люди добрые!

— Обумись, Истомка! Грехов и без того на тебе, что на черемухе цвету! — затараторил поп.

— Что так? — насмешливо вздернул юноша тонкую, шнурочком бровь.

— Ох, горе мне с внуком! — всплеснул поп руками. — Нравом поперечный! Все у него не по стародавнему обычаю, а по-своему, по-особливому. Он иконы и те на свой лад пишет.

— Вы иконописец, Истома? — спросил Косаговский.

— Худо¹г я, — застенчиво и тихо ответил юноша. — Я не токмо иконы пишу, я стены, потолки узорю, окна тож. Собор в Детинце видели?

— Ваша работа? — оживился летчик. — Чудесная роспись! Вы настоящий художник, Истома.

Щеки юноши зарозовели.

— Простите, Истома, — вмешался капитан, — но какой же вы мирской? Вы внук Саввы, не так ли?

— Так. Внук. А Мирским меня прозвали по Василию, брату моему названому.

— Мы о Василии сегодня не раз слышали. А как он попал в Ново-Китеж?

¹ Худо^г (устар.) — художник.

— Черти его к нам принесли! — зло вырвалось у попа.

— Молчи, дед! Васю не тронь! — сверкнул глазами Истома. — У вас на Руси Вася рудознатцем был, земные руды искал и камни разные, человеку полезные. В тайге отбился от своих, плутал по дебрям и неведомо как через Прорву перебрался. Чудо истинное! Вышел он на дальнюю деревеньку еле живой. Комары из него всю кровь выпили. Потом мужики пахотные его в город приволокли.

— На горе и стыд мой, — слезливо проныл поп. — Васька, сатана, Истому словно чарами колдовскими опутал. Вот чей дух в Истоме бунтует!

— Хороший дух! Много мне Вася рассказывал про вашу жизнь мирскую, дружную, пресветлую, свободную. Хочу и я в мир, терпенья нет, жизни вольной хочу!

— Безумец! Гром божий на тя! — замахал поп руками на внука. — Мир — пасть адова огненная! Царская кабала, дыба да плаха нас в миру ждут. Царский-то престол дьявол на рогах своих держит!

— От Нимфодоры такое слышал, от палачихи народной? — брезгливо спросил Истома. — Она вот истинно дьяволова дочь, мучительница и убивица!

— Глумец, не богохуль! — затопал поп. — Не нам ее высокий сан судить! Она, как свеча восковая, перед господом горит!

— Врет она, как сивая кобыла, твоя свеча восковая! Вася говорил, что нет теперь на Руси царя.

— Много лет назад царя прогнали, — подтвердил капитан.

— Слышишь, дед? Чья же правда? Я в Васю, как в бога, верю. Стал он мне старшим братом названным. Хотел я с ним крестами нательными поменяться, да креста у Васи не было. Он с малых лет от бога откачнулся. А люди, видя такую мою приверженность к Васе, человеку мирскому, и меня начали дражнить — Мирской-де. А я даже обрадо-

вался. Я и есть Мирской! Вот так хочу жить! — с болью крикнул Истома, широко раскинув руки. — Вольно! Духота и темнота здесь! Ветру бы свежего к нам напустить, сквозняку бы!

Поп почесал под мышками и сказал зловеще:

— За разговоры эти сидеть Истомке в Пытошной башне, как и Васька сидел!

— Когда Василий появился в Ново-Китеже? И сколько он прожил здесь?

Брови Истома приподнялись странно и тревожно; он посмотрел на капитана не отвечая; видно было, что ушел мыслями глубоко в прошлое. Потом сказал негромко, печально:

— Годов пять назад он к нам пришел, за три года до того, как начали у нас белое железо добывать. За это проклятое белое железо и загнали его в могилу старица и верховники. Стало быть, три года он у нас прожил.

Истома помрачнел и больше не сказал ни слова. Он по-прежнему обнимал Сережу и, прижавшись щекой к голове мальчика, снова задумался.

Капитан залюбовался лицом юноши с тонкими чертами, с чудесным бело-мраморным лбом и с настоящими русскими васильковыми глазами.

Были сейчас в них умная сосредоточенность человека, глядящего в глубину, в себя, и затаенное страдание, и скорбная покорность.

Юноша вздохнул, отстранил чуть Сережу и, глядя печально в его лицо, сказал тихо:

— Неужто и ты, отрок милый, весь век свой здесь будешь вековать? Мы горе горстями пьем допьяна! Мы, что псы на привязи, что медведи в яме, живем. Беги отсюда, от роche, беги! — закончил он дрогнувшим голосом.

— Куда он побежит, коли все дороги заказаны? — издевательски хихикнул поп Савва.

— Слушай, десятель, хватит тебе травить через клюз! — сердито оборвал мичман попа. — Определили нас к тебе на постой, значит, и на довольствие к тебе зачислили. Когда кормить нас будешь? Мы сутки не ели.

— Кроме редьки с квасом да каши с льняным маслом, у меня нет ничего. Пирогов для дорогих гостей не напек!

— В матросском брюхе не только редька да каша, шлюпбалка созреет. Давай поскорее! — потер Птуха довольно руки и запел, изображая корабельный горн на обед:

Бери ложку, бери бак,
Выходи на полубак!..

— Перекрестил бы лучше лоб перед едой! — сердито покосился на него поп.

2

Ели из одной деревянной чашки, черпая по очереди. Квас был нестерпимо кислый, хлеб колючий, с мякиной.

— Скажите, Савва, Прорва, про которую мы уже много наслушались, в самом деле непроходимая? — осторожно спросил капитан.

— Тухлой воды мерцание! Болотных трав стена! Чавкает, пузырится трясина бездонная! А на кочке зеленый болотный черт с лягушачьими глазами сидит. Вот какая Прорва! — ответил поп. — Пойдешь — и утопнешь в зыбунах да прососах, а не утопнешь — мошке да пиявицам на корм угодишь. Землю новокитежскую Прорва кругом облегла. Нет прохода!

— И зимой не замерзает?

— Никак! Родники подземные горячие Прорву греют. Над ней зимой пар столбом стоит. Издаля видно, — недобро

ложились слова попа. — Так-то, мирские! Уйти и не думайте.

Сережа посмотрел испуганно на попа и опустил голову, пряча страх в глазах.

Савва погладил его по голове.

— Обвыкай, отроче, обвыкай. — В голосе его было не участие, а издевка. — Руки грызи, не уйдешь!

— Не трогайте мальчика, Савва! — резко сказал Косоговский. — А ты, Сережа, подтяни гайку! Дорогу домой мы найдем. Верь мне.

Сережа шмыгнул громко носом, поднял голову и улыбнулся несмело.

— Ты, батя, тралю-валю нам не пой! — бросил ложку Птуха. — А галоши ленинградские, рубаха японская, будильник московский? А зонтик, а веер старухин — это откуда? Из-за Прорвы? Или как?

Савва не донес ложку до рта и, глядя в ложку, ответил:

— А ты спроси об этом старицу и посадника. Спроси! Так ответят, что голова напрочь отлетит!

Мичман раздраженно отмахнулся и прислонился к стене, устало прикрыв глаза.

Капитан молчал. Две морщинки поперек лба придавали его лицу вид хмурый, озабоченный.

— Истома, а как предки ваши перешли Прорву? — обернулся он к юноше. — Не двое, не пятеро их было, а не одна сотня, наверное. Не слышали вы об этом рассказов, преданий, песен, былин?

— Вела их преподобная старица Анна, а ей ангел господен путь указывал, — важно сказал поп.

— Дед, расскажи мирским поведание о граде нашем, — обратился к нему Истома. — Всю досюльщину древнюю поведай. Ты летописатель. Иди-ка сюда, мирской, — позвал

он капитана и подвел к вделанному в стену шкафчику. — Вынимай, смотри.

Капитан вытащил из шкафчика книгу, огромную, как столешница, в деревянном переплете, обтянутом кожей. Это был, скорее, сундук, а не книга. Подошедший Виктор постучал по деревянному переплету:

— Теперь я понял, почему говорят: прочитал книгу от доски до доски.

Ратных раскрыл книгу. На первом листе была искусная заставка в черную и красную краски. Он взялся за край страницы, чтобы перевернуть, и, не поверив, пощупал еще раз. Нет, не бумага это была, а обработанная неизвестным способом березовая кора. Вот почему книга была такая толстая!

— Берестяная книга! — удивленно сказал капитан. — Вот чудо! Правда, слышал я, будто в одном таежном селе в церкви были берестяные книги. Узнали об этом музейные работники, примчались туда, а книг нет уже. Псаломщик их на растопку пустил. А ваша книга давно написана? О чем она говорит?

— На берестях сих вся история Ново-Китежа написана. При старице Анне ее начало. Века три, почитай, ей будет. — Истома раскрыл книгу на титульном листе и прочитал:

— «Поведание о достославных предках наших и како, по изволению божьему, русские люди срубили в дебрях да раменах град Ново-Китеж, како живяху там».

— Новокитежская летопись! — Капитан осторожно, с уважением перекалывал толстые, закапанные воском листы, исписанные крупным, тщательно выведенным уставом¹. И время, как пучина, сомкнулось над его головой. Древние

¹ У с т а в — почерк старинных русских летописей.

коричневатые чернила из дубовых орешков уже выцвели. Клякса! Двести лет этой кляксе! Писал летописец, задумался, дрогнуло гусиное перо, и вот!.. О чем повествовал он, не мудрствуя лукаво, словами простыми и скупыми? Какие события могли быть в этом глухом медвежьем углу?.. «В сем году злой мороз ржицу озимую побил, а летом и яровые без дождя сгорели. И в граде Ново-Китеже, до нового хлебушка, и конину, и собак, и всяку нечисть едяху...»

— Это древняя книга, — сказал Истома, — она в соборе нашем хранится. Дед ее на дом взял, чтоб подновить. Выцвело письмо. А писали ее прежние летописцы: поп Никодим, поп Сильвестр, поп Мокий и другие. А это книга новая, — вытащил Истома второй том.

— В нее напишу я завтра, как в град наш, попущением божьим, мирские люди пробрались. О вас напишу, — важничал поп. — Все сугубое должен я записывать.

— Теперь дед летописец новокитежский. Опять поп. За это ему кормы и питание от старицы положены, — объяснил Истома.

— А гостей редькой угощаешь. Эх, батя! — упрекнул попа мичман.

— Хоть и пьет дед до изумления, — продолжал Истома, — а грамматик он зело ученый, грамоту многу познал и книжному урядству вельми обучен. Дед, расскажи мирским поведание. Ты всю летопись прочитал и всю дивно помнишь.

— Что разглядят они, неверы, в сумраке времен старопрежних? — задрал Савва нос-пуговку. — Душа у них темная.

— Я тебе за это братину полугару поставлю.

— А деньги у тя есть? — покосился недоверчиво поп.

— Алтын да два гроша.

— Тогда лучше пенника, чтоб язык мой развязать. Прилепе язык к гортани моей... Бежи скорее, Истома!

Глава 5

НАПИСАНО НА ВЕРЕСТЕХ

Книга «Исход»¹

Ведет дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравня, старинная,
Муравская страна.

: : : : : :

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон,
И сверху — облака.

*А. Твардовский,
«Страна Муравня»*

1

Братина, деревянная полуведерная посуда с носиком, шибала в нос спиртным духом. Ее, полную пенником, принес из кабака Истома.

Поп Савва раскладывал по столу цветные камешки, гальку с берегов озера Светлояра.

— Этот, пестренький, — нашего града основание. Беленький — белого железа отыскание. Желтый — народа новокитежского угасание и желтолицых людей пришествие. Зеленый — дыры в мир ототкнутие. Красный — зарево пожара, бунт народный и веча конец. Теперь не собьюсь я...

Он сделал глоток из кружки.

— Красноглаголиво, произощренно, витийственно слагали прадеды наши поведание сие. Словесный мед и пища для души! А я, бедным и грешным языком моим, поведаю, как могу...

¹ «Исход», затем «Бытие» (см. главу 6) — две книги Библии.

Поп сделал еще глоток, побольше, и торжественно сказал:

— А начало всему в году от сотворения мира семь тысяч сто осьмидесятом...¹

Ратных сидел в углу, откинувшись к стене и закрыв глаза, чтобы сосредоточиться на рассказе попа. Савва, бражник и подлая душа, был красноречив, талантлив как древний летописец. И вставали перед глазами капитана яркие картины народного восстания.

...Последние отряды Степана Разина изнемогали и таяли в неравных боях с царскими воеводами, бросались отчаянно на бердыши и копья царских стрельцов и рейтаров.

— И были среди воинства Степанушкина два лихих полка, — мерно вел рассказ Савва. — Что два волка грызли и рвали они царские дружны, щелкали бояр, как семя, и кормили раков боярской свежинкой. Были были, и бояре волками выли! У баб, известно, души нет, у них вместо души лапоть, а вот поди же ты, начальствовала над теми полками баба, старица Анна² крестьянского рода, вдовой постриженная в монахини. А сражалась старица аки лев!..

Одолевала царская и боярская Москва разинскую рать. Как огонь по пороховой нитке, летела страшная весть: схвачен атаман Разин, и в Москве, на Лобном месте, скадилась с плеч его голова.

— С горя такого поневоле выпьешь! — сделал Савва звучный глоток.

...Смятение и ужас, вопли и плач были на улицах и в

¹ По старому летосчислению. По новому — 1671 год.

² История сохранила имя сподвижницы Разина, старицы Алены. Захваченная в плен Юрием Долгоруким, сожжена заживо. Умерла без единой жалобы и стога, проклиная бояр.

домах городка, куда пришла старица Анна со своими полками. Подходили царские стрельцы-каратели, вел их князь-пес Юрка Долгорукий. Зарево сжигаемых деревень уже освещало ночью улицы городка. Жители готовились к смерти, ибо многие и многие из них в разинских полках с Москвой сражались.

— И средь воплей и скрежета зубовного тако рече всеблагая старица. — Савва поднял обе руки, словно он сам обращался к народу со словами надежды: — Людие, вскую мятетися? Смерти не бойтесь, уйдем мы от нее. Поведу я вас в страну заветную, где нет ни пивок в пруду, ни бояр на горбу. Трудись да песни пой!

— Правильная установочка! — похвалил Птуха. — А курс какой на ту заветную страну?

— Налей мне, Истома, еще кружку, а я сейчас мирским все обскажу. Текут, слышь, в той стране реки молочные да медовые с берегами кисельными. Дожди там теплые, а зимы никогда не бывает. Тулупы да валенцы не нужны. Рожь там растет семиколосная, белые калачи на берегах висят, бабы соболей коромыслом бьют, на осётрах сидя, белье полоскают и на звезды, как на гвозди, сушить вешают. А зовется та страна Беловодье. И в песнях про нее поют, и в сказках сказывают, а про дорогу в нее ни единого слова не сказано. То будто она в русских пределах, то будто под богдоцарем¹ она. А вернее, ничье Беловодье, земля необтопанная. Божья земля! А безгрешной старице путь в Беловодье господь указал. И побрели встречь солнцу предки наши, дома свои оставя впусе. Мужики, бабы, дети! Истинный исход, бегство Израиля от фараона, именуемого царем московским Алексеем².

¹ Богдоцарь (старославянск.) — богдыхан — титул китайского императора (ист.).

² Царь Алексей Михайлович.

— Минуточку, батя! Получается, что вы, новокитежане, правнуки разинских бойцов? Или как? — заинтересованно спросил мичман.

— Выходит, так! — ответил поп. — Настоящих мы разинских кровей. Да ты слушай дале!

— Слушаю, слушаю.

— Путь был труден и прискорбен зело. Тяжела путина, да душа едина. Страх в спину толкал! — продолжал поп, снова промочив горло. — Шли сходцы путем через-каменным, через Урал-батюшку, а когда исчез он, растаял на окоёме, начались степи земли Сибирстей. Торных дорог опасались, шли напрямик, сакмой, что кочуи наследили. А кругом травостой невиданный, росы обильные. Зипуны, коими предки наши на ночь укрывались, от той росы тяжелыми становились...

— Я, когда романы читаю, эти описания природы пропускаю, — вмешался вдруг Сережа.

— Критиковать после будешь, — засмеялся тихо Виктор. — Молчи, Серега, не мешай.

Почасту пригубливая кружку, поп Савва неторопливо рассказывал, как шли впереди подвод с рогатиной на плече, с топором за поясом лапотники, осатаневшие от голода, страха, тяжелой дороги, а рядом с возами шагали женщины, раскосмаченные, со свисающими прядями пыльных волос, с черными провалами глазниц. С возов, из-под рогожных навесов, выглядывали изможденные, почерневшие дети, голодно косясь на кули с мучицей, крупой, толокном, сухарями. За возами плелись отошавшие коровы и шатающиеся овцы. А вскорости коровы и овечки легли, не смогли дальше брести. Съели их сходцы, а бабы вой подняли. Бабам без буренушки и жизнь не в жизнь. И все были охва-

чены цепким страхом, все то и дело оглядывались назад, высматривая неумолимую погоню.

И не раз приходилось сходцам схватываться с врагами, и саблями махать, и пищальми хлопать. Отбивались сходцы и от лихих разбойных людей, и от сибирских воевод, и от кочуев степных. Пробивали себе дорогу натеревшие в боях разинские бойцы, и дальше шла беглая, разбившая свои оковы Русь, обставляя дорогу деревянными крестами, под которыми тлели мужицкие кости.

Кроме провианта, везли сходцы на возу пушчонку со старинным названием «Единорог» и три сорокаведерные бочки медных и серебряных денег. Но самой дорогой поклажей были два колокола, снятые с собора родного города. Сколько мук натерпелись с ними! Застревали они в болотах, в сугробах, в таежных чащах; в горах сорвались в пропасть, увлекая лошадей и людей. Вытащили чудом уцелевшие, неразбившиеся колокола и поволокли дальше. Верили утеклцы: пока с ними «Благовестник» и «Лебедь», колокола родного города, не погибнут они и не будут рассеяны.

Упрямо и споро шли сходцы, но нагнала их зима. Снега сибирские — коням по ноздрю. Зимовали в землянках и немудреных срубках. Лошадей еле сберегли, ломали для них веники из тоненьких веточек с деревьев. Но легли наконец теплые туманы, подъели снега. Застучала капель, зашумели ручьи, запела синичка, разбрызгивая серебряные трели.

— И опять пошли страдальцы наши встречу солнцу, — пригорюнясь, подперев толстую щеку рукой, печально рассказывал поп. — А потом на полдень повернули. И с каждым их шагом ласковее становились ветры, дни ярче, а ночи теплее. А на переднем возу с раскрытым медным складнем в руках, подняв личико к небу, у бога дорогу спрашивая, ехала старица Анна. У иных маловеров уныние

холодным камнем ложилось на сердце и, поглядывая на спину старицы и духом пав, думали они: «Не пора ли остановиться? Где же оно, Беловодье?..» А старица не останавливалась...

Савва припал к кружке и, задрав голову, вытянул ее до конца.

— Ты, дедка, к кружке не столь часто прикладывайся! — недовольно сказал Истома. — Этак ты нас и до Беловодья не доведешь.

Савва молча погрозил внуку пальцем.

— Два года шли наши прадеды, — продолжал он. — Все на них изветшало, и едевом подбились. Хлебный вкус забыли! Были, правда, на возах мешки с зерном, но старица на них строгий запрет наложила. То зерно для посева: будут ведь они сеять когда-нибудь. Перебывались кое-как, прошлогоднюю клюкву сосали, кисленькой травкой — заячьей капусткой — питались. Слабым духом горячее вариво чудилось, мясной пар в ноздри бил. Мученье! А тут горы начались, горная тайга, места пустые, зверопаственные. Ни следу человеческого, ни копытни лошадиной, ни покату тележного. Шли, родимые, через ветровалы и буреломы, лазом медвежьим да тропой волчьей. Из оврагов и чаш звериным духом тянуло, в малиннике медведица с медвежатами резвилась, рысь с ветвей щурилась, — дети жались к кострам, бабы испуганно крестились, а мужики ночью вскакивали очумело, спросонья хватались за топоры и снова падали в сон.

И забрели наши сходцы в такие дебри, где сорока кашу варила, где журавли яйца несут, и вот что диво: куда коней ни повернут — нет далее хода! Всюду болота, со всех сторон болота! Сами не поймут, как они через эту пучину бездонную прошли. Выругались сходцы: «Тьфу, прорва окаянная!» Так навеки и осталось название болот окружающих — Прорва. И что еще более дивно — кругом болота, а

посередине многое множество земли сухой, для жилья пригодной. Ну, разве не чудо божье?.. Достали мужики из-за поясов топорики, вонзили в землю, выворотили кусок дёрна. Среди белых кореньев червяк длинный розовый извивался. Старики набрали земли в ладонь, растерли меж пальцами, переглянулись, заулыбались: «Хороша земелька, родящая! На хлеб вместо масла намазывай да ешь!»

И сказала тогда старица Анна, — поп опустил палец и ткнул им в пол: — «Тута жить будем! Кончилось наше странствие! Ладьте, мужики, сохи. Самое время сеять...»

3

— Мне просто смешно! — сказал насмешливо Птуха. — Геройская ваша старица корму с носом спутала. Общала Беловодье, а привела в болото!

Поп закусывал пенник соленым огурцом. Щека его вспучилась, он замычал, размахивая руками, а проглотив, закричал:

— Молчи, Федька! Ухватом огрею за такое богохульство! На то божья воля была. Господь восхотел народ свой от нечестивых укрыть. О том речь далее будет. Молчи!

— Молчу! Заседание продолжается, как говорил Остап Бендер..

Поп повел рассказ, как селились утеклецы на новом месте. Пришли в тайгу сотни три испитых, истомленных, но сильных духом мужиков. После строгого трехдневного поста, после всенародного молебна с горячими молитвами взялись за топоры. Высекались искры из смолистых корней, падали вековые деревья, закипела стружка, поднялись срубы, побежали по рощистям изгороди, застучал на речке бабий валец, залаяла собака, закричал петух, зашебаршил в избе таракан. И тараканов с Руси привезли... А по-

том соха подняла первую борозду. Попервости не сев был, а слезы. Шапки две ржицы да ячменя на каждый двор, но молитвами старицы урожай удался.

Край, куда привела сходцев старица Анна, оказался дивно богатым. Леса и воды кишели зверьем, птицей, рыбой; ягоду ведрами и бочками обирали; грибы хоть на возах вози.

— Ох, стары годы, веки мудрые, люди кремневые! — вздохнул Савва. — Все побороли предки наши. То-то мозолей поношено, то-то голоду испытано, вшей да комаров русской кровушкой покормлено. Русскому и невозможное возможно! Деревнюшки и отдельные пашенные дворы задымили в тайге, все больше тайги валил топор, все больше таежного сузёма соха да борона обращали в пашню и пожню. И поняли новопоселенцы, что не миновать им город рубить, где суд, управа и закон будут жить, где можно и для торга собраться и в святой церкви создателю помолиться.

Савва взял со стола пестрый камешек и отложил его в сторону.

— Это — града основание, об этом и поведем речь! Поначалу выбрали для города место неудобе, в тайге, на берегу речки. Там теперь дряхлая церковь-развалюшка стоит. Опосля присмотрели место ужоже и красиво, на берегу озера большого, рыбного, и лес кругом строевой, и пашенные места да покосы под боком. И с помощью господней срубили на месте пестрый город, красотою изукрашенный!

Ремесленные люди сели на местах, удобных для их работы. Где нашли руду железную, там встали литейные домницы и кузницы; для гончаров глина нужна, кожемякам-сыромятникам для дубильных чанов — вода, плотникам — лес. Так образовались в новом городе посады: Кузнецкий, Ткацкий, где жили также шерстобиты и пимокаты,

Гончарный, Сыромятный и Щепной, где плотники ладили телегу, сани, избу, и гроб, и любой щепной товар. На берегу Светлояра встал Рыбный посад, а в десяти верстах от города, около Соленого озера, слобода Усолье. Посередине нового города оставили большую площадь для торга — толчок; на холме, по примеру старинных русских городов, подняли Детинец — бревенчатый кремль. А когда положили последний избяной венец и навесили последние ворота, на толчке загудел вывезенный из мира «Благовестник», собирая горожан на вече. И выбрали вечевым приговором посадских старост, а над ними поставили города и всей земли управителя — посадника.

— Простор! Вольной волюшкой хоть захлебнись! Живи как хочешь, управляйся не царями, воеводами да боярами, а благочестивой старицей, мудрым посадником и вечем, сходкой народной! — нараспев вел рассказ Савва. — На первом вече и название городу дали: Ново-Китеж. И потонул наш святой град до маковок колоколен своих в таежной пучине. Укрыл господь верных своих рабов, новокитежан, от царской неволи, как укрыл он от злой батыевой татарвы на дне озера Светлояра святой град Китеж. Слышали, чай, на Руси сказание о таком божьем чуде? Там град невидимый — и наш град для мира невидимый. Там озеро Светлояр — и у нас Светлояр. Вишь, как ладно получилось!

— Про невидимый град Китеж мы слышали, — улыбаясь, посмотрел на попа Косаговский, — а о чуде божьем что-то не слышно. Спускались в святое озеро водолазы, по дну ходили, искали утонувший град Китеж. И знаете, Савва, что нашли? Только пустые бутылки из-под водки да консервные банки от закусок.

Поп посмотрел на Виктора, выпучив изумленно глаза, и вдруг захохотал так, что повалился головой на стол.

— Скляница из-под вина, вот и вся святость, говоришь?

И на том хвала господу! Речено в пророцех: свято место не бывает пусто! — хохотал поп Савва, закрыв глаза и тряся жирными щеками.

Глава 6

НАПИСАНО НА БЕРЕСТЕХ

Книга «Бытие»

Все расскажу откровенно, чтоб мог
ты всю истину ведать.

Гомер, «Одиссея», п. XIV

1

Савва с треском откусил огурец, брызнув рассолом, и, прожевав, заговорил:

— Шли годы темные, ничем не приметные. Жили новокитежане не голодно, а сытно — тоже не скажешь. Впроголодь жили, скота не было, в этом вся беда. Не дошли коровушки до новокитежских пределов. Молошный, творожный да сырнй дух забыли, какой он есть. И последних овец, коих волки дорогой в тайге не порвали, съели сходцы. Потому и с одежей плохо было: лен да пенька, а шерсти нет. Чего богато было — это мехов звериных. Бабы куньи телогреи да опашни из чернобурок носили, мужики собольи шапки набекрень заламывали, из горностая рукавицы шили. Чего там, покрывались одеялами из соболей да куницы! Куда охотникам мягкую рухлядь девать? И кто ее копить будет? Богатеи? Не было таких. Бочки с медными и серебряными деньгами, что из миру привезли, старица Анна меж всеми сходцами поровну, по-божески поделила. Они

и теперь у нас в ходу. Много ли своему, новокитежскому, продашь, много ли ему нужно? Не разбогатеешь, в богачи не выбьешься! Все были ровные, как пеньки в лесу. Вот какая благодать в старопрежние времена была!..

Савва сделал глоток из кружки и, поморщившись, понюхал корочку хлеба.

— А управлялись, как я уже сказывал, вечем. Старица Анна такой порядок установила. «Благовестник» загудит на толчке — весь город туда валом валит. Посадник тихо так и смиренно у народа позволения спрашивал: «Повелите, хозяева, вечу быть?» Нельзя посаднику борзиться было. Его вече выкликало и утверждало, он слуга народа был.

— А как же теперешний посадник... — начал было Виктор.

— Об этом разговор у нас еще будет! — оборвал его Савва. — Теперешний, Густомысл, дерзостен и лют вельми, за чужую бороду, как за свою, хватается и на кнут щедрый, — почесал поп спину. — А в те поры шалишь, посадник! У старицы тоже власть большая была. Старица законы устанавливает, святую православную веру блюдет, а посадник ее именем управляет, чинит суд и расправу. При них, при старице и посаднике, для совета и обсуждения дел особенно важных есть Верхняя Дума из лучших людей новокитежских. А тех лучших людей старица указала поселить наверху, в Детинце, и начали называть их верхними людьми, или верховниками. Одначе без строгости с народом нельзя, ну и набрали старица и посадник десяток стрельцов, чтобы народ закон уважал, в вере не шатался и лихими делами, татьбой да разбоем, не баловался. Да и какие это были стрельцы — старики да полукалеки, что ни к пашне, ни к рукомеслу не способны. Да и то надо сказать, о разбоях и татьбе тогда не слышно было. Разве что мальчишки на толчке калач стащут да пьяные около кружала подерутся.

— Еще вот что скажите, Савва. Налоги в то время новокитежане платили какие-нибудь? — спросил капитан.

— С тяглом легкость была! — отмахнулся Савва. — Не налоги, а добровольные приношения. Кормлением называлось. Несли в Детинец кормы всякие, мясом, птицей, рыбой, мукой, крупой да пивом и вином. Еще богу на свечки и масло для лампад. Несли на кормление ее боголюбию старице, посаднику, дворне их и старикам стрельцам. Это легко было! Много ли кормленщики съедят, пусть хоть в три горла лопают!..

Поп помолчал, помрачнел и сказал торжественно:

— Преставилась старица Анна, к судилищу Христову отошла! Вечную память ей новокитежане до сей поры кликают. В бою орлица была, а в мирной жизни светлодушна и народолюбива.

— Геройская была старуха и политически подкованная, — сказал задумчиво Птуха. — А теперешная ваша, Нимфодора, ведьма ведьмой!

— Не богохуль, сквернавец! — крикнул поп. — Она святая! Она первой в рай войдет. Ужо будешь, богохульник, в аду горячую сковородку лизать, — с угрозой посмотрел он на Федора.

— С маслом сковорода? — облизнулся дурашливо мичман. (Сережа засмеялся.) — Тогда давай! Ладно, чеши, батя, дальше.

— Умре старица Анна, а при жизни своей нарекла себе наследницу. Привели ее в собор и крестовидное выстрижение волос сделали. Постриг в монахини называется. Имя ей монашеское дали — Секлетея. Потом в гроб положили, попы в черных погребальных ризах со святыми упокой и вечную память ей, живой, пропели. Умерла после этого Секлетея для мирской жизни.

— А что ваша старица делает? — спросил заинтересованно Сережа. — У нее какая специальность?

— Эва, сказал: что делает? — покачал головой Савва. — Веру христианскую блюдет, за нас, грешных, молится. Лежит в черном гробу, вокруг свечи и лампы горят, а старица молитвы воспевает и наши грехи замаливает.

— Так все время и лежит? — не отставал от попа Сережа.

— Иногда встанет, на небо поглядит. Нет ли знаков?

— Каких знаков?

— Знаков конца земных наших мук. Боишься, чай, светопреставления?

— А вот и нет! — пренебрежительно выпятил губы Сережа. — Чихаю я со свистом на ваше светопреставление!

— Хорошо, хорошо, на эту тему мы в другой раз поговорим, — поспешил капитан замять разговор, начавший принимать опасное направление. — Рассказывайте дальше, Савва.

— После Анны и Секлетей и другие старицы Ново-Китежем управляли. Старица Праскудия, при ней неурожай и голод великий были; Меропа — пожар великий, весь город сгорел; Пистимея — открытие белого железа; лесомыки случайно открыли; Голендуха — желтолицых людей пришествие. И другие старицы были, и всякая загодя, смертного своего часа не ожидая, наследницу себе нарекала. А умрет старица — наследницу и постригают. Иные совсем молодыми в старицы постригались. Пистимее всего восемнадцать годочков было, любила она одного парня, а ее постригли. Через два года с горя кровью плевать начала и в одночасье умре.

— Весело! — мрачно обронил мичман.

— У Нимфодоры тоже, наверное, наследница есть? — спросил Ратных.

— Обязательно. Дряхла старица наша. Анфиса, посадникова дочь, еще ребеночком была, когда Нимфодора на нее указала и преемницей своей нарекла.

— Что? — вскочил Виктор.

— Эх, взвился как! — подозрительно посмотрел поп на летчика. — Шилом в зад тебя торкнули, что ли?

Виктор облизал губы, словно собираясь заговорить, может быть, закричать, но промолчал и медленно опустился на лавку. Он чувствовал, что у него вдруг похолодели руки.

— Про стариц я все рассказал, буду о народе новокитежском говорить, — снова повел рассказ Савва. — Сказывал я уже, что жили наши предки вполсыта. Нивка тощала, зерно выродилось, понурила ржица к земле тощие, тонкие колосья. И всего-то колосьев в поле было, что волос на моей плечи. А как освежить посевное зерно? И народ хилеть начал. Близкие с близкими роднились, кровь в жилах застоялась, как вода в болоте. Бабы хляков рожали, юноши, как старики, горбились, морщились. Тоже нужна была свежая кровь. И вымер бы наш народ, коли бы не новое чудо божье... Ох, горлышко пересохло. Глоточек бы!

Савва сделал не глоточек, а десять глотков и, взяв со стола новый камень, поднял его.

— Зрите! Камень желт, и люди желтые спасенье нам принесли! При старице Голендухе, в день успения пресвятой богородицы, привалили в город неведомые люди. Меднолики, скуласты, узкоглазы, в халатах пестрых. Называли они себя бурятцами, платили дань московским царям, а возмутились они против своего владыки, коего называли тайша¹. Он был зело свиреп, смерть и разорение повсюду сеял. Ослабели буряты в бою против тайши, побежали, и прижал их тайша к Прорве. А они, избавления себе не видя, через топь бросились, тонуть начали. Вызволил их баран рогатый, вожак овечьего стада. Нюхом учуял он тропу путаную, повел стадо, за стадом люди пошли, так и вышли

¹ Видимо, восстание забайкальских бурятов против тайши Дымбыла Галсанова. 1815 год.

они в новокитежские пределы. За барана выпить надо! — поднял поп кружку. — Пришел в Ново-Китеж, бурятцы пали к ногам старицы Голендухи, плачут, просят не убивать их. Не тронули их и пальцем, жить позволили. Забрали наши парни их девок в жены, а бурятцы на наших девках поженились. И влилась свежая горячая кровь в хилые жилочки Ново-Китежа. Стал от того народ наш маленько желтоват, скуласт и узкоглаз. Ничего, все во славу божью! Великую радость принесли бурятцы и нашим бабам. Какая бабе жизнь без буренушки-боденушки, без телка-тпрусеня? А бурятцы коров с собой привели и бязшек-овечек. Тогда начали новокитежане армяки, зипуны, кафтаны шерстяные шить и валенцы катать. Дело много веселей пошло! А последняя радость та, что бурятцы свежее зерно принесли, просо, ячмень, ржицу и пшеницу¹. Ожили и нивы новокитежские!

— Значит, баран первый в мир путь открыл? — спросил серьезно капитан. — А до этого и после прихода бурятов никто из новокитежан дорогу в мир не искал?

Поп поставил на стол пустую кружку и вытер губы ладонью.

— Как не искали! Всегда, во все времена, тосковали новокитежане по Руси пресветлой, искали дыру в мир. Только искать-то приходилось таём, в украдку от верховников. Старицы и посадники строгий запрет на это накладывали. Наведут, мол, на богоспасаемый наш град царевых собак, воевод да бояр, и конец тогда мирному житию. Дырников, что дыру в мир ищут, старица от церкви отлучает, а посадник и кнутом на толчке отдерет через палача. Торкались-торкались дырники — не нашли ходов через Прорву и бросили искать, и про Русь забыли.

¹ Буряты с XVII века вели полуоседлый образ жизни и занимались земледелием.

— Ан не забыли! — горячо вскрикнул Истома. — Как сказка радостная, как песня нежная, печальная, вспоминалась народом наша Русь, родина наша. А как Вася, брат мой названный, пришел к нам и рассказал о Руси, снова потянуло народ в мир. То есть вот как потянуло!

— А Василий не пробовал искать дорогу в мир? — спросил капитан.

— И летом, и зимой, и в зной, и в мороз искал Вася выхода из здешней духоты и темноты. Не нашел, — тихо закончил Истома. В голосе его была болезненная горечь. — Искал все три года, что здесь жил.

— Три года! Полундра! — тихо ахнул Птуха. — Тогда дело — керосин. Одесса-мама, увижу ли я тебя?

— А открылась дыра в мир неожиданно. С божьего дозволения! — перекрестился поп. — И открылась не от нас, а с той стороны, отсюда, с мира.

— И давно это было? — подался капитан к Савве.

— Два с лишним года будет, — ответил поп.

— А кто открыл? Вы этих людей видели?

— Это нам неведомо. А только мирские с своей стороны дыру нашли.

2

Савва ребром ладони подвинул на край стола зеленый камень.

— Зеленый цвет — надежды цвет! А вышло так: на добро надейся, а беду жди. Спрóсите: как народ догадался, что дыру в мир открыли? А вот как! Поднялась вдруг в Детинце суетория! Не на вече, не на толчок, а в Детинец созвали народ старица Нимфодора, посадник Густомысл и прочие верховники. И такую речь повели. Идите, мол, людие, на Ободранный Ложок, копайте с усердием белое железо и к нам несите, а за это получите в Детинце невидан-

ные, непробованные сладкие заедки, а окромя заедок, шелка, бархаты, атласы, ситцы мирские. Новокитежане о шелках да бархатах только в песнях старинных, из мира принесенных, слышали. Всякому захотелось изюмцу сладенького мирского попробовать и пряников, как снег белых, пожевать. А у девок и баб-дур глаза разгорелись на мирские ситцы цветастые, на ленты в косы, на бисер цветной и бусы стеклянные. Наволокла посадчина в Детинец белого железа, а им вместо мирских товаров шиш под нос! Ситцы, бархаты да ленты посадские только на верховниках увидели, а им и пощупать не дали...

— Погодите-ка, Савва,— остановил попа капитан.— Если появились мирские товары, значит, приходили сюда из мира люди? А кто приходил? Видели этих мирских новокитежане?

— Не видели и не увидят! — отрубил поп. — Кто приходит, какой дорожкой шли, тайна сия велика есть. Об этом спрашивать и говорить запрещено. Скажи слово — палач Сурувец язык в Пытошной вырвет!

— Так и молчат два года с лишним? — в недоумении развел руки мичман.

— И еще триста лет молчать будут! — с угрозой ответил поп. — Народ так согнули — тише воды, ниже травы стал.

— Попылся Вася тех, из мира проходящих, перехватить, — сказал Истома. — Округ Детинца дозоры густо ставил, муравей не проползет, а никого не перехватили. Будто они по воздуху перелетели или под землей в Детинец шли. Из Детинца тоже никуда никаких засылок не было.

— А вы не перебивайте меня, не то говорить перестану, — обиженно поморщился Савва. — Понял народ, что дыра в мир открылась не про его честь, что обманули его, и поднялся на дыбки, заворчал, а потом и взревел! Васи-

лий Мирской, окаянная душа, подбил посадчину на непокорство. Созвали посадские старосты самозванное вече, без старицы, посадника и Верхней Думы, и установили: не копать белое железо и в Детинец не носить. А слово вече — слово божье.

Поп опрокинул налитую кружку, но попал не в рот, а на бороду. Он был уже пьян. Отжимая бороду, он завопил слезливо:

— О владыки детинские, пиявицы мирские! О мучители всенародные! Ждет вас огонь адский, стон и скрежет зубовный!

— Не вопи, старый таратор! — гневно сказал Истома. — Знаем тебя! И богу молишься, и черту не грубишь! Сказывай далее поведание.

— Сказываю, внучек, сказываю, — сник поп. — Почуяли детинские верховники, каким ветром от народа потянуло, и начали опору себе искать, стрельцов набирать. Сотню с лишним набрали, и таких ухорезов да сорвиголов, что мать родную не пожалеют ради сытых кормов, чарки пенника да нарядного кафтана из мирского сукна. Поселили их в Детинце, огненным боем, пищалями и пистолями вооружили. Еще при старице Голендухе нашли у нас серу, селитру и порох стали делать. А посадским пороховое зелье издавна запрещено было делать, да и не умеют они. А почему, спрашивается, Детинец в драку полез? — подняв палец, с пьяной серьезностью спросил Савва. — А вот, слышь, почему! Прежде много ли детинским нужно было? Щи с говядиной, пирог с грибами, жбан квасу да холст на рубаху. Ну, для чести еще соболь на шапку или лису на шубу. И это давали без принуждения. А как мирские товары появились, у детинских жадность в сердце разгорелась. Давай бархат, давай диковины мирские, чтобы посадские люди завидовали. Ежели верховник не в бархате, ему, мол, и чести нет. Друг перед другом, а более перед посадской голью на-

рядами мирскими хвастают, нарочно дегтем бархат мажут. Гляди, мол, какой я богатый, а ты сермягу свою бережешь.

— Как началась торговля с миром, так и опустилась на народ тонкая сеть невидимая, — сказал печально Истома. — Опутали народ! Пытался брат мой названный Вася порвать эту цепь, да!.. — замолчал Истома на полуслове и махнул безнадежно рукой.

— Говорил уж я, что прежде новокитежане, как пеньки, все ровные были, — продолжал поп, — а теперь детинских гордыня обуяла. И всего-то их, верховников детинских, семей десять, от силы пятнадцать. И все старая чадь из родов разинских есаулов да сотников. Они сразу, в древние еще века, в отделе жить стали, но все же над народом не возвышались, ровней с посадскими себя считали. А теперь у них богачество! Теперь такой порядок пошел: что старица, посадник да Верхняя Дума приговорили, то стрелецкая сабля да пищаль исполнить заставят!

Птуха запыхтел, надувая щеки:

— Вы разинские внуки? Или что?

— Терпеть надо, — вздохнул поп. — Кого господь возлюбит, тому горести и невзгоды посылает.

— Вас, новокитежан, господь бог ну прямо обожает. Все шишки на вас валяются.

Савва обиделся и, срывая злость на внуке, крикнул:

— Чадик зажги! Во тьме и кружку мимо рта пронесешь!

3

Истома зажег чадик, плоску с топленным салом. Штопор жирного дыма потянулся к потолку. Крошечное пламя освещало только стол и лица сидевших за ним людей. А дальше стояла тьма, где шуршали тараканы и пищали мыши.

— Ты, батя, брось! — зло сказал попу Птуха. — Вокруг да около крутишь. Давай ближе к ветру! Про белое железо говори!

— Тебя еще не хватало! — прихлопнул поп ладонью таракана, панически мчавшегося через стол. — А что белое железо? О нем сказ короткий. Истинно дьявол, а не лесомыки нашли его в Ободранном Ложке. Это еще когда было! При старице Пистимее, до прихода к нам бурятцев. То никому не нужно оно было, а то вдруг давай, давай! Вам оно нужно, мирским. А на кой ляд, спрашивается? Бывало, из него свистульки ребятам отливали или бусы девкам... Ой, попаду я из-за вас на плаху! — всплеснул поп руками. — Запрещается ведь о белом железе рассказывать.

— Это не золото ли? — спросил осторожно Виктор.

— Какое тебе золото! — отмахнулся поп. — Золота в Ново-Китеже почти и нет. Было маленько, что предки наши из мира принесли. Да износили его. О золоте у нас только в сказках говорят. Однако белое железо, как и золото, ржа не берет.

Серые глаза капитана стали вдруг особенно внимательными.

— Ржавчина не берет? Так, так... А вид у него какой?

— Название — белое железо и видом беловатенькое. Тяжелое! Намного тяжелее черного железа.

Ратных опустил заблестевшие глаза и спросил спокойно:

— Нельзя ли посмотреть на ваше белое железо?

— Чего захотел! — Поп даже отшатнулся. — Во всем городе крупинки не найдешь!..

Он почесал в грязной бороде, потер ладонью мясистую лысину и продолжал раздраженно:

— Кончать поведание буду, спать время. На чем я остановку сделал?.. Вспомнил! Вот он, белый камень, — поднял Савва со стола белую гальку. — И хотел бы про него забыть, да разве забудешь! В те поры, как отказались посад-

ские белое железо копать, верховники придумали новую погонялку, на соль лапу наложили, приказали соль посадским не продавать, а всю ее в Детинец везти, под охраной стрелецкой. Чуешь? А дорогу за соляным обозом вениками подметают, чтобы ни порошинки соли людям не попало. И объявлено было, что соль только в обмен на белое железо будут давать.

— Погибает народ без соли, — печально сказал Истома. — Дёсна у людей гниют, смрад изо рта идет, зубы, как скорлупки ореховые, люди выплевывают. — И, помолчав, добавил: — Тогда и поднял Вася посадки на бунт.

— Поднял твой Вася да и уронил! — хихикнул поп. — Он только еще замахивался, а Детинец ударил со всего плеча! Васька Мирской и другие бунтарские главари сидели ночью в кузнице, мозговали, как утром идти на Детинец, соль и волю добывать, а зеленые кафтаны той ночью налетели на посадки. Кровь полилась по улицам святого нашего града. Ручьями полилась.

Истома вытащил из шкафчика книгу «Поведания», положил ее на стол поближе к чадику, нашел нужную страницу и начал читать.

— «Верхние люди со старицей и посадником в Детинце заперше сидели, а стрельцы, вся сотня, сели на конь. И бысть в городе сеча злая, избиваша стрельцы посадских, даже старцев и суших младенцев не щадя. Зане не смей бунты кипятить противу ее боголюбия старицы, владыки посадника и лучших верхних людей».

Истома закрыл книгу и увидел испуганные глаза Сережи. Капитан сидел понурясь, глядя в пол. Виктор побледнел так, что побелели даже губы. Птуха вздыхал тяжело и трудно, словно задышался.

— А что с Василием? Убили его стрельцы? — поднял голову Ратных.

— Стрельцы порубили саблями в кузнице всех бунтов-

ских атаманов, а Василия в полон взяли, хотели пытать его, — ответил Истома. — Посадили в Пытошную башню, а пытать не доспели. Друзей у него много было. Ночью они к башне подкоп сделали, освободили Васю. Бежал он из города, а до мира не дошел. Зима была, а через Прорву и зимой ходу нет. — Истома помолчал. Он сидел, крепко прижав к себе Сережу и глядя куда-то в тьму избы. — Брели наши лесомыки по тайге, собаки их остановились над сугробом. Лаяли нехорошо. Разрыли лесомыки сугроб, под ним Вася лежал. Загнал его Ново-Китеж в снежную могилу.

— И поделом! Речено бо в пророках: «Подъявший меч от меча и погибнет!» — торжественно сказал поп. — А после ночного побоища мертвых с камнями за пазухой в Светлояр валили, в ершову слободу раков ловить. И доселе, как северяк подует, волну великую разведет, так батюшка Светлояр, гневясь, починает на берег кости людские кидать.

Сережа испуганно посмотрел на темное окно и прижался к Истоме. Но, застыдившись, отодвинулся немного.

— Не токмо людям языки рвали, и Благовестнику тоже Нимфодора приказала язык вырвать. Зачем народ на бунт звал? Никто толком не знал, сколь веков назад его отлили, такой он древний, а старица велела его на деньги перелить. Старые-то деньги, из мира привезенные, поистерлись и поистерялись. Было у нас вече, да оплыло! Окняжили верхние люди Ново-Китеж. Вот и разделился Ново-Китеж на сидней и дырников. Сидней не так много, а дырников полны посадки. Сидням в Ново-Китеже любо, а дырники мечтание имеют через дыру в мир, на Русь, обратно уйти от беспощадного тягла. Одначе дырникам даже и кричать об этом не позволяют, враз слова обратно в глотку вобьют!

— Видали мы в городе парней с рожками сытыми, в хо-

роших кафтанах. Они на дырников в драку лезли, — сказал капитан.

— Холун детинские! — крикнул Истома с неожиданной ненавистью в васильковых глазах. — Дворня посадника и старицы, а еще братовья да родня стрельцов. Всегда сыты, пьяны, на плечах добрые кафтаны!

А поп, бесстыдный, наглый, вдруг захохотал зычно:

— Богато в Детинце живут! Из мира волокут им для тела всякое раскошество, для пуза сладкоядение, для очей отраду! Девки и бабы детинские наряжаются в мирское да и любятя в глядельца стеклянные¹. Нимфодоре зонт, вишь, понадобился и махалка для прохлады, а посаднику труба дальнзоркая да черные блескучие дьяволы копыта на ноги. Чего в Детинце нет? Все есть! Эх, и живут!

— А на посадском народе теперь облога белым железом лежит, — горько сказал Истома. — И в городе, и в деревнях на все облога: и на курицу, и на собаку, и на кошку. Зимой прорубь в озере сделаешь, воду брать, и за ту щепотку белого железа в Детинец носи. А еще огульные работы придумали. Выгонят стрельцы весь посад или всю деревню, всех без разбора, огулом и ведут в Ободранный Ложок. Сказано же: огульная работа! А старица говорит — богова работа. Не пойдешь — стрельцы семь шкур спустят, а на Ободранном Ложке с тебя восьмую шкуру сдерут! Из последних сил выбьют! Горше адовой муки тот Ободранный Ложок. Сколько там душ загубили! Возами мертвцов возят в тайгу, на древнее кладбище, а теперь там такое кладбище — глазом не окинешь. На городских кладбищах запрещено тяглецов умерших хоронить, чтобы бабьего воя не было.

— Не гневи, Истома, господа вседержителя роптанием своим. Благостно живем, по преданиям дедов и прадедов

¹ Зеркала (устар.).

наших! — умильно возвел поп глаза к потолку. — И вот вам весь сказ: про белое железо и про заворуя Ваську Мирского. Не бывать бунтам против Детинца!

— Пес ты старый, глухой, слепой и бесчухий! — вскричал Истома. — Не загадывай, поп! Таскал волк — потащут и волка. Узришь ты бунт! На щепки Детинец разнесут!

Но упившийся поп уже спал, положив голову на стол.

— В жизни не слышал такого популярного доклада, — мрачно ухмыльнулся мичман, глядя на попа. — Бурные аплодисменты! Все встают.

Истома бесцеремонно сдернул «докладчика» с лавки и, подсаживая в зад, затолкал его на полати. Увидев, что и Сережа спит, полулежа на лавке, он осторожно поднял ноги мальчика на лавку, сунул ему под голову засаленную подушку и накрыл своим кафтаном.

Глава 7

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Где деготь был, там след останется.

Пословица

1

Косаговский, нагнувшись к чадику, с растерянной какой-то улыбкой глядел на листочек, только что вытасченный им из кармана кителя.

— Что это у вас? — спросил капитан.

— Календарный листок. Дома сорвал и в карман положил. На листке кроссворд; думал, в Балашихе буду решать.

Ратных наклонился, через плечо летчика взглянул на листок и покачал головой.

— Всего суток пять, как мы с Забайкальской выехали на рассвете, а событий и приключений на целый роман.

Виктор перевернул листок, и капитан прочитал на обороте:

— «Как хранить зимние вещи» и «Как делать рисовый пудинг».

— Как раз то самое, что нам нужно! — мрачно сострил Птуха.

— Погодите, Федор Тарасович. Тут есть еще «Исследование галактики».

Капитан обернулся — его тронули сзади за локоть. Это был Истома, куда-то уходивший. Станный взгляд юноши, тревожный и торжествующий, удивил капитана.

— Вы что-то хотите сказать нам, Истома?

— Есть у меня белое железо, — шепнул юноша, взглянув опасливо на полати, где храпел поп. — У соборного протопопа чуток достал. Пробую вапу¹ из него сделать. В боковушке своей от деда прячу. Вот!

Истома положил на стол кожаную затяжную кису. Растянув ее, высыпал на ладонь капитана сероватую металлическую крупу.

— На махорку-полукрупку похожа, — удивился мичман.

Металл не блестел, словно пыльный, не производил впечатления. Крупные зерна были круглые, окатанные. Капитан взял зернышко, покатал в пальцах, прикусил зубом.

— Я так и думал! — сказал он и часто задышал. — Давайте, Виктор Дмитриевич, Сергунькин нож и кислоту. Он словно в воду глядел, пригодилась его кислота.

Сережиным ножом зачистили большое зерно и стрях-

¹ В а п а (устар.) — краска.

нули на него со стеклянной палочки каплю кислоты. Металл не изменился.

— Так и есть, язви его! Платина! — сказал торжествующе капитан.

Слово упало в тишину тяжело, как тяжел был и сам металл. Мичман осторожно, почтительно взял с ладони капитана самородок и понюхал его, будто у благородного металла должен быть свой, особый запах.

— Платина! — с уважением повторил он. — Это же кошмар!

— Крупные самородки старатели зовут шарашками, а крупу помельче — блошками, — передвигал капитан по ладони зерна платины. — И я голову даю на отсечение, что это та самая платина, о которой я вам рассказывал, Виктор Дмитриевич. Та, что братчики через границу несут. Такая же обработанная, окатанная, аллювиальная.

В окно вдруг постучали, и невнятный голос крикнул что-то с улицы. На дворе залаял Женька.

— Кто это? — насторожился капитан.

— Обожие стрельцы приказ дают гасить печи и огни, от пожара. — Истома задул чадик. — Да и поздно уже. Скоро первые кочета запоют.

— Выйдем во двор. Поговорить надо, — сказал Ратных.

2

На дворе навстречу им обрадованно бросился Женька. Над Ново-Китежем висела зеленая луна. Скупое тлели в городских избах лучины и чадики и гасли один за другим. Только в Детинце не гасли окна. Немую тишину всколыхнул вдруг жалобный, отчаянный крик. Грабят кого-нибудь или убивают? Но никто не откликнулся на призыв о помощи, не щелкнула ни одна щеколда. Только стрельцы на

стенах Детинца начали протяжную переключку, возглашая славу русским городам.

— Сла-авен!.. — кричал невидимый в ночи стрелец, постукивая древком бердыша в бревенчатый настил стены. — Славен город Вязьма!

Крик замер где-то далеко в тайге. И тотчас закричали другие голоса:

— Славен город Тула!.. Славен город Рязань!..

— Триста лет в памяти названия городов хранят, — тихо сказал Ратных.

— Да, триста лет, — так же тихо откликнулся Косаговский. — Изучаем галактику, на подводных лодках плаваем, на самолетах летаем, Сережа на Марс собирается лететь, а здесь жизнь остановилась на семнадцатом веке. Часы истории пошли назад, вернулось далекое прошлое и стало настоящим. А выберемся ли мы отсюда, из этой могилы?

— Верно говоришь, брат. Могила, — тоже тихо, печально заговорил Истома. — Заповели, заматерели мы здесь в преданьях древних да уставах старинных. Тайга стеной нас обступила, стережет нас Прорва смрадная, отпевают нас волчьи песни, и леший через плетень смотрит. Истинно могила!

Капитан спокойно почесывал за ушами замершего от счастья Женьки. Вдруг он резко оттолкнул собаку.

— Побольше бодрости и уверенности, Виктор Дмитриевич, поменьше безнадежности! — недовольно и строго сказал Ратных. — Платина мне глаза открыла. Платина та самая, приметная. Значит, мы в Советском Союзе. Это главное! Значит, под ногами у нас наша, советская земля, и власть наша, и народ наш. Должны мы его вывести из этого векового плена. А с народом и мы выйдем.

— Я и говорю! — весело согласился Птуха.

— Ниточка есть, должен быть и узелок! Платину здесь начали добывать и выносить в мир, по моим подсчетам, в

конце тридцать восьмого, а вернее, в начале тридцать девятого года. Два года этим занимаются. А мы наблюдаем случаи переноса платины через границу тоже два года. Вот и связаны два конца, и получился узелок! Это еще не все. Мичман, у вас, кажется, спички остались?

Капитан вытащил из кармана гимнастерки окурок и поднес его к зажженной спичке. Все увидели золотое клеймо: «Бр. Лапины. Харбинъ».

— Откуда это у вас? — заволновался Косаговский.

— В алтаре древней таежной церкви нашел. Близ нее стрельцы меня схватили. Как видите, следочек не обрывается, а дальше идет. В Харбин след идет! А кто из Харбина сюда ходит? Платину мы на убитых братчиках находили. Люди майора Иосси сюда приходят, вот кто.

— Тю! Это, значит, мы здесь на взрывчатке будем сидеть! — сказал с беспокойством мичман. — Узнают братчики, что мы здесь, — и вдребезги нас!

— Опасность большая, — серьезно ответил капитан. И вдруг глаза его беснули под луной. — А разве мы здесь одни? С нами Будимир Повала, Алекса Кудреванко, Пуд Волкорез, весь народ посадский! И прямой опасности пока что нет, потому что и братчиков сейчас нет в Ново-Китеже.

— Братчиков нет в городе! — уверенно сказал Косаговский. — Помните, Степан Васильевич, после нашего вопроса в Детинце Нимфодора сказала посаднику, что, мол, не они будут решать, как с нами поступить. Кто-то другой это будет решать. Вы понимаете, конечно, о чем я говорю.

— Очень хорошо понимаю! Есть в Ново-Китеже кто-то, кому послушно подчиняются и самодержавная старица, и посадник, и вся Верхняя Дума. А разгадка всему этому там! — показал капитан на Детинец, на негаснувшие окна терема. — И тайна Прорвы там. Есть у старицы карта прорвенских троп.

Словно услышав капитана, терем откликнулся негромким, тягучим хоровым пением. Печальный напев плыл в воздухе, как ладан.

— Нимфодора с монашками молится, вечерню поют, — тихо, со страхом проговорил Истома.

Глава 8

ПЕРВЫЙ ГОЛ

— Вам нравится эта страна, сэр?
— Вовсе не нравится, — слышался ответ.

Чарлз Диккенс, «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита»

1

Сережа почувствовал, что задыхается, и проснулся. Лавки были пусты: старшие уже встали и ушли из избы.

В жерле печи полыхал жаркий огонь. Вошел Истома, с грохотом бросил на пол охапку дров, постучал хватом по полатам:

— Слезай, дед, печь буду топить. Угоришь!

— Ничего. Я привычный. — Савва свесил с полатей голову и сердито посмотрел на Сережу. — Ты, псёнок, угоришь, а меня угар не имеет. Горести дымные не терпев, тепла не видати.

Поп сменил Истому у печи и начал кухарить, двигая в пламя горшки. Печь разгоралась, дым хлынул в избу, потянулся к открытой двери и к волоковому окну¹, прорезанному почти под потолком. Но тяга была плохая. Поп, освещен-

¹ Волоковое окно — отверстие для дыма в курной избе.

щенный ярким пламенем из печи, стоял невозмутимо, опершись на ухват, а теплый пахучий дым клубился вокруг него, как волнующееся море, поднимаясь до плеч. А затем захлестнул и его голову.

Сереза мучительно закашлялся и стремительно выбежал из избы.

Капитан, Виктор и мичман сидели на завалинке и тихо о чем-то беседовали.

Виктор указал Серезе на висевший около крыльца смешной глиняный умывальник-чайничек, носик с одной стороны и носик с другой. Рядом стояла кадка с водой; в ней плавали две лучинки крестом: чтобы черт в кадку не влез.

— Умывайся скорее. Ждем тебя завтракать.

На земле у их ног на разостланной дерюжинке лежали толстые ломти хлеба и стоял глечик с молоком. Топка по-черному заставила их завтракать во дворе.

С умыванием получились сплошные неприятности. Умывальник-чайник оказался с норовом, лил воду нехотя. Сереза подставил под носик голову, наклонил умывальник. Вода потекла по шее и по ложбинке на спину. Сереза вздрогнул и рассердился. Как будущий исследователь Марса он, конечно, должен закаляться, но он терпеть не может, когда холодная вода льется по спине. Спина сразу покрылась гусиной кожей. А мыло, разве это мыло? Грязная, вонючая смесь топленого бараньего сала с золой и щелоком. От такого мыла нестерпимо защипало все ссадины и царапины на лице и на руках. И полотенце, как наждачная бумага, толстое, жесткое, царапает кожу.

Позавтракали быстро.

На крыльцо вышел Истома, и капитан обратился к нему:

— В какой стороне Кузнецкий посад? Найдем мы туда дорогу?

— На берегу Светлояра церкву с зеленой маковкой видишь? Это и есть Кузнецкий посад. Там сейчас, чай, одни бабы. Кузнецов на огульные работы выгнали, в Ободраный Ложок.

— И посадского старосту Будимира Повалу тоже?

— Старосту на работы не гоняют.

Капитан встал с завалинки, подтянул сапоги и сказал Птухе:

— Пошли, мичман.

— Есть! Берем пеленг на церковь с зеленой маковкой! — понимающе ответил Птуха и подмигнул Сереже.

Они с капитаном вышли за ворота и с места взяли быстрый, крупный шаг.

— Зачем капитану кузнецы понадобились? — спросил Сережа брата.

— Подковать кое-кого надо, — улыбнулся загадочно Виктор, поглядел на брата пристально, с нежностью и вдруг горячо прижал к себе.

А Истома положил на плечо мальчика легкую руку:

— Нравится тебе, отроче, наш град богоспасаемый?

— Вообще-то меня Сережей зовут, а не Отрочем. А город ваш мне не нравится. У нас лучше.

Глаза Истома стали печальными, но он ничего не ответил. Они с Виктором ушли в боковушку, где Истома жил и писал иконы. Сережа остался один. Тоскливо стало на душе. Сел на большой приворотный камень. Сидел понурившись, в глазах под пушистыми ресницами были тоска и недоумение. Казалось бы, радоваться надо: он стал героем настоящего приключенческого романа. Словно уэллсовской машиной времени перенесен он в древние времена. А радости все же нет. Неприятно, неуютно в этих древних временах! В исторических романах древние времена нарядные, яркие, веселые: терема, разукрашенные, как игрушки, цветные бархатные кафтаны, шелковые девичьи сарафаны,

звон сабель, блеск лат и щитов, все такие храбрые, великодушные, добрые. А здесь грязные лапти, рваные дерюги и сермяги, грязь, вонь, злые лица, злые голоса, и все какие-то робкие, покорные, даже противно! Еще спрашивают, нравится ли ему этот город. А какой же это город? Магазинов нет, кино нет, не видно ни одной антенны, значит, и радио нет. Ни трамваев, ни автобусов, тащись по колено в грязи. А мороженое они небось никогда в жизни не ели. Электричества в избе нет, только чадик. Света мало, а в носу черно от копоти. И полно тараканов, огромных, как сливы, нахальных. Хлеб кислый, колючий, мыло вонючее, падалью пахнет. А если начистоту говорить, жутко здесь. Поп Савва все время шипит, псёнком называет, на базаре палач кнутом людей бьет и виселица, а на ней удушенник висит. А вчера, когда шли из Детинца в попову избу, Женьку чуть было собаками не затравили. Какие-то мужики, пьяные, мордастые и горластые, вдруг начали созывать собак и натравливать их на Женьку: «Пестряй!.. Терзай!.. Тявкуша!.. Пылай!.. Бери мирского пса!.. Ату его!.. Взы!..» Из всех подворотен и калиток вымчали дворовые псы и оравой кинулись на Женьку. А он, добрый, доверчивый, проделал хвостом приветственную сигнализацию и заулыбался, перекосив нос. Но от здешних собак благородства и рыцарства не жди. Всей оравой налетели на одного. Женька, храбрый до отчаянности, до глупости, не побежал, не зажмурился от страха, а сам кинулся навстречу врагам. Его тотчас сбили, начали рвать за бока, за ноги, за уши. Он все же отбил, поднялся потрепанный, искусанный и беззвучно оскалил белозубую пасть, ожидая нового нападения. И быть бы Женьке загрызенным, если бы дядя Федя и бородатый кузнец камнями и палками не разогнали трусливых псов.

Храбрый, верный пес растянулся у ног Сережи. Лежа на боку, вытянул в одну сторону все четыре лапы, а лапы

дергаются судорожно, ходят мускулы под кожей, веки часто-часто дрожат. И тоненько тьякает во сне. Видно, и во сне сражается с подлыми новокитежскими собаками.

Нет, плохо жить в древних веках! Взял бы и убежал на свою веселую Забайкальскую улицу. А попробуй убеги! Кругом тайга загадочная, темная, сырая, а еще Прорва какая-то непроходимая. Даже капитан, Виктор и дядя Федя призадумались, невеселые ходят. Дела неважные, прямо надо сказать. А все же они с Женькой и вида не подадут, что порядком-таки напуганы. Они же настоящие мужчины!

— Карамба! Разлегся, и горя тебе мало! — сердито толкнул Сережа ногой спящего Женьку. — Пошли куда-нибудь!

2

На дворе ничего интересного не было. Заглянул в бочку — пустая, попробовал покатать колесо — тяжелое и грязное. Вот тощища-то! И вдруг вспомнил о футбольном мяче. Побежал в избу, заставил Виктора надуть мяч (у него это здорово получается!) и, выбежав на двор, для начала дал хорошую свечку. Мяч весело прозвенел под ударом и взлетел вверх, тугой, нарядный, ярко-желтый. Приняв свечку, ударил в стену — стена отпасовала мяч, ударил второй раз — и увидел мальчишечью голову, высунувшуюся из-за косо повешенного полотнища ворот. Заметив, что Сережа смотрит на него, мальчишка показал язык и спрятался, но скоро опять высунулся. Сережа, прижав мяч к боку, пошел к воротам.

Мальчишка не убежал, только зажмурил глаза, замерев от страха перед мирским поганцем. Паренек был крепенький, налитой, такого о камень бей — не расшибешь, от такого и мороз отскакивает. И смешной очень! На лице

крупные красные веснушки, брови выгорели, их и не видно почти, а нос такой курносый, что из ноздрей хоть стреляй, как из двустволки. Был он бос, но в меховой ушанке. Одно ухо ее торчало вверх, другое болталось. Вылитый лопухий заяц! Посконная рубашонка подпоясана высоко, почти под мышками, мочалой. Под рубашкой выпячивалось пузо. Сережа дружески ткнул мальчишку в пупок:

— Тебя как зовут, оголец?

Мальчишка вздрогнул, еще крепче зажмурил глаза и ответил басом:

— Митьша.

— А меня Сережа. А сколько тебе лет?

— Не ведаю. — Митьша осмелился открыть глаза, грустные, не улыбочивые. — Годам бог счет ведет.

— А где ты живешь?

— Эвон! — указал Митьша на полуразвалившуюся избу на противоположной стороне улицы.

— Значит, ты с нашей улицы? А книжки у тебя интересные есть?

— Не.

— А ты читать-то умеешь?

— По псалтыри кое-как бреду. Я одну зиму только учился, буквы учил и цифири.

— А почему больше не учишься?

— А на кой? Учатся только поповичи, чтоб попами стать. А простым людям на что грамота? — Митьша запыхтел и сердито добавил: — В школе розгами дерут.

Сережа свистнул:

— Надо же! А за что дерут?

— Для подспорья. А тебя в школе драли розгами?

— Скажешь! Попробовали бы!

К мальчишкам подошел Женька. Митьша потянулся было погладить его, но Женька зашипел, сморщив черный нос, обнажив залитые слюной клыки. Повернув голову к

Сереее, пес посмотрел на него с бесконечной преданностью, любовью и обожанием: вот, мол, кто мой друг и хозяин!

— Ты, Митьша, никогда так больше не делай — укусит. Женька с высшим образованием. А что у тебя в кулаке зажато?

Митьша разжал кулак. На ладони его лежал пустой спичечный коробок, выброшенный ночью Птухой.

— Что глаза пялишь? Завидно, чай? Ни у кого такой нет. Отымать будешь — в ухо дам!

— Эх ты, чудик-юдик! — засмеялся Сереее и швырнул об землю подпрыгнувший мяч. — Давай в футбол играть. Умеешь?

— Какой футбол? Как играть?

— Ногами. Становись в ворота, я буду бить, а ты не пропускай.

Митьша посмотрел на свои расчесанные, в цыпках босые ноги и решительно подтянул штаны.

— Давай!

Он встал в поповских воротах, разведя руки и растопырив ноги, будто не пускал в ворота корову. Но от мяча пробитого Серееей, шарахнулся в сторону.

— Гол! — закричал Сереее. — Первый гол в Ново-Китеже!

Он пробил по воротам еще раз, еще и еще раз, пробил десять, двадцать раз, но ни одного мяча Митьша не задержал. Он испуганно жмурил глаза и пятился от пролетавшего мяча.

— Фиговый из тебя вратарь, — поставил Сереее ногу на мяч. — Давай я в ворота встану, а ты бей. Ну, наподдавай!

Много раз пробил Митьша по воротам, но все мячи были или отбиты или пойманы Серееей. Митьша рассвирепел. Он сердито сопел, то и дело подтягивал штаны, тре-

пыхал ушами шапки, оббил и о мяч и о землю пальцы ног, но мирской Сережка, словно колдун, ни разу не пропустил в ворота мяч.

— Будя! — запаренно опустился Митьша на землю, вытирая вспотевшее лицо снятой ушанкой. — Не умею я в ваш футбол бить.

— Научишься, — покровительственно сказал Сережа и замер, прислушиваясь.

Издалека откуда-то доносились многие мальчишечьи голоса.

— Это кто кричит?

— Ребята посадские. На выгоне они.

— Что делают?

— Стрелки из луков пушают.

— Можно посмотреть?

— А чо нельзя? Пойдем!

3

На зеленевшем сочной травкой скотском выгоне толпились мальчишки. Кто-то из них, заметив Митьшу и Сережу, крикнул отчаянно, словно увидел пожар:

— Робя, мирской идет!

По земле затопали босые пятки, и через мгновение звонкие, взволнованные мальчишечьи голоса послышались уже из-за ближнего сарая.

— Экося, испугались, — сказал презрительно Митьша. — Пожди чуть, я их позову.

Он убежал, и вскоре ребята вышли из-за сарая. Подходили они к Сереже не очень храбро, может быть, и повернули бы с полдороги, но впереди шел уверенно, смело, видимо, их атаман и заводила, высокий кареглазый, скуластый и бровастый мальчуган. Он был без шапки, и ветер трепал его темные волосы, остриженные в кружок. Сережа

сразу смертельно позавидовал ему. У кареглазого не хватало двух передних зубов, и он на ходу с особым шиком плевал — цыкал, может быть, на целых десять шагов. Да-а, это был высший класс!

Ребята остановились в двух шагах от Сережи. Некоторое время молчали, настороженно разглядывая друг друга.

— Как тебя зовут? — первым нарушил молчание Сережа, обращаясь к атаману.

— Юрятка. А тя?

— Сережка. Во что вы играли?

— Мы не играли, не дети, чай. Стрелки мы пускали.

— Покажи, как стрелы пускаете.

Ему никто не ответил. Всех заинтересовал Женька, диковинная короткошерстая собака.

— Гли! Как овца стриженная... Може, не собака?

— Самая настоящая собака! — ответил Сережа. — Сейчас я вам покажу, что она умеет...

Он подкатил к Женьке мяч и, подняв руку, приказал:

— Стереги!

Пес лег и замер, положив голову на мяч.

— Попробуйте теперь взять у него мяч. Только не советую. Без пальцев останетесь. Смотрите дальше, программа продолжается!

По команде Сережи Женька садился, ложился, вставал, давал голос — лаял, приносил брошенную палку. Но особого интереса дрессировка Женьки не вызвала.

— Пустая забава! — пренебрежительно сказал Юрята. — Пес должен дом стеречь, помогать пастуху стадо пасты, зверя в тайге гонять. Бездельный у тя кобель, Сережка!

Говорил Юрята шепеляво, на месте двух передних зубов чернела дырка. Сережа снова позавидовал и, вздохнув, сказал:

— Ты небось далеко плевать можешь? Как матрос! Можешь?

— Гляди! На три сажени могу.

Юрята плюнул, вернее, шикарно цыкнул через выбитые зубы так, что Сережа глазам не поверил.

— Теперь давай ты.

Сережа плюнул, и получилось позорно. Пришлось подбородачок утирать. Чувствуя, что авторитет его качнулся и интерес к нему ослабевает, Сережа вытащил свое зажигательное стекло. Успех был потрясающий. Стекло вызвало не только удивление, но и суеверный страх.

— Сткло-то, чай, колдовское! Без кресала, без искры огонь дает!

Тошенький мальчишка с болячками на губах, жевавший льняную макуху, сунулся ближе к Сереже. В глазах его была унылая зависть.

— Слышь, мирской, меняем твое сткло на макуху. Сладкая, страсть!

— Погоди, Завид, — недовольно сказал Юрята. — Покажи еще чего, Сережка!

Сережа вытащил нож, нажал кнопку — выскочило блестящее лезвие.

Завид завистливо засопел.

Юрята восхищенно вздохнул:

— Сделай еще раз!

И еще раз лезвие спряталось и выскочило от легкого нажатия. Завид по-воробыному задергал маленькой сухой головенкой. В глазах его была уже не зависть, а откровенная жадность.

— Сережка, ты меня слушай, — с просительной улыбкой дернул Завид Сережу за рукав. — Еще макухи принеси, домой сбегая. И бабок двадцать гнезд¹ дам, а ты мне нож. Согласный?

¹ Гнездо — две бабки.

— Отскочь, Завидка! — оттолкнул его Юрята. — Ко всем липнешь, всем завидуешь, жадная душа!.. Идем, Серьга, из луков стрелять.

Ребята стреляли из маленьких луков по тоненьким чурбачкам. Сережа осрамился: ни разу не попал в чурбачок. Он тоже начал сердиться, поставил толстый чурбан и крикнул с веселой злостью:

— Это ваш посадник Густомysl. Стреляй!

— Чего надумал! — попятились робко ребята, а Юрята повалил чурбан ногой.

— Не ладно задумал, Серьга. Отцы наши люди малые, мизинные¹, отдуют и нас и их заодно батогами за такое глумство над посадником.

— Ан стреляй! — закричал вдруг с яростью Митьша. — Он моего батьку нещадно кнутом бил и повесить на толчке грозился. Стреляй, говорю! — с силой вбил он в землю чурбак.

— погоди! — схватил Сережа Митьшу за рукав. — Как твоего отца зовут?

— Алекса Кудреванко, солевар он.

— Я видел его вчера на посадничьем дворе, — взволнованно сказал Сережа. — Храбрый! В него стреляли, а он убежал.

— Знаю уж. Боюсь, поймают. — Не улыбчивые глаза Митьши засияли гордостью. — Он у меня такой: и черта с рогами не побоятся.

— А, чего там! Воткнись стрела каленая Густомyslу меж глаз! — крикнул бесшабашно Юрята, первым пустив стрелу.

Разом зазвенели тетивы других луков, заверещали летящие стрелы. Утыканный ими, как еж, чурбан повалился на землю.

¹ Мизинные люди (устар.) — люди простого звания.

— Карачун дуруумному Ждану Густомыслу! — запрыгал Юрята на одной ноге, размахивая над головой луком. После победы над посадником стрелять больше не хотелось.

Тогда заинтересовались футбольным мячом.

— Пошто такой большой? — спрашивали ребята.

— Ногами мутузить! — объяснил Митьша. — Серьга, показывай.

— Идет! — охотно согласился Сережа. Он положил на землю свой шлем и ушанку Митьши. — Это будут ворота. А правила такие...

Через минуту по выгону запрыгал футбольный мяч. Женька с шальной мордой метался меж ребятами, не зная, кого хватать. И вскоре раздался милый сердцу футбольных болельщиков ликующий вопль:

— Тама!..

Глава 9

ХУДОГ

В его картинах благочестья нет...

Дм. Кедрин, «Рембрандт»

По правде, всех богов я ненавижу.

Эсхил, «Прометей прикованный»

1

Рамы были сдвинуты в сторону, окна открыты настежь. Истоме был нужен свет.

В простом черном кафтане, с узким ремешком на лбу,

чтобы волосы не падали на глаза, Истома был похож на мальчика, несмелого и застенчивого.

— Это вапы мои, — показывал он на глиняные горшочки, кувшинчики и миски с краской. — Это ярь зеленая, бакан багровый, бычья кровь пунцовая, вохра желтая да вохра жженая, вишневая. А еще сурьма, ею же детинские жонки да девки брови чернят.

— Где краски достаете, Истома?

— Сам делаю. Коричневая — выварки лука, желтая — из березовых листьев, зеленая — из осоки иль конского щавеля. Вохра — из глины жирной, черная — из ореховой скорлупы. А еще жженая кость, настой гвоздики, ольховой коры и чебреца. Живые и голосистые! На масле натираю, а которые на яйце.

Он взял кисть, помял ее пальцами, готовясь писать, и снова отложил.

В застенчивых глазах его появилась умная сосредоточенность.

— Я так мыслю, что не в вапах суть. Худог душой должен писать, а не вапой.

Виктор посмотрел удивленно на Истому, потом перевел глаза на иконы, написанные им. Их было много, и разных: больших, церковных, выше человеческого роста, и домашних, маленьких.

И были все эти святые и угодники не по-иконному живы, человечны, на всех ликах не святость полоумная, а мирская, звонкая радость.

— Вы большой художник, Истома! — искренне сказал легчик. — Это вот кто, что за святой?

— Святой целитель Пантелеймон, кроткий угодник божий, — откликнулся Истома, не отрываясь от доски. Он тоненькой, как игла, кистью выписывал волос в бороде Христа.

— Какой же это целитель кроткий? Не святой, а русский мужичок. Ему бы не ладан да молитвы, а чарочку винца да огурец соленый!

— Мужичище-деревенщина и есть, — улыбнулся тихо Истома. — Дрова нам из тайги привозит. Стоял перед глазами, сатана, когда я святого Пантелеймона писал. Ошибку я дал.

— Ошибка ли? А это, кажется, сам бог-господь Саваоф? Ишь какой! Морда красная, бородища пышная, а губы злые, жадные. На облаках сидит, а облака — словно мешки с мукой. Мельник, что ли? (Истома не отвечал, хитро посмеиваясь.) А это кто-то знакомый. Кто это?

— Николай Мирликийский, угодник и чудотворец.

— Шутите, Истома, Это не угодник, а негодник! Где-то я его видел. Постойте-ка!.. Плешивый, борода рыжая до глаз... Не борода, а собачья шерсть! А глаза-то какие подлые! Такой никого, кроме себя, не любит. Так... так... так... Сейчас припомню... Вспомнил! Вчера мы его на улицах и на толчке видели. За сидней кричал, против дырников. Призывал народ нас, мирских, бить. А ему самому бока наломали.

— Он и есть, Патрикей Душан. Холуй детинский, главный посадничий подглядчик и наушник.

— Чудесник вы, Истома! — засмеялся Косаговский. — Начальника новокитежского гестапо святым сделали. А это что за красавица? — взял летчик в руки крошечную, со спичечный коробок, иконку.

Это было тончайшее, вдохновенное произведение. Милое девичье лицо, печальное, о чем-то умоляющее, несмело смотрело на Виктора.

Голубая жилка на виске придавала лицу трогательную нежность.

— Великомученица Екатерина это, — ответил Истома и начал бурно краснеть.

— Это Анфиса, — с тихим удивлением и прорвавшейся радостью сказал Косаговский.

Рука его, державшая иконку, дрогнула. Он долго, словно не желая расставаться, ставил иконку на полочку и поднял глаза на Истома. Их взгляды встретились, и Виктор тоже стал медленно и густо краснеть. А когда отвели глаза, оба почувствовали, что узнали тайну друг друга, хранимую от окружающих.

— Настоящий и большой вы художник, Истома, — услышал свой голос Виктор как-то со стороны и смутился, вспомнив, что он уже говорил Истома эти слова. Поэтому поспешил добавить: — К нам, на Русь, надо вам выбиратья.

Истома, отвернувшись, глядел через открытое окно на Ново-Китеж. Поповская изба стояла на взлобке, и город был весь перед глазами.

— Во сне я вижу Русь и наяву вижу, — грустно сказал юноша. — Зело омерзело мне здесь. Жизнь аки бы паутиной затянуло... Тишина безысходная. Плетутся годы, а света все нет. Столетние сумерки...

«Неспокойной души человек», — подумал любовно Виктор, но молчал, боясь нарушить мысли юноши. В раскрытое окно прилетели удары по футбольному мячу и крики ребят. Истома закрыл глаза и снова медленно раскрыл их, будто просыпаясь.

— Знаешь, о чем я думал? Где правду искать? Всюду правду терзают и мучают. У Степанушки Разина правда была, с нею мои пращурь сюда пришли. А где она теперь? Где? Попы говорят: у бога правда. Искал я ту правду. Молился, бил в половицы лбом, от молитв на лбу шишки были. Не нашел правды и у бога.

Истома встал и поднял с пола острый топор. Взявшись обеими руками за обух, начал осторожно стесывать с ясеневой доски ему одному заметные неровности.

— А теперь не знаю, — сказал он растерянно и опустил топор. — Теперь не знаю, что делать. То ли в монахи постричься, схиму принять, то ли на всех богов с топором идти?..

Он подошел к иконе Саваофа, положив топор на плечо.

— Вседержитель всемогущий и всемилостивый! Тыщи свечей тебе люди спалили, пуды ладана сожгли, ниц перед тобой падали, а ты протянул свою всемогущую руку в их защиту?

Саваоф, дородный, сытый, красномордый, смотрел на Истому в упор, сердито выкатив голубые глаза и крепко поставив босые ножищи на облака, похожие на мучные кули.

— Народ перед тобой в землю лбами бьет, а ты ему кнут, плаху да гнилые ямы на Ободранном Ложке даешь. Народ без соли изнывает, а ты всю соль детинским верховникам отдал. Остались народу соленые слезы. Расселся, моленный, хваленый, с иконы слезать не хочешь! Не бог ты, а обманщик! — закричал Истома, замахиваясь топором. — Расшибу! В щепки тебя!

По лику бога-отца запрыгали тени, будто он сморщился от страха.

— Истома, не надо! — схватил Виктор юношу за руку. — Узнают...

— Узнают, так сѣдни же на толчке удавят.

Он измученно улыбнулся. Глаза его потухли, в них опять была печаль. Косаговский смотрел на него удивленно. Он не ожидал такого взрыва страстных чувств от мягкого, нешумливого со всеми, кроме деда, ласкового юноши.

2

На дворе послышался пьяный голос попа, и вскоре он вошел в боковушку. Его шмыгающие, хитрющие глаза с

подозрением уставились на мирского, потом перешли на Истому. Юноша стоял около большой иконы божьей матери. Не глядя, на ощупь, выбрал из букета кистей, стоявших в кувшине, тоненькую кисть, макнул в краску и двумя быстрыми мазками вложил в глаза богородицы суровость и гнев.

Поп Савва пьяно всплеснул руками:

— Охти, владычица! Не бывало допреж сего в обычае. Положено у богородицы глаза писать заплаканные, от скорби немые. Изошла слезами от горя, всемилостивая. А у тя не печальница, а баба ядреная!

Виктор посмотрел на икону и подумал: «Поп хоть и пьян, а видит зорко. Не вышло и в самом деле у Истомы скорбной, тонколицей богородицы».

С иконы глядели не скорбные, а бойкие, умные глаза, черненькие, круглые, как у соболихи. Не печальница, а крепкая, как грибок, бабеночка, властная, матёрая. Лицо широкое, умное и суровое, на щеках горячий пунцовый румянец. Такие в Древней Руси, в лихие години шли на стены осажденного города, лили на врага кипящую смолу, камни бросали, а то и бердышом махали.

— Тьфу! — плюнул с омерзением поп. — У тя не мать бога нашего, а торговка базарная Дарёнка!

Виктор вспомнил вчерашнюю драку на толчке, поднятый в яростном взмахе лоток, разлетевшиеся во все стороны пироги и скрыл под пушистыми ресницами веселую усмешку.

— На еретичку дырницу Дарёнку, бунтовщицу ведомую, православные молиться будут? — заорал поп, трясая толстыми щеками. Он налетел на отвернувшегося внука и замолотил в его спину кулаками. — Выбью дурь! Выбью! Прокляну!

Савва вылетел из боковушки, толкнув появившегося в дверях Птуху.

— С якоря сорвался, всечестной отче? — раздраженно крикнул ему вслед мичман, но, увидев богородицу, притих и медленно пошел к иконе.

Разглядывал ее долго, то отходя, то приближаясь, склоняя голову то вправо, то влево. Наконец сказал восхищенно:

— Кошмар, до чего похожа Дарёнка! Истома, друг, подари мне этот портрет, а я его Дарёнке поднесу. Вполне джентльменски получится!

— Это, Федя, икона богородицы, называемой «Утоли моя печали».

— Чего-чего? — Под глазами и на висках мичмана собрались хитренькие и веселые морщинки. — Ха! Слышали? Дарёнку в богородицы произвели. А что? Бабонька она такая, что и впрямь — унеси мою печаль! В городе сейчас ее встретил. Буду ей помогать пирогами на толчке торговать.

— Нэпманом решили сделаться? — засмеялся Косаговский.

— Скажете! — ответил обиженно мичман. — Буду ее охранять. Мордастые парни, Душановы псы, начали интерес к ней проявлять. Ближе, чем на кабельтов, жлобов к ней не подпущу... Пойдемте во двор, Виктор Дмитриевич. У нас гости.

3

Во дворе на разохшейся бочке сидел капитан и щепкой счищал уличную грязь с брезентовых сапог. На тележных колесах разместились не-разлей-вода Псой Вышата и Сысой Путята.

Рядом, опираясь на рогатину, стоял староста лесомык Пуд Волкорез.

— Как погуляли? — спросил значительно Косаговский.

— Погуляли! — мрачно откликнулся Птуха. — Ходили, жизнь здешнего народа изучали. Для кино бы снять такую жизнь? Трущобы Чикаго в двух сериях! Люди тощие, свиньи тощие, собаки и те тощие, только тараканы да детинские жлобы жирные.

— Наше житье — как встал, так и вытье, — вздохнул покорно Сысой. — Одно нам осталось — на брюхо лечь да спиной прикрыться.

Не поднимая головы, по-прежнему счищая грязь с сапог, капитан сказал:

— Из Кузнецкого посада мы пришли, от Будимира Повалы. Большой разговор был. Во всех посадах кричат о выходе на Русь. Готовы драться за выход. Рассердился народ!

— Люди накачаны, как торпеды, до полного давления, — подхватил его слова Птуха. — Нужна только команда.

Волкорез переступил с ноги на ногу и глухо проронил:

— Рогатиной и топором с Детинцем будем разговаривать. Аль мы не разинские внуки?

А Сысой Путята робко, еле слышно сказал:

— Пробовал уж Василий посады на бунт поднять, а что получилось? Власть старицы свалить — не мутовку облизать.

— Не было тогда бунта! — горячо вступился Истома. — Стрельцы ночью налетели и у бунта голову отрубили, Васю в снежную могилу загнали.

— Вот именно! — кивнул Ратных. — Восстание было обезглавлено в самом зародыше. А если посады поднимутся дружно, организованно, Детинец будет взят. Я в этом уверен!

— Про братчиков не забывайте, — напомнил Косаговский, нахмутив брови. — Это союзники Детинца.

Капитан отбросил щепку, сказал решительно:

— Нам лишь бы получить в руки карту Прорвы. Мы пошлем гонцов на Большую землю, оттуда пришлют нам военную помощь, и тогда нам никто не страшен. А про братчиков они знают, — указал он глазами на новокитежан. — Я им рассказал.

— Знаем! — сказал Волкорез. — Спешить надо, пока братчиков в городе нет. Против их пищалей скоропалительных нам не выдюжить.

— Вот как спешить нам надо! — Ратных провел пальцем по горлу. — А сможем мы поднять посадки в считанные дни? Удар нужен дружный, силой всех посадков. Вот о чем нам сейчас надо думать и говорить с людьми.

Псой Вышата хлопнул ладонями о колени и вскочил с колеса.

— Много мы думали, во весь ум думали, много говорили, а когда же за топоры возьмемся?

Он так лихо поддернул короткие мохрястые штаны, что Птуха, не выдержав, засмеялся:

— Кошмар! Вылитый витязь в тигровой шкуре!

— С одним топором, Псой, на Детинец полезешь? — тихо спросил приятеля Сысой. — А детинские почнут со стен горячую смолу лить, кипятком шпарить, из пищалей бить. Они за стенами, а у нас никаких приступных мудростей нет: ни щитов тесовых, ни лестниц осадных, ни гуляй-городов.

— Не бойся, Сысой, расколем Детинец, как орешек! — весело закричал Птуха. — Только скорлупки полетят! А взрывчатка на что?

— Думал я о ней, — сказал капитан. — Детонаторов у нас нет. А какой от нее толк без детонаторов? Как из мокрой глины пуля.

— Будет толк! — уверенно возразил Птуха. — Детонаторы можно черным порохом заменить. От взрыва пороха загремит и взрывчатка.

Псой нахмурился, покачал головой.

— Нет у нас пороха. Запрещено посадам стрельное зелье делать.

— Наделаем, братишка! — хлопнул мичман Псою по плечу. — Дело не хитрое. Селитры семьдесят пять долей, угля пятнадцать да серы десять. А селитра и сера у вас здесь есть. В Детинце-то делают порох для стрелецких пиштолетов и пищалей.

Капитан подошел к Птухе, взволнованно пожал ему руку.

— Ваша взрывчатка — наш главный козырь, мичман! Надо немедленно перенести ее в город. Тогда и начнем восстание. — Он повернулся к охотнику. — Волкорез, будет тебе важное задание. Вы, лесомыки, хозяева в тайге.

— С нее кормимся. Как свою запазуху знаем.

— А знаете вы озеро, как чашка, круглое? Я точнее скажу. Из него берет начало речка, которая около Рыбачьего посада в Светлояр впадает. Наш Сережа Сердитой ее прозвал.

— Знаем ту реку и то озеро. Отрочь-озеро мы его зовем. Далеконько оно.

— Далеконько. А надо оттуда большой груз в город принести. Можно?

— А почему нельзя? В крошнях¹ принесем. Будто дичину на толчок, на базар приволокли.

— На дне этого озера лежит наша взрывчатка.

Пуд вскинул на плечо рогатину, сказал спокойно:

— Коли на дне, шестью нащупаем. И мырять мы можем. Найдем!

— Щупать не надо, — торопливо перебил его Птуха. —

¹ Крошн и (старин.) — берестяные заплечные котомки.

На берегу там лиственница стоит, опаленная молнией. Это отметка. Против нее и затоплена взрывчатка.

— Федор Тарасович, — положил капитан руку на плечо Птухи, — иди сам с охотниками. Дело вернее будет.

— Я готов хоть сейчас! Со взрывчаткой осторожность ведь нужна. Кусается! — показал он трехпалую левую руку.

— Федор Тарасович, «Антошку» моего посмотрите. Как он себя чувствует? — попросил Косаговский.

— Обязательно, Виктор Дмитриевич!.. Пуд, минутку меня подожди. Я мигом, только китель надену.

Мичман побежал в избу.

— А теперь, товарищи, нужно нам найти Алексу Кудреванку, — озабоченно сказал капитан. — Алекса должен знать наши планы.

— Алекса в Усолье убежал, — сообщил Истома. — В солеварнях на полатах прячется, где соль сушат. Тяжко там, парко, душно, соль тело грызет.

— Правильно. Алекса в солеварнях. Ты, Истома, пойдешь в Усолье. Зови Кудреванку на встречу со мной.

— Кажись, и в самом деле за топоры мы беремся! — обрадованно вскрикнул Псой, подтягивая штаны. — Мне-то поручение будет?

— Будет. Тебе поручается заготавливать серу и селитру. Начнем ружейное зелье делать. Осторожней будь, Душановы подглядчики не заметили бы. Но ты мужик шустрый, не попадешься.

— Я не то чтоб шустрый, я дюже на детинских сердитый.

— А ты, Сысой, иди сидням мозги вправлять. Зови их на Русь. Мужик ты тихий, это и хорошо. Потихе будь, во весь голос о нашем деле не кричи.

— Это верно, я тихий. Тихо и буду их на Русь звать, шепотом.

Глава 10

СОБОР

Был диковинный храм
Богомазами весь размалеван...

Дм. Кедрин, «Зодчие»

1

Истома и Косаговский пришли под вечер в Детинец. Летчик упросил юношу показать сделанную им роспись собора. Была, правда, у Виктора и другая мысль, была и тайная надежда.

На посадничьем дворе Виктор остановился, любуясь собором, его мужественной простотой и строгостью.

— Лепота! — вздохнул глубоко и радостно Истома, глядя на собор. — В «Поведании» записано, что ставил собор зодчий Нифонт, из города Суздаля родом. А егда воздвиг чудо сие, топор в озеро Светлояр бросил. Не было-де и не будет такого второго! Стоит еще на Руси город Суздаль? А искусники суздальские и теперь, поди, славятся?

— Стоит по-прежнему на Руси город Суздаль. А искусников, Истома, у нас во всех городах много...

В соборе тускло поблескивали ризы огромных икон. От одиноко горевшей ослопной¹ свечи в воздухе плыл горьковатый запах плавленого воска. Было тихо, только потрескивала свеча.

Сквозь стрельчатые, затянутые промасленным холстом окна в собор, в его хмурую полутьму, пролился желтоватый свет заката и осветил фрески, написанные на грубой штукатурке.

— Все твоя работа, Истома? — спросил летчик.

¹ Ослоп — дубина; большая, толстая свеча.

— Сплошь моя. До меня никто не дерзнул, — с конфузливой гордостью ответил юноша.

На своде собора был написан рай, и шли в рай святые, чудотворцы, великомученики, божьи угодники — все изможденные, с бородами до чресл. Шли шеренгами и толпами, в четыре ряда поднимаясь до свода, словно подсаживая друг друга.

А рай был русский, с земляникой, опятами, ландышами, ромашками, и березки трепетали всеми листочками от теплого ветра. За березками теплела синева неба и синело лесное озеро.

— Синяя наша Русь, такой я ее вижу. Верно, Виктор? — спросил мечтательно Истома.

Летчик не ответил. Неподкупная, грустная кисть Истома изобразила здесь мечту юноши, его тоску по далекой Руси.

— В верхнем ряду, рядом с евангелистом Лукой, монахиню видишь? — снова спросил Истома, указывая на свод. — Это Анна, первая наша старлица. Великой и светлой души человек. Она наших предков от пытошной муки спасла, от царской петли и плахи увела. Спрятала наших прадедов здесь, в глухом таежном закуте, посреди болотных зыбун. Пойдем, могилу ее покажу.

2

Дальний храмовой придел был отделен от главного нефа железной, грубо кованной решеткой. Скрипнула тяжелая дверь, и они вошли под низкие, давящие своды погребального придела.

Здесь было темно, только где-то в глубине кроваво светилась одинокая лампадка. Истома пошарил в стенной нише, вытащил толстую свечу и зажег ее. При скупом свете

свечи Виктор увидел ряды голубцов, древних намогильных памятников, маленьких, до половины человеческого роста, избушек с крестом на коньке. На крестах были вырезаны славянской вязью имена усопших стариц. Истома подошел к голубцу под красной лампадой.

— Старица Анна! — благоговейно перекрестился он и поднял повыше свечу. — И прочие новокитежские старицы тут покоятся. Читай на крестах их имена.

И Виктор читал имена странные, звучащие из глубин веков:

— Праскудия, Меропа, Голендуха, Пистимея, Амелфа, Улита.

— Голубцы эти, — сказал Истома, — только надгробия, а похоронены старицы в подполье собора, там они земле преданы. Вот дверь туда, — подошел он к небольшой железной двери в ногах гробницы старицы Анны. — За дверью ступеньки вниз, к их святым могилкам.

Виктор потрогал огромный замок, висевший на железной двери.

— Всюду у вас запреты и запоры. И мертвых под замком держите!

— Истинно говоришь, на все живое у нас запреты, запоры и оковы. Стариц возьми. Девчонками постригали, заживо в гроб клали. — В тихих васильковых глазах Истома появилась тоска. — Эх, Виктор, нельзя жизнь во цвете губить, нельзя у горячего молодого сердца отнимать радости земные!

— Анфиса добровольно идет на постриг? Она согласна на это? — не сдержав волнения, спросил Виктор.

Истома тихо покачал головой, не поднимая ее.

— Ее согласия не спросят. Указала старица — отрублено!

— А мать?

— Сиротка она. Умерла ее матушка.

— Отец, посадник, тоже согласен?

Истома ненавидяще сузил глаза.

— Кабан Густомысл за власть не токмо дочь свою, и душу отдаст! Чай, ждет не дождется, когда Анфиса старицей станет. Тогда он истинно царем новокитежским станет, мономахом!

— Нельзя этого допустить, нельзя! — схватил Виктор за плечи Истому и, забывшись, начал трясти его. — Надо помочь ей, слышишь, Истома?

Юноша ответил безнадежным жестом руки и движением плеч.

— Немыслимое говоришь. Анфису от пострига нам не спасти. Сие свыше сил наших. Одно осталось — токи слезные лить.

Виктор дрогнул лицом и взял юношу за руку.

— Ты любишь ее, Истома?

Спросил и почувствовал, что задал ненужный вопрос.

— Одному тебе, Виктор, выдам тайну мою. Люблю.

— Она тебя тоже любит? — быстро спросил Виктор и удивился, уловив в своем голосе ревнивую нотку.

— Молчи! — неистово шепнул вдруг Истома и дунул на свечу. — Анфиса!

Виктор тоже увидел ее. Она стояла у гробницы старицы Анны. Кровавый свет лампы заливал ее лицо. Она молилась.

Виктор слышал иступленный шепот ее молитвы, и горькая нежность охватила его.

— Каждый день приходит молиться на могилку старицы Анны, — одним дыханием шепнул Истома. — Тяжко ей.

Анфиса тяжело, прерывисто вздохнула, будто сдерживая рыдание, и рухнула на колени. Припав лбом к полу, она замерла.

Удушливое чувство надвигающейся непоправимой беды

охватило Виктора. Не колеблясь, не раздумывая, он пошел к Анфисе. Девушка услышала его шаги и быстро поднялась с пола. Легкий шелковый опашень с длинными, до земли, рукавами, надетый в опашь, внакидку, соскользнул с ее плеч и упал на пол. Увидев мирского, она резко отвернулась, но не выдержала и взглянула на Виктора коротко и быстро.

Тоска была в ее глазах, а в изгибах губ — беспомощность страдающего ребенка.

Неслышно подошел Истома. Он улыбнулся девушке. Была улыбка эта такой нежной и просветленной, что Виктору стало неловко. Будто подглядел он в душе юноши от всех тайное чувство.

— Все молишься, Анфиса? — печально спросил он.

Девушка дрогнула плечами, будто пахнуло на нее могильным холодом. Она стояла, сложив крестом руки на груди, тонкая и четкая, грустная и беспомощная.

— Все молюсь, Истомушка, — подняла она глаза на юношу. — Да минуёт меня страшная сия чаша...

Губы ее задрожали и, поникнув, она быстро пошла к выходу из придела. Виктор поднял ее опашень и побежал вслед. Он догнал ее возле железной решетчатой двери и накинул опашень, ласково коснувшись узких девичьих плеч.

Девушка остановилась и обернулась. Взгляды их встретились. Что-то хорошее увидела она в мальчишечьих застенчивых глазах Виктора и улыбнулась. Тоненькая паутинка тихой ласковости протянулась между ними.

— Ишь ты, ласковый какой, видать, шелковой травой тебя младенцем пеленали, — чуть слышно сказала она.

Виктор молчал и неотрывно, изумленно и восторженно, глядел на Анфису.

— Не гляди так, — нерешительно закрылась она рукой. — Пожалеешь потом.

Она резко отвернулась. Взлетел зеленый шелк ее опашня — и нет уже ее, только в глубине собора слышны быстрые убегающие, взволненные шаги.

Виктор оперся локтями о железную решетку и стоял так, пока не смолкло под сводами собора эхо Анфисиных шагов. Тогда встревоженно рванулся и побежал к дверям собора.

3

На соборной паперти стоял один Истома. Пуст был и посадничий двор. Пусто было и на кривых черных улицах Ново-Китежа. Протащилась, увязая в грязи, неуклюжая телега. Мужик нещадно хлестал шатавшуюся в оглоблях лошадь. Проехал конный стрелец. От Светлояра поднимались женщины с корзинами мокрого белья на коромыслах. В каждой корзине пуда по два; женщины согнулись, шли еле-еле.

Около церкви лениво дрались нищие.

— Немота какая! — с тоской проговорил Истома.

Но колыхнулась немая тишина. Из посадничьего сада прилетела песня.

Два девичьих голоса взвились, как только могли, высоко.

Ты расти, расти, коса,
До шелкова пояса.
Вырастешь, коса,
Будешь городу краса...

— Вырастешь коса, и под черный монашеский шлык тебя! — стоном вырвалось у Истома.

А девичьи голоса все выше поднимали песню, выше берез, выше соборных куполов, выше туч.

Виктор схватил свисающую на лоб прядь белокурых волос и с силой рванул ее.

Глава 11

ЯРИЛИНО ПОЛЕ

Ударил его Ярило по голове золотой вожжой...

*П. Мельников-Печерский,
«В лесах»*

1

Отцвели в посадничьем саду кудрявая черемуха и душистая сирень. Крепче запахло из оврагов грибной сыростью, зацвела рожь, заколосился овес, и пришли на землю самые длинные дни, пришли самые короткие, хмелевые Ярилины ночи.

Верит народ, что этими короткими ночами скачет по земле светлый бог Ярило¹, добрый и веселый Яр-Хмель. Скачет он, юный, радостный, на белом коне, в белой одежде, а в руках у него пук ржаных колосьев. И кружит веселый, радостный бог сердца и головы парней и девушек хмельными, любовными чарами.

Истома пришел звать мирских на Ярилино поле².

Какую-то особенную чистоту и ясность придавала юноше его белоснежная одежда: белая длинная рубаха с красной оторочкой, белые шаровары и онучки и высокий, с узкими полями шляпок из белой поярковой шерсти.

— Ты, Истома, настоящий Ярило! — улыбнулся Косаговский, любясь юношей.

— Еще не Ярило, а буду им, коли в хороводе от девушек пук ржаных колосьев получу. Есть у нас обряд такой, — улыбался ответно Истома. И начал торопить мир-

¹ Ярило — бог плодородия и любви у древних славян.

² Гулянье в честь Ярилы. Справлялось в русских деревнях до начала XX века.

ских: — Идти пора. Наши девки заждались, чай, мирских красавцев.

Со двора вышли втроем. Сережа ушел раньше, за ним зашли ребята. Город замер в горячей летней тишине, только пчелы гудели в садах да звенели на берегу Светлояра хоровые девичьи песни.

Озерный берег гудел, пестрел цветными рубахами и сарафанами. Дудели берестяные жалейки, вздыхали сопелки, деревянно пел гудок, переливалась свирель бузинная, и тархтел бубен, глупый и веселый. Дальше от берега, в роще, галчатами кричали ребятишки, игравшие в футбол. Оттуда доносился и радостно-ошалелый лай Женьки. Значит, и Сережа был там.

— Глядите-ка, Степан Васильевич, — сказал Косаговский, когда они вошли в рощу, — Сысой посадских агитирует.

— Политзанятие с сиднями проводит, — улыбнулся капитан.

Путята сидел на траве среди посадских. В стороне лежал Псой Вышата.

— Изволочили нас верховники брюхатые, изнеможили до последнего, — тихо, опасливо оглядываясь, говорил Сысой. — На Ободранном Ложке трещат наши пупы. Доколе терпеть будем?

— В топоры, спасены души! — выкрикнул зло посадский, хлестнув прутом по земле. — Пушай старица и посадник оттыкают дыру в мир! Они туда дорогу знают.

— С земли отчич и дедич уйти? — грустно поник головой посадский с длинной седой бородой, похожий на апостола с иконы. — Присохли мы здесь, больно отдирать.

— А что нам отдирать? — накинулся на него посадский с прутом. — Не хозяйство у нас, а нищее хламовище. Лапти переобул да и пошагал на Русь!

— Живем, как черти на сковороде! — сердито отозвал-

ся Псой, переваливаясь с пуза на бок. — Со всех сторон припекает, а прыгнуть некуда. Ототкнем дыру и Руси-матушке поклонимся!

— Ты, Псой, потише будь, — остановил его Сысой. — Сам знаешь, у нас и сучки в лесу подслушивают, и щели в избах подглядывают.

— А чего там потише! — снова хлестнул прутом посадский. — Пушай ведут нас старосты на Детинец. Сшибемся во имя божье!

— Праховое дело вы задумали, — осуждающе проговорил посадский с апостольской бородой. — Надо смиренно жить, чтоб Христос на нас смотрел и радовался.

— Сидень ты знаемый, Софроний! — рассердился сидевший с ним рядом посадский, видимо сыромятник: от него едко несло кислым. — Страсть ты трусливый и к богу приверженный!

— Я не один так думаю, — возразил Софроний. — И еще сидни найдутся в посадах.

— Вы, сидни, людской воле поперечники! А я скажу: пора верховников за это место хватать! — ухватился Псой за перекошенный ворот своего зипуна. — Откланялись Детинцу!

— На Русь я хочу, спасены души. Приволья душе ищу, — совсем потишал голосом Сысой. Были в его словах и тоска, и светлый восторг. — Вольным бы духом подышать.

— Запри гортань, еретик! — раздался вдруг резкий окрик. — Народ мутишь, поганец?

Из-за толстого ствола березы вышел Патрикей Душан. Посадские все разом встали. В глазах их были тоскливая злоба и брезгливый страх.

— Про что посадским говорил? — сразу надвинулся Душан на Сысою.

Тот молчал, робко помаргивая глазами, облизывая обмершие губы.

— Про баню мы говорили и про веники березовые, — выступил вперед Псой, оттерев плечом Сыся. — Стой-ка! Еще, кажись, о рыжих кобелях говорили. Верно! И про рыжего кобеля разговор был.

Душан одурело хлопал рыжими ресницами. Псой вздернул бороденку и пошел в рощу, таща за рукав Сыся. За первыми деревьями они столкнулись с капитаном и летчиком.

— Осторожнее надо, ребята, — сказал им Ратных.

— Я тихо говорил, — ответил Сысой. — Псой вот кричал. А в посаде аукнешь — в Детинце откликнется.

Когда мужики отошли, капитан сказал Виктору:

— Слышали разговор Сыся с посадскими? Не все одинаково в посадах думают. Есть накачанные, как торпеды, верно Птуха говорил, — а есть и робкие сидни. Чтобы всех посадских воодушевить единой мыслью, нужно время.

2

Даже на Ярилином поле, на просторной полянке меж белыми стволами берез, высокомерный Детинец сторонился от посадчины. На поляне кружились два хоровода, очень разных, несхожих нарядами.

На детинских девах косо, неуклюже и нелепо висели мирские платья, то короткие, до колен, то длинные, до земли. Детинские модницы не решались перешивать принесенные из-за Прорвы наряды, боясь испортить мирскую моду. Дешевые ситцы, коленкоры, сатины и миткали кололи глаза грубо-яркими расцветками: ядовито-зелеными, густо-желтыми, кумачово-красными. На ромашках и одуванчиках поляны тупо и крепко стояли ноги детинских дев в чугунно-тяжелых, дешевых и грубых туфлях со ско-

собочешными каблуками. Они и в хороводе не выпускали из рук раскрытые зонты, выставляли напоказ медные и латунные перстеньки и брошки, то и дело смотрелись в копеечные рыночные зеркальца. Заваль, гниль, дешевку тащили в Ново-Китеж из мира неизвестные люди в обмен на платину, а здесь это убожество было сказочным богатством.

А хоровод посадских цвел сарафанами золотисто-желтыми, крашенными крушиной; алыми, крашенными морской, и темно-коричневыми, крашенными дубовым корьем. Были и розовые сарафаны, и палевые, и зеленые, и голубые. Вся радуга здесь.

Звенели девичьи голоса, плавно кружился хоровод; сарафаны, один ярче другого, проплывали по траве. А внутри хоровода ходила девушка с пучком ржаных колосьев в руке. В наклоне ее головы Виктору почудилось что-то знакомое. Но вот она повернулась лицом, и летчик узнал Анфису. Но как же она, дочь посадника, попала в хоровод посадчины? Видно, все время была она с посадскими, чураясь компании дочерей верховников.

И неужели это та скорбная, потухшая Анфиса, которую он видел в соборе на могиле старицы Анны? Знать, хмельные чары Ярилы изменили ее. Она шла легкими несмелыми шагами; молодое гибкое ее тело покачивалось в такт песне, а голова была закинута гордо и страстно. Радостно ей было, сломав запреты, слушать любовные песни, плыть под эту песню, по-лебединому закинув голову.

— Ох ты, королевна писаная! — ахали восторженно в толпе парней.

Песня неожиданно смолкла, хоровод остановился; остановилась и Анфиса. Она молча улыбалась и чего-то ждала, чуть вытянув руку с пучком ржаных колосьев.

— Ярилу ждет, — проговорил Истома опадающим голосом. — Неужто найдется такой смелый?

И нашелся смелый, разорвал девичью цепочку. Кто-то, стройный и щеголеватый, вошел в хоровод. Травой-муравой переливался на солнце зеленый бархатный кафтан с перехватом в талии, с высоким стоячим квадратным воротником, шитым золотом и жемчугом.

— Остафий, собака! — прошептал отчаянно Истома. — Шагу не дает Анфисе ступить, хоть и нареченная старицей она. Ему, псу, ништо не свято!

Стрелецкий голова снял голубую атласную шапку и низко поклонился девушке. Затем молодецки избоченился, выставив ногу в желтом сафьяновом сапоге. На красивом нежно-румяном лице его играла самоуверенная улыбка. Он ждал, что Анфиса передаст ему пук ржи, и этим признает его на сегодня Ярилой.

Но девушка и не взглянула на Сабура. Она повела взором по лицам обступивших хоровод парней и вдруг улыбнулась радостно.

— Истомушка, иди сюда, милый! — призывно крикнула она. — А я-то тебя жду, я-то тебя ишу!

Истома вздрогнул и попятился в толпу парней.

— Иди же, Ярило! — сказал весело капитан и вытолкнул юношу из рядов.

Истома несмело вошел в охотно расступившийся хоровод и, сняв белый шляпок, поклонился низко Анфисе. Зеленый бархатный рукав стрелецкого кафтана коснулся белого холщевого рукава — так близко стояли они друг к другу. На поляне сделалось тихо. Слышен стал скрип уключин и плеск весел на Светлояре.

Поддельный изумруд в сереге Остафия вздрогнул.

— Изыдь, щеня! — тихо, с угрозой сказал он, косясь на Истома.

— Тебе придется уйти, голова! — Васильковые глаза юноши то разгорались, то потухали. — Меня позвала Анфиса, не тебя.

Голова положил руку на рукоять пистоли, засунутой за кушак.

— Ну? — бешено выдохнул он.

Истома не двинулся и улыбался. А в толпе парней закричали:

— В толчки Остафия! И на Ярилином поле в хозяева лезут!..

— По шее накладем, гнида детинская!

— Остафий, изыдь ты! Не желает тебя Ярилино поле, — тихо, но твердо проговорила Анфиса.

Сабур натужливо повел вбок головой, будто его душил ворот рубахи, и, круто повернувшись, пошел из хоровода. В тишине зловеще позванивали его серебряные шпоры.

Теперь в хороводе стояли рядом только Истома и Анфиса, оба снежно-белые, чистые, ясные. Виктор опустил голову, почувствовав ревнивый укол в сердце. Потом услышал голос Анфисы:

— Не хочу более в хороводе. Пошли, девушки, на качели.

3

Качели стояли на обрыве, стеной падавшем к озеру, на самом краю крепко утолченной площадки. Толстая двухметровая плаха, висевшая на канатах, вырывалась за край площадки и томительное мгновение висела над озером. Качались парами; раскачивал парень. Повиснув на веревке, приседая, он что было силы нажимал на плаху. Девушка, очумело визжа, уносилась вверх. Сарафан ее гудел, как парус в бурю, ленты косы щелкали и оплетали канаты. Обрато она летела чуть живая, задыхаясь от ветра, развевающая павлиний хвост сарафана.

Около качелей было тесно. Площадка едва вмещала собравшихся на забаву. Косаговский подумал, что здесь ему не найти Анфису, и неожиданно увидел ее. Она стояла, прислонясь к столбу качелей, и весело чему-то смеялась. Горло ее вздрагивало от смеха.

«Как у птицы поющей, — подумал Виктор. — Господи, как люблю!»

Его удивила и напугала эта неожиданная, подсказанная сердцем мысль. «Неужели люблю?.. Не надо этого, не надо!..»

Размах качелей уменьшался, и вскоре плаха остановилась. Сменялись качающиеся пары. На доску поднялась Анфиса. Держась одной рукой за канат, она ждала партнера. Из толпы вырвался Истома и подбежал к доске.

— Не надо, Истомушка, — ласково и печально сказала Анфиса. — Не сердчай, милый, не надо. Сам все знаешь...

Истома побледнел и нетвердо, как слепой, отошел от качелей.

— Ты, молодец, не покачаешь меня? — улыбнулась Анфиса черноволосому крепкому парню.

— Я могу! — весело ответил парень, прыгнув на доску. — Держись, государыня Анфиса, вознесу тебя живой на небо!

Качели скрипнули, сделав неполный размах. Парень нажал еще и еще — доска качнулась шире и вдруг рванулась с обрыва к озеру, будто силясь сорваться с канатов и впрямь улететь на небо. Одно мгновение доска дыбом стояла в воздухе. Анфиса, упершись пятками в доску, висела на руках. Доска сначала нехотя, затем все быстрее и быстрее пошла книзу и снова взмыла вверх, но уже над площадкой. Виктор на миг увидел высоко над собой лицо Анфисы, и доска снова унесла ее.

«Это стоит хорошего пике», — подумал он.

Женский перепуганный визг расколол вдруг веселый говор толпы. Кричали в задних рядах. Виктор обернулся, но увидел только испуганные лица, поднятые кверху. Он тоже посмотрел вверх, на летающую доску.

Анфиса не стояла на доске — она висела, судорожно вцепившись обеими руками в правый канат. Но долго ли выдержат ее слабые руки? Разогнутся онемевшие пальцы — и ее сбросит в озеро со стометровой высоты или ударит об землю.

— Держи!.. Остановь!.. — закричали неистово девушки и парни, но помочь ничем не могли.

Качавшийся с Анфисой парень пытался, держась одной рукой за канат, другой дотянуться до девушки, но не дотянулся, сорвался с доски и тяжело упал на землю, потеряв сознание. Доска взмыла вверх и снова повисла над озером.

Разбрасывая стоявших впереди парней, Виктор вырвался из толпы и встал лицом к летевшей на него доске.

— Куда ты, мирской?.. Ошалел? — завопила толпа. — Размозжит!

Виктор не слышал этих криков. Он смотрел на толстую, в ладонь, доску, падавшую с высоты, и наливался злой дерзостью.

Пыльный вихрь ударил в лицо. Летчик прыгнул навстречу доске. Ладони поймали канат и стиснули его.

«Есть!» — ликующе мысленно крикнул он.

Мощная сила плавно подняла его кверху. Он подтянулся на руках и встал на доску. Ветер резанул по щекам, глаза застилала слезы. Земля сырыми струями понеслась назад, и под ногами разверзся мир, синий и глубокий. Под ним была бездна озера.

Держась одной рукой за канат, он нагнулся и поднял Анфису на доску. Но и теперь девушка все еще сжимала канат руками.

Доска нехотя уменьшила размахи. Парни внизу поймали ее, и доска остановилась, скрипнув в последний раз канатами. Виктор бережно разжал пальцы Анфисы и, подняв девушку на руки, прыгнул на землю. Он стоял в кольце притихших людей не шевелясь, не имея силы опустить девушку на землю.

Анфиса глубоко вздохнула и открыла глаза. В них заметался запоздало ужас и тотчас сменился удивлением. Она увидела склонившееся к ней лицо Виктора. Щедрой улыбкой ответила она на его тревожный взгляд. Он тоже улыбнулся смущенно и разжал руки. Анфиса встала на землю, сделала шаг в сторону и остановилась.

— Отслуга за мной, — тихо сказала она, потом быстро выдернула из косы ленту и протянула Виктору. — А ленту в задаток возьми.

Она отошла, смешалась с толпой девушек, а он все еще искал ее глазами.

— Страшновато было? — серьезно спросил подошедший капитан.

— Страшновато, — просто ответил летчик. — Будто подо мной в полете сиденье провалилось.

Они хотели идти, но дорогу им кто-то заступил. Виктор поднял глаза. Перед ним стоял стрелецкий голова Остафий Сабур.

— Лих ясный сокол, враз белую лебедь закогтил! — дергая губами, свистяще сказал голова. — Подожди, сокол, скоро и сам на стрелу напорешься!

Невыносимая, давящая злоба стиснула дыхание Виктора. «Ударю! Сейчас ударю эту гадину!..» Он шагнул к Остафию, но крепкая рука остерегающе легла на его плечо. Он знал, чья это рука.

Они пошли, даже не оглянувшись, смотрит ли им вслед Сабур. Капитан сказал:

— Зарубил бы нас Остафий, да держит его за руки кто-то.

— Ждут они кого-то, — помолчав, ответил Косаговский. — Тогда и расправятся с нами.

— Ждут! И нам ждать приходится.

4

Виктор долго сидел в одиночестве на камне у поповских ворот. Капитан и Сережа уже спали. Истома притих в своей боковушке.

Ночь шла по земле, а со Светлояра все еще доносились песни. Далекие голоса звучали задумчиво и нежно. Ярилина ночь томила, все кругом изнывало от избытка жизни, все пело и любило. И в душу Виктора хлынула ликующая радость, ощущение приблизившегося огромного счастья.

Он ушел в избу, когда смолкли песни Ярилиного поля. Лег на лавку, но заснуть не мог. Улыбался чему-то в темноте.

На дворе залаял вдруг злобно Женька. Кто-то осторожно ощупывал дверь.

Летчик приподнял голову, прислушиваясь. Дверь медленно открылась. В избу вошел человек, неся перед собой фонарь с толстой яркой свечой. Виктор закрыл глаза, притворившись спящим. Ночной гость на цыпочках, крадучись, подошел к лавкам. Виктор не двинулся, следя приоткрытыми глазами. Он чувствовал, что человек с фонарем вошел не один, что в темноте прячется еще кто-то.

Летчик рывком сел:

— Кто там прячется? Покажись. Ну?!

— Замолчь! — прошипел державший фонарь. — Ложись! Зарублю!

На полотах ворохнулся и стих поп Савва. Капитан и Сережа спали, слышалось их ровное, глубокое дыхание.

Виктор не лег, остался сидеть. Фонарь поднесли к его лицу. Он отшатнулся. А фонарь покачивался перед его глазами. Кто-то, таящийся в темноте, внимательно разглядывал лицо Виктора.

Фонарь дрогнул и опустился. Ночные гости отошли к двери, остановились там, перешептываясь. Вдруг стало темно. На свечу в фонаре дунули. Скрипнула дверь, а на дворе снова зарычал, заметался Женька. Но вскоре и он стих. Только тараканы шелестели в темноте.

А затем послышалось движение на лавке, где спал Ратных. Виктор понял, что капитана тоже разбудили ночные гости, но он притворялся спящим. Еле слышно, опасаясь попа на полотах, Виктор шепнул капитану:

— Пришел тот, кого ждали в Детинце.
Капитан молчал.

Глава 12

ЧУЖ-ЧУЖЕНИИ

Лирика? Не нужна!
Чувства да будут немы
Перед лицом авантюрной темы.

И. Панов, «Человек в зеленом шарфе»

1

После яркого солнечного дня пришла тихая прохладная ночь. Из глубины рощи тянуло росистой лесной свежестью. На темном ночном озере плавали огни. Там рыбаки

лучили рыбу. Сладко и томно стонали лягушки в озерных заводях, утомленно и печально вскрикивал дергач на полях, хрипло лаял горный волк, подобравшийся к городским заставам.

Из-за сопок выглянула луна. Все было торжественно и спокойно под высоким небесным куполом. В городе закричал петух, ему ответил другой, и пошла переключка из посада в посад.

— Вторые кочета пропели. Пора мне.

— Погоди хоть полчаса.

— Погожу. Сил нет уйти от тебя. — Анфиса подняла глаза на небо, прижимаясь щекой к плечу Виктора. — Месяц-батюшка куда взобрался, на какую высь! Поди, и Москву видит.

— А ты хочешь Москву видеть?

Анфиса помолчала, кутаясь в шубу.

— Как не хотеть? Москва всем русским людям в сердце вросла.

— Уйдешь со мной на Русь, Анфиса?

Девушка потерлась щекой о его плечо и промолчала. Не дождавшись ответа, Виктор сказал горько:

— Не отвечаешь. Не любишь ты меня!

— Не люблю? — строго посмотрела на него девушка и заговорила сильно и страстно: — Ты свет мой, ты радость моя! В ковшике воды выпила бы тебя, вот как люблю! Чуж-чуженин ты, а вошел мне в душу. Слушай, маловерок! Дала я тебе ленту из косы, а это все едино как обрученье. А теперь дай руку.

— Какую? Вот обе, выбирай.

— Знамо, правую... Гляди, сама надеваю тебе напалок мой. Теперь обручены мы. Веришь теперь? Глянь, как играет камешек, пылает он, как любовь моя к тебе!

Анфиса подняла руку летчика и подставила ее под лунный свет. На перстне горел большой гранат, темный, как

сгусток крови. Поймав лунный луч, он выбросил его обратно пучком густого, темно-красного огня.

— Перстень этот прадеды мои из мира принесли. Княжеский или боярский, поди, перстень. А тебе пусть он будет вечной памятью обо мне. Вечной...

— Ты словно прощаешься со мной! — тревожно сказал Виктор.

Она долго молчала, запрокинув под луной побледневшее лицо. В глазах ее, ставших черными, были нежность и тоска, по щекам катились слезы.

— Не будет нам счастья, любимый мой. Ветха Нимфодора, скоро и мне под черный шлык с черепом и костями. Лучше сразу в сырую могилу.

Виктор обнял Анфису за слабые, вздрагивающие плечи, крепче прижал к себе.

— Борись, Анфиса, отказывайся от черного шлыка! Неужели и насильно постригут тебя? Отца проси, есть же у него сердце!

Анфиса покачала печально головой.

— Батюшка — сухой души человек и тяжкого ума. И до власти жаден. Нет, батюшка мне не заступа. И никто не заступится за меня. Крепче камня древние наши законы и обычаи!

Анфиса замолчала, не утирая со щек застывшие на них слезы. Лицо ее осветилось нежностью.

— А ты, лада моя, уходи отсель скорее. И братика своего уведи. Видела я его. Все мячик ногами мутузит. Славный такой! И ресницы у него, как у тебя, пушистые, будто бабочки-мотыльки. Схватила бы его, зацеловала!.. Уходи! Нехорошо у нас в Ново-Китеже стало. В последние годы, как принялись здесь белое железо копать, страшно у нас. Даже в доме родном страшно!

— В доме страшно? — насторожился Виктор. — Почему?

— Доподлинно не знаю, а сердцем чую... Есть у нас в хоромах горняя светелка, и в ту светелку батюшкой и старицей не только входить всем запрещено, но и близко к ней подходить нельзя. Под угрозой плахи запрет наложен. Один старик Петяйка, ключник батюшкин, в ту горницу ходит, еду носит и питье.

— Кто же там поселился?

— Не спрашивай, ничего я не знаю, а сердце чует недоброе. Вот что у нас зимой случилось. Девушка сенная, подруженька моя Феклуша, услышала в горнице той дивную музыку, и пение мужское, и пение женское. Мало того, разговоры слышала, будто в горнице полно людей. Рассказала мне об этом Феклуша. Я ей запретила с другими людьми про музыку и голоса говорить, а она, дурища, к Петяйке с расспросами полезла: что, мол, за диво, чьи голоса и чье пение? И в сей же час Феклушу, по рукам и ногам связанную, на подводу бросили и умчали! Куда? Не знаю. И никто не знает. А жалко мне ее, Феклуху мою несчастную.

— Все? — взволнованно спросил Виктор. Он вспомнил ночной визит таинственных гостей.

— Еще не все. Я сама видела. Издаля, правда. — Анфиса вздрогнула. — По темным переходам крадется, в темные углы жметя. Высокий, тонкий, как жердь. Голову, сбывчившись, держит.

— Лицо его видела?

— Что ты! Наверное, умерла бы со страху. В спину только видела. Одет богато, в синюю парчовую ферязь.

— Когда ты его видела? Давно?

— Недавно. Дён пять назад. Погоди-ка... После Ярили-на поля, вечером. Точно!

— А раньше не встречала его?

— Раньше не встречала.

— И сейчас он в ваших хоромах прячется?

— Этого не скажу. Не видела я его более. Один только раз видела... Ой, кто это? — испуганно вскрикнула Анфиса, прижавшись к Виктору, но, взглядевшись, встала не спеша, сказала холодно и отчужденно: — Ты, Истома? Что по ночам бродишь? Или подсматриваешь за нами?

2

— Беги, Виктор! Беги не мешкая! — шагнул Истома к летчику. — Ближе они, от Светлояра сюда поднимаются!

— Кто поднимается?

— Остафий Сабур, с ним стрельцы. Остафий за Анфису на тебя злобится.

— Уходи, родимый! — встревоженно сказала Анфиса.

— Уйти? Тебя бросить на расправу Остафию? — возмущенно крикнул Виктор.

— Кто посмеет тронуть посадничью дочку? — гордо выпрямилась Анфиса. Не таясь, припала к его губам долгим поцелуем и оттолкнула. — Беги же, безумный!

— Мы недалеко уйдем. Спрячемся. Опасать Анфису будем, — шепнул Косаговскому Истома.

Они отошли недалеко и спрятались в кустах, за толстыми стволами берез. Им виден был светлый силуэт Анфисы, замершей в тревожном ожидании.

— Ишь как сказала: подсматриваешь за нами, — страдаяще заговорил Истома. — Верно сказала — подглядывал! Боюсь за вас обоих. Тебе верная плаха, коли застигнут тебя ночью с Анфисой. Она старица будущая. И ей большая беда будет. Нимфодора жалости не знает. В Детинскую башню заточат на вечные времена, а могут и кнутом на толчке бить. Анфису... голубку... кнутом! Я жизнь за нее отдам! — измученно и страстно крикнул Истома.

Он припал лбом к стволу березы и долго молча стоял так. Потом рывком откинулся и оперся о ствол спиной.

— Кто любит, тот надеется. Надеялся и я. А пришел ты, чуж-чуженин, и взял ее сердце. — Быстрым движением Истома встал близко к Виктору, лицом к лицу, глаза в глаза. Сказал стеснительно и сердечно: — Ты худо про меня не думай. Ты мой душевный брат, злобиться на тебя не буду. Я вижу, крепкая у тебя к ней любовь, дай бог всякому такую. А мне, видать, заказано счастье...

Юноша неожиданно смолк. Около светлого силуэта Анфисы темной тенью встал стрелецкий голова. Он начал что-то говорить, то поднимая руки над головой, то протягивая их к девушке. Ночной ветерок принес его горячие слова:

— Жемчужина моя перекатная... Ты на сердце у меня, как на ладонюшке. Пожалей!..

Остафий схватил Анфису за руку и грубо притянул к себе.

Виктор рванулся, но Истома успел схватить его сзади за плечи и потянул назад. Летчик бешено обернулся, отбросил его руки и увидел, как Анфиса наотмашь ударила Остафия по щеке. Слетела на землю его атласная шапка. Стрелецкий голова откатнулся, рванул на груди кафтан и, сгорбившись, забыв на земле шапку, пошел в темноту рощи.

— Бежим скорее домой! — шепнул Истома. — Сейчас стрельцы по всей роще будут шарить!

3

В избе спали. Виктор разбудил капитана, кивнул на дверь. Они вышли во двор. Капитан сразу насторожился:

— В чем дело, Виктор Дмитриевич?

Летчик торопливо передал рассказ Анфисы о тайной горнице, о музыке и пении. Капитан поиграл бровями, подумал, сказал неуверенно:

— Может быть, патефон посаднику из мира принесли? Слушают Леонида Утесова и Любовь Орлову. Только и всего. А?

— Такой диковиной посадник на весь город хвастал бы, а не держал в тайне. А почему Феклушу увезли? А кто этот высокий, тонкий, в синей ферязи? Почему он таится по темным углам?

— Здесь на каждом шагу тайны и загадки, — беспокойно сказал Ратных.

— И вот еще над чем надо подумать. Анфиса увидела этого тонкого, длинного вечером после Ярилиного поля...

— А ночью после Ярилиного поля у нас были гости, — закончил его мысль капитан. — Да, тут надо подумать!

Женька, лежавший на крыльце, вдруг поднял голову и предостерегающе проворчал. Из-за избы вышел человек; на плече его лежала рогатина.

— Пуд вернулся! — кинулся к нему капитан. — Отвечай разом: с полем?

— С полем, Степан, с богатым полем, — засмеялся Волкорез. — Полные крошни дичины принесли.

— А где дичина?

— В Кузнецком посаде, в угольном сарае. Федор там хлопочет, с посадскими прячет. А вот и он сам!

Капитан не сразу узнал мичмана. Птуха был в лузанае, тоже с рогатиной на плече.

— Все в полном порядке, товарищ капитан! — устало доложил он. — Взрывчатка доставлена и надежно спрятана.

— Незаметно принесли? Никто не видел?

— А кто и видел, тайну нашу не узнает, — ответил Волкорез. — Будто дичь и кабанье мясо на толчок принесли. Завтра, кстати, базар большой будет, праздник всех святых.

— А как «Антон» себя чувствует? — спросил Косаговский.

— «Антон» жив-здоров, вам поклон прислал, — улыбнулся мичман и сразу стал серьезным. — Копался кто-то около «Антона», маскировку ворошил. Но осторожно, чтобы это незаметно было. А Волкорез заметил.

— Осторожной рукой копались, — сказал охотник. — Два человека там было.

— Кто это, как думаешь, Пуд?

— Не могу сказать, Степан. Покопались, пошатались около озера и в тайгу убрели.

— Может быть, из вашего брата, из лесомык, кто-нибудь?

— Не похоже. Хода не та. Наши так по тайге не ходят. Выследить их надо. Думаю я лесомык округ города открыто посадить. Не переймут ли они тех ходоков неизвестных?

— Обязательно сделай это, Пуд!

— Покоен будь, Степан. Я понимаю. Время ныне у нас тревожное.

Глава 13

НАВОЛЬШИЙ ЧЕРТОЗНАЙ

Жажда приключений снова ожила в мальчиках.

*Марк Твен, «Приключения
Тома Сойера»*

1

По всему земному шару прыгает, катится, летает тугой, звонкий футбольный мяч. В футбол играют на городских стадионах, играют в джунглях, в песках пустынь, в тропи-

ческих сивльасах, в сибирской тайге, в безбрежных пампасах. Играют в футбол эскимосы, не снимая меховых куклянок и сапог из шкуры моржа. А в Боливии самозабвенно гоняют футбольный мяч на плоскогорьях Анд, на высоте 4000 метров, на высоте Монблана. В футбол играют на всех континентах, под всеми широтами, в любом климате, играют все нации и все возрасты, за исключением грудных младенцев и дряхлых стариков. Это игра всех народов, всего человечества. Многоголосый гул стадиона дорог нашему сердцу, как первый весенний гром.

Ворвался футбольный мяч и в богоспасаемый невидимый град Ново-Китеж. И можно точно установить, как создавалась в Ново-Китеже первая футбольная команда. Ее создал Сережа из посадских мальчишек, и увлечение игрой было быстрым и бурным. Мальчишки разом забросили прежние игры — бабки, чижа, лапту, казло-мазло, свайку, кубарь — и ринулись гонять мяч. В Кузнецком посаде на большой лужайке закипели футбольные страсти. Маленькие футболисты в обвисших штанах, в развевающихся рубашках, в лаптях, а иные и босиком носились целыми днями по лужайке.

Сережа организовал только одну команду, в Кузнецком посаде, но по ее образу стихийно, за какую-нибудь неделю, возникли команды и во всех других посадах, даже в далеком Усолье. Начались соревнования.

Влетел футбольный мяч и в крепостные ворота Детинца. Сначала детинские ребята ходили в посады смотреть на диковинную игру, а там и сами стали играть. В этой игре, как на войне, сражаются стан против стана, в ней простор лихому молодечеству, ловкости и удали. Появились две команды (не в одни же ворота играть) и в Детинце: команда детей верховников и команда стрелецких детей. Играли на просторном посадничьем дворе, а из окон светлиц и теремов, с крылец и галереек смотрели многие зрители на

молодецкую потеху. Победителей девушки награждали орехами и пирогами. А вскоре возникла и заманчивая мысль оразиться игрокам посадским и детинским. Посады против Детинца, истинное ратоборство! И послал Детинец вызов посадам: «Ежели вы, посадские, не трусы, выходите биться с нами!» Сережа собрал ребят и пошел с ними в Детинец, понес ответ на вызов: «Мы не трусы. Пощады от нас не ждите, и у вас пощады не попросим. Биться будем послезавтра на лугу, что в начале Кузнецкого посада. Команду соберем из игроков всех посадов. Согласны?» Детинские ответили: «Добре! Придем послезавтра на луг, что в начале Кузнецкого посада. Наша ватага тоже сборная будет, ребята верховников и ребята стрелецкие играть в ней будут». — «Сборная «Посады» — сборная «Детинец»! — уточнил Сережа. — Ловко получилось!»

2

Из Детинца футболисты пошли на Светлояр купаться. На ходу обсуждали будущую игру.

— Лучше бы у них в Детинце играть. Стадиончик у них приличный, получше нашего, — вздыхал завистливо Завид. — Ворота рыбацкой сетью обтянуты.

— У нас в Кузнецком не хуже! — сердито откликнулся Юрята, сын кузнеца. — Мы батек попросим, они нам ворота железными листами окуют.

— И командочка у них приличная, — снова затянул Завид. — Средний нападающий у них хорош, стрелецкий сын. С поворота под штангу бьет! Технический игрок, ничего не скажешь.

— Заучил мирские слова — техничный! — презрительно протянул Юрятка. — Твой техничный стрелецкий сын мимо нашего Вукола ни в коем разе не пройдет. Молчи уж! Влепим послезавтра детинским сухую.

Подбежав к берегу, ребята на ходу начали сбрасывать рубахи и штаны. И вдруг Митьша Кудреванко сказал робко:

— Я тута купаться не буду.

— Почему? — удивился Сережа.

— В бунташный год туточка Нимфодора казенных посадских людей топила, товарищей Василия Мирского. Нырнешь, а он тя за ногу! И после смерти, мол, спокою не даете.

Ребята испуганно посмотрели на воду. Мутная, затянутая ярко-зеленой, толстой, как ковер, ряской, она и при солнечном свете казалась жуткой. Отошли от берега и разлеглись на траве, в тени густого плакучего ивняка.

Сережа лег, положив под голову мяч. Над ребятами столбами вились, нудно ныли и жалили комары. Сердито хлопая по лбу и щекам, Сережа пожаловался:

— Ох и комаров же у вас!

— «У вас!» — передразнил Сережу Юрятка. — Аль ты еще не наш?

Сережа перекатился на бок и с новым, до сих пор неизвестным чувством посмотрел на ребят. А верно, кто он для этих ребят: наш или не наш? А они для него? Митьша, например? Еще недавно Сережа и не подозревал, что есть на свете Митьша Кудреванко, а сейчас Митьша такой же верный друг, как Колька с Забайкальской. В ногах у Сережи растянулся, подперев кулаком голову, драчливый, бешено храбрый Юрятка. Тоже парень первый сорт! Рядом с Юряткой лежат смешливый, плутоватый Иванка и простодушный, доверчивый Тишата. А плоские голыши по воде пускают, делают «блины», деловитый, рассудительный Вукол, лучший защитник команды, и тощенький, но верткий Завид с болячками на губах. Завид всегда кусает губы от зависти, всем завидует: и тому, кто в бабки выиграет, и кто больше на воде «блинов съест», и кто больше голов забьет,

пусть хоть и своей команды игрок. И Васюка, Костюша, Добрыня, Третьяк тоже ребята на все сто! Еще недавно они бегали за Сережей с гиком и свистом, бросали в него камнями и сухими «коровьими котьяками», кричали хором: «Мирской поганец!.. Чертознай!.. Безвер!..» — а теперь все они для Сережи «наши», и он для них «наш», свойский. Вот сколько у него теперь друзей!

Подрав ногтями нестерпимо зудящую от комариных укусов кожу, Сережа сел, громко вздохнул и сказал мечтательно:

— Ох и жарко! Газировки с сиропом хлопнуть бы стаканчик! Или эскимо пососать. Вот бы!

— А чего это такое — газировка? — спросил не терпевший неясностей Вукол.

— Газировка что такое? М-м-м! — замычал Сережа, закатив восторженно глаза. — А эскимо... м-м-м!

— Замычал, как корова! «М-м-м» да «м-м-м»! — кинул через плечо недовольно Юрятка. — Молчи уж!

— Нет, пушай про газировку скажет! — уперся на своем Вукол.

Немножко важничая и немножко зазнаваясь, Сережа рассказал ребятам о газировке с сиропом, об эскимо, а заодно и о кино. По глазам ребят видно было, что они удивлены до крайности: на холстине живые люди бегают и говорят. Но все же поверили Сережиному рассказу, и только Завид сказал насмешливо:

— Ох и брешь ты, аж мухи чихают!

Но всем верящий Тишата сказал доверчиво:

— Ан и не брешет! Мирские против тебя, Завидка, вдесятеро знают. У них голова вон как разработана!

— Знаем, как разработана! — подковыристо ухмыльнулся Юрята. — Про звезды-лампады он чего нам плел?

Сережа покраснел. Случилось это в ночном, где Сережа

вместе с ребятами пас посадских лошадей. Глядя на звезды, Тишата сказал благочестиво:

— Истинно чудо божье! Звезды — лампадки божьи, их ангелы зажигают и по небу развешивают. А имена тех ангелов ведомы тебе? — повернулся он к Сереже. — Нет? И чему только вас, мирских учат? Слушай и запоминай. Зовут тех ангелов Самуил, Агасил, Рафаил и Уриил.

А Сережа начал презрительно смеяться, затем пустился снисходительно объяснять, что звезды не лампы, а небесные тела и что никто их не зажигает, а светятся они сами, как солнце.

Ребята вдруг нахмурились и отодвинулись от Сережи.

— Ангелы звезд не зажигают? — серьезно спросил Вукол. — Ох, Серьга, выплет тебе господь бог на орехи!

Сережа насмешливо свистнул:

— И нет! И не выплет! Чихал я со свистом на этого бога!

Тогда и Завид вмешался, усмехнулся злорадно:

— За такие слова попы тебя на толчке сожгут. Не лай, поганец, на бога!

— Да нет никакого бога! И ангелов нет! — сердито закричал Сережа. — Это поповская брехня! А вы, чудики, верите!

Вот тогда-то ребята и задали Сереже лупцовку. И даже Митьша не вступился за него; глядел страдальчески, как мутуют друга. Только верный Женька начал было рвать на ребятах портки, но и того отхлестали прутьями. Но, проучив Сережу за богохулие, ребята, дружить с ним не перестали и на другой же день жадно слушали рассказы Сережи о мирской жизни и о мирских чудесах.

А более всего интересовали новокитежских ребят рассказы прочитанных Сережей книг. В этих захватывающих дух рассказах о приключениях и подвигах они верили каждому Сережиному слову. Они мчались на бешеных ковбой-

ских конях по пампасам вслед за жутким всадником без головы; скакали по солнечным равнинам старой Франции рядом с тремя отважными мушкетерами; выслеживали вместе с «красными дьяволятами» махновские банды и вместе с Чапаевым рубили белогвардейцев, таких же злодеев и мучителей, что и в Детинце сидят и морят посадских на огульных работах в Ободранном Логу.

Но дикий восторг охватил ребят, когда рассказал им Сережа о Тарасе Бульбе. Ну и лихо же дрался за русскую землю могучий полковник! Но вот запылало сухое дерево, к стволу которого был привязан цепями старый Тарас, и горячий Юрята взволнованно стукнул кулаком по земле:

— Вот был человек! К нам бы его, в Ново-Китеж! Мы бы тогда...

И, не найдя слов, снова ударил в землю кулаком. Остальные ребята молчали задумавшись, потупив стриженные под горшок головы.

3

Молчание прервал Завид. Он сказал задиристо:

— Соловьи до петрова дня поют, а твоим, Серьга, песням и в сочельник конца не будет. Долбишь, как ворон в кочку: у нас в миру да у нас в миру! Будто только у вас в миру чудеса бывают. И в Ново-Китеже чудес хоть в кузов огребай!

— Какие чудеса? Поповские? Э! — презрительно отмахнулся Сережа.

— Не поповские! Кузнецов наших возьми. Ведомые колдуны и чертознаи! Крестины, свадьбы, смертоубийство — все от кузнецов. Крест нательный, кольцо обручальное, венец венчальный кто ладит? Кузнец! А нож засапожный, душегубственный кто кует? Все он, кузнец! Умудрил бог слепца, а черт кузнеца. Кузнец что хошь скует!

— Староста кузнецкий Будимир Повала все, кроме глаза, скует, — деловито вставил Вукол.

— Слуш-ко, — перешел на шепот Завид. — А набольший чертознай у нас в Детинце живет, у посадника в хоромах.

— Эко врет! — засмеялся Иванка.

— И чтоб мне почернеть, как та мать сыра земля, коли вру! — крикнул, дергая по-воробыиному головой, Завид.

— А ты его видел? Какой он? — надвинулся на Завида Юрятка.

— Эва! Захотел! Аль у него шапки-невидимки нет?

— Так это же сказка — шапка-невидимка, — сказал Сережа.

— Все ты знаешь, аль сорочьи яйца ешь? — презрительно сощурил глаза Завид. — Не сказка, а сущая был! Он в посадничьи хоромы в окошко кукшей влетает и вылетает. Его видеть нельзя, только слышать можно.

— Чай, один ты и слышал, — плутовато усмехнулся Иванка.

— Я-то слышал, еще как слышал! — закипел от волнения и радости Завид. Теперь ему, а не Сереге все внимание ребят. — Ходили мы с тяткой молиться в детинский собор, а я после обедни возьми да и спрячься в посадничьем саду. Крыжовник у посадника обломанный! Огребаю я крыжовник и слышу в горнице у посадника играют и поют. Окно открыто было, а под окном дуб. Я полез на дуб, подтянулся до окна, гляжу — горница пустая, а играют на трубах и на скрипцах. У нас такое не слыхано! Потом мужик запел, чуть погодя баба, и многоголосьем пели. Не божественное, не церковное, а таково весело-весело! А в горнице пусто. Нечистая сила, явное дело! А потом колокола зазвонили. Вот так: дин-дон-бом! — искусно и точно передал Завид бой башенных часов.

Глаза Сережи изумленно округлились. «Это же Спасская башня! Радиоприемник в Ново-Китеже? Надо же!»

— А ты не врешь? — подошел он к Завиду.

— Ей-богу, правда, крест на мне! — закрестился Завид, вытащил из-за пазухи нательный крест и поцеловал его.

Сережа взволнованно перевел дыхание. Вот оно — настоящее приключение! Пробраться в Детинец и узнать тайну радиоприемника. Это не в книгах вычитанное, а настоящее приключение, настоящая опасность! Он взволнованно поколупал нос и сказал решительно:

— Значит, так! Есть важное дело, братья-казаки. Пробраться в Детинец и узнать, кто играет да поет в доме посадника. А еще хоть одним глазом поглядеть на вашего главного чертозная.

— Любо! Такое мне по душе! — закричал Юрята.

— А стрельцы в воротах схватят? — сказал рассудительно Вукол. — Ищи тогда в заду ноги. От портков пугвы отлетят!

— Скажи мамке, чтобы пугвы к порткам крепче пришивала. Храбрун! — с суровым презрением посмотрел на него Юрятка. — А мы через ворота и не пойдем — мы через Пытошную башню пойдем.

— Ой, что ты, Юрятка! — поежился быстроглазый Иванка. — Страсть какая!

Юрятка лихо цыкнул сквозь выбитые зубы:

— И этот спужался! В башне волоковое окно есть, дощатой заслонкой задвигается. Ту заслонку снаружи легко поднять. Знаете, чай, што из этого окна по желобу спускают?

Ребята испуганно переглянулись. Они знали, да и кто в Ново-Китеже не знал, что из волокового окна башни спускали трупы посадских, запытаных палачом Суrowцем. Новокитежане приходили к башне ночами, уносили своих убиенных родных и тайно хоронили — без креста, без молитвы, без ладана, без всего, чем могила крепка.

— А Суровец в башне захватит? Излупит! — опять начал приводить резоны осторожный Вукол.

— А мало нас дома лупят? — мрачно сказал Митьша. — Коли излупит, мы ему, стерве, потом въедем по рылу навозным котяком!

— Я не пойду, — подался назад Тишата. — Мертвяков боюсь.

— И не надо! — отстранил его ладонью Юрятка. — Ты только в избе на полатах храбрый.

— Голосуем, братья-казаки! — вмешался Сережа. — Кто за мою резолюцию, чтобы идти в Детинец, прошу поднять руку.

— Годи, Серьга, — остановил его Юрятка. — Всем идти нельзя, заметно. Пойдут я, ты и Завид.

— И Митьша, — твердо сказал Сережа.

— Пушай и Митьша.

— А командовать парадом будешь ты, Юрятка.

— Чем командовать?

— Ну, атаманом у нас будешь ты.

— Это само собой! — важно оправил опояску Юрята. — Я, брат, всегда атаманом был. А тебе, Серьга, надо одежду сменить. За поприще¹ видно мирского.

Сережа в Ново-Китеже ходил все в том же летном шлеме, в ученических брюках и куртке. Правда, куртку он то и дело забывал на футбольных площадках.

— Я свои портки и рубаху принесу. Мамка как раз на плетне их сушит, — предложил Тишата.

— Бежи. И чтоб одним пыхом! — приказал Юрятка. — Мамке не попадись.

Тишата слетал одним пыхом. Сережа надел холщовую рубаху, посконные штаны, на голову надвинул валяный шляпок. Свою одежду зачихал в кусты.

¹ Поприще (устар.) — пространство, место для спортивных игр.

— К башне пойдут все, — распорядился Юрятка. — Будете нас под стеной ждать. А ежели заметите что недоброе, знак голосом дайте. Песни, што ль, орите или свистите. Ну, шагаем с богом!

Первым во главе отважного отряда побежал Женька.

4

Пыточная башня накрыла ребят своей мрачной тенью. Они остановились. Маленькая улочка была пуста. Без крайней нужды никто не ходил и не ездил мимо Пыточной.

Митьша, прислушиваясь, поднял обвислое ухо шапки и стал похож на умного, насторожившегося щенка. Но на улице, на крепостной стене и на башне не слышно было ни голоса, ни стука, ни скрипа. Только далеко на лугах звенело и скрежетало: косец правил оселком косу.

— Полезли, спасены души! — указал Юрятка на сбитый из досок широкий желоб. — Я первый!

Он вскарабкался на четвереньках по желобу, осторожно поднял заслонку, подставил, чтобы она не опускалась, припасенную палку и пропал в темном проеме окна. За ним поднялись и скрылись в окне Митьша и Завид. Сережа не поднялся и до половины желоба, как внизу раздался горестный вой оставленного Женьки. В окне показалось встревоженное лицо Юрятки.

— Дай ему хорошенько! — тихо и сердито сказал он. — Ишь вопит!

— Его нельзя бить, он гордый, он меня уважать не будет, — шепнул в ответ Сережа и шепотом приказал лсу. — Место! Лежать! Тихо!

Пискнув обиженно, Женька лег. Сережа прыгнул через окно в башню и опустил заслонку. Через маленькое зарешеченное окно, выходявшее на посадничий двор, видны

были только безоблачное небо и вершины деревьев. Сережа огляделся. Они находились в небольшой комнате.

— В каморе этой тех запирают, кого на пытку приволокут, — объяснил шепотом Юрята. — А терзают в самой башне.

Он открыл жалобно скрипнувшую дверь. Сережа поглядел через его плечо и увидел темные от копоти бревенчатые стены. Ребята боязливо вышли из каморы.

В нижнем ярусе Пыточной башни окон не было. В железном кулаке, вбитом в стену, горел, потрескивая, большой смоляной факел. Он жирно коптил низко нависший потолок.

При мутном, трепетном свете факела Сережа увидел под самым потолком толстую жердь и свисавшую с нее веревку с пучком ремней на конце. Под веревкой лежало толстое бревно, в нем торчал топор. С рукоятки топора свисало диковинное ожерелье: нанизанные на веревку острые костяные клинышки. У стены в образцовом порядке стояли и лежали: тяжелый деревянный молот, длинный круглый штык-кончар, пятихвостный ременный кнут и разнообразные клещи и щипцы — широкие, узенькие, тупые, острые, зубастые и с маленькими чашечками на концах.

— Знаешь, Серьга, где стоишь сейчас? — с недобрим, пугающим огоньком в глазах шепнул Юрята. — В застенке стоишь, в пыточной палате тож. Жердь видишь? То дыба. Свяжет Сурувец твои ручки белые за спиной вот этими ремнями, хомутом они называются, и потянет с помощниками за веревку. — Юрятка потянул веревку, жердь пронзительно взвизгнула, будто от дикой боли. Сережа вздрогнул и попятился. Юрятка мрачно усмехнулся. — У Сурувца не попятись. Вздернут ты на дыбу, и руки твои из плечей вывихнутся. Сладко? Это виска называется, а потом встряска будет. Меж связанных твоих ноженек быстрых просунет Сурувец, кат проклятый, вот это бревно, — продолжал

Юрятка с мрачной насмешливостью, — сам вскочит на него и плясать почнет. То и будет тебе встряска! И еще горшая мука есть. Иной на дыбе висит, а его кнутом бьют или железом каленое прикладывают, — лихорадочно шептал Юрята. — А ты, Серьга, чай, и одной встряски не выдюжишь. Кость у ты тонкая и мясы мягкие.

Сережа поднял глаза на дыбу, увидел себя висящим на дыбе, и корни его волос зашипало от ужаса.

— Не выдержу, — опустив голову, прошептал он.

— А тятка мой почти десяток встрясок осилил! — громко и гордо сказал Митьша. — На дыбу его вздернут, а он старицу и посадника еще пуше лаять почнет. Вот каков мой батяня!

— О твоём батяне разговору нет, — уважительно ответил Юрята. — Стожильный мужик и зело на детинских свирепый. А мирскому застенок, чай, в диковину. Тут, Серьга, ишо гостинцы есть. Клинушки эти под ногти загонят. Ишо репка есть, — указал Юрята на клещи с маленькими чашечками на концах. — Ими пальцы на ногах прищемят — запоешь матушку-репку!.. Ну ин ладно! Давайте из застенка выбираться. Дверь башенная только снутри запирается. Гляньте!

Юрята осторожно толкнул дверь. В мрачный застенок хлынул ликующий солнечный свет. Юрята выглянул и тотчас метнулся назад в башню.

— Палач! Суровец! — сдавленно шепнул он. — Прячься!

Налетая друг на друга, толкаясь и отпихиваясь, ребята кинулись в дальний темный конец башни и притаились там.

Башенная дверь распахнулась настежь. Вошел высокий, костлявый человек, длиннорукий, с маленькой кошачьей головой на широких плечах. Поверх кроваво-красной рубахи на нем накинута в опашку короткий траурно-черный кафтан. Палач подошел к своим инструментам и начал перебирать

их длинными обезьяньими руками. Он шептал при этом что-то под нос и часто крестился.

— Молитвы шепчет, — прошелестел еле слышно Митьша на ухо Сереже. — Не отмолит! Сколько душ загубил, сыроядец!

Неужели услышал палач шепот Митьши? Он быстро обернулся, и Сережа увидел страшные, белые какие-то глаза, без тепла, без жалости. Палач стоял, уставившись жуткими глазами в одну точку и шепча исступленно молитвы. Крик ужаса готов был вырваться у Сережи, но палач снова повернулся к своим пыточным орудиям, отобрал пяток и вышел из башни.

Ребята разом шумно перевели дыхание.

— Пошел свои щипцы да клещи точить, — с ненавистью сказал Митьша. — Чье-то живое мясо ныне терзать будет. Лют насчет душегубства!

Завид вдруг громко хныкнул:

— А ну вас совсем! Не пойду я дале. На улицу спущусь. Боюсь.

— Я те не пойду по сопатке! — Юрята сгреб в горсть рубаху на груди Завида и тряхнул так, что голова того мотнулась вперед и назад. — Иди, показывай, о каком дубе ты говорил! — закончил Юрята разговор крепким толчком в спину Завида.

Не подходя к двери, Завид указал на могучий дуб, ветвями закрывавший окно на втором этаже посадничьих хором.

— Эвон тот, рядом с голубятней.

— Тогда выходи. Все разом выходи! — скомандовал Юрята. — Митьша, иди последним, Завидку стереги. Не сбжал бы, поганец!

Ребята вышли из башни, быстро огляделись по сторонам и побежали к дубу. Юрята вдруг с разбега остановился и принялся истово креститься на соборные кресты. Митьша,

Сережа и Завид тоже круто затормозили и тоже начали усердно отмахивать кресты и поклоны. Они не понимали, для чего понадобилась Юряте эта опасная остановка.

Надо было быстрее бежать к дубу, забраться на него и спрятаться в ветвях. Но в следующую минуту они услышали мужские голоса и смех. От поварни к собору подходили два хмельных стрельца в распахнутых зеленых кафтанах.

— Эй, шелудивые, пошто пришли? — крикнул сердито один из стрельцов, останавливаясь против ребят.

— К вашим детинским мальчикам приходили, дянька стрелец, — поклонился низко Юрята. — На мячегон их звали.

— Зови, зови! — хохотнул стрелец. — Всыплют вам наши десяток сухих! Портки на поле потеряете!

Стрельцы ушли.

— И башка же у тебя, Юрятка! — проговорил восхищенно Митьша. — Враз ужом вывернулся!

— Цыц-те болтать-то! — одернул его заметно польщенный атаман. — Бежим теперь к дубу. Одним пыхом!

Сережа подбежал к дубу вторым. Юрята уже карабкался по ветвям. Сережа подпрыгнул, ухватил свисавший сук и тоже полез вверх. Ниже сопели Митьша и Завид.

Сережа и Юрята сели рядом на толстом суку. Окно горницы было на уровне их лиц, но его заслоняли мелкие ветви. Юрята раздвинул листву. В горнице, освещенной солнцем, на низком потолке засияла вся красота поднебесная: и солнце красное, и месяц ясный, и звездочки светлые, и радуга многоцветная.

— Лепота какая! Истинно как в раю господнем! — прошептал восхищенно Юрята. — Чать, Истома работа.

А Сережа, холодея от мысли, что он проникает в недобрую, опасную тайну, глядел не на потолок с поднебесной красотой, а на лавку, покрытую суконным полавочни-

ком. На ней стоял радиоприемник, а от него тонкий провод уходил к окну. Сережа проследил его глазами. Провод был выведен наружу и поднимался к вершине дуба, где была, конечно, спрятана антенна. Но таких приемников Сережа не видел раньше: небольшой металлический ящик, окрашенный в защитный цвет, а рядом цинковые шестигранные коробки.

Сережа отшатнулся, прячась в ветвях.

В дальнем конце горницы открылась низкая дверь, и в горницу, пригнувшись, вошел человек. Лицо вошедшего закрывал накомарник; одет он был в синий балахон без перехвата в талии и без ворота, с золочеными петлицами и крупными пуговицами из самоцветов. Расшитый золотыми нитками балахон блестел на солнце, как зеркало.

Человек в синем балахоне ударом ладони в раму открыл окно и, не снимая накомарника, начал глядеть в сторону собора. Затем поднял глаза к небу. «А если он опустит глаза? Господи, хоть бы на дуб не посмотрел! — взмолился мысленно Сережа. — Прямо не знаю, что будет тогда с нами. Суровцу отдадут. Пропали мы!..»

Сережа вздохнул облегченно. Человек в горнице раздраженно пробормотал что-то и, повернувшись, подошел к приемнику. Сдвинув вверх рукав, он посмотрел на запястье левой руки. «На часы смотрит! — удивился Сережа. — В Ново-Китеже ручных часов ни у кого нет!» Проверив время и не снимая накомарника, человек сел на лавку рядом с приемником и начал вертеть рычажки настройки. Затлелся зеленый «глазок» индикатора, зашипело, затрещало, потом зажурчала тихая музыка, медленное, ленивое танго. «Вот они, Завидовы скрипицы и трубы», — подумал Сережа.

— Молчат! — зло стукнул кулаком по лавке человек в накомарнике. — Где их черти носят? Неужели не прорвались? И не принесут? Тогда дело швах!

Он резко выключил приемник и вышел, крепко хлопнув дверью.

— Кто это был? — тихо спросил Сережа Юрята.

— Завидов набольший чертознай! — засмеялся Юрята. — Никакой это не чертознай, а из детинских кто-нибудь, из верховников. Видел, как богато одет?

— Про синий балахон говоришь?

— Балахон мужики носят, а это ферязь парчовая. Богатущий, видать, человек. Не иначе, на пир-столованье к посаднику пришел. А чего в ящике играло? Вот это так диво дивное!

— Это радиоприемник. Музыку откуда-то передали.

— Опять замолол свое, мирское! — недовольно махнул рукой Юрята. — Ты людскими, православными словами объясни.

— После как-нибудь, — ответил Сережа. — Слезаем, Юрята. Все, что надо, видели, и даже более того.

— Годи! — сказал Юрята. — Я на подоконнике углядел цацку красивую.

На подоконнике лежал нагрудный значок, какой — не разобрать: он лежал кверху оборотной стороной. Затрещал и качнулся рядом сук. Это Юрята, повиснув на одной руке, другой потянулся к окну и схватил лежавший на подоконнике значок.

— Теперь и слезать можно, — вися на суку, сказал он и крикнул негромко вниз: — Чеши, ребята, на землю! Чего дорогу загородили?

Спустившись с дуба, ребята то перебежками, то спокойным шагом пересекли посадничий двор, ворвались в Пыточную башню, влетели в камору, подняли заслонку и на задах лихо скатились на улицу. Первым к ним бросился Женька. Счастливо замирая, он ткнулся носом в колени Сережи. А вторым подбежал нетерпеливый Иванка.

— Чертозная набольшего видели? — переводя быстрые глаза с Юряты на Сережу, с Митьши на Завида, спросил он.

— За тем и ходили, — отдуваясь, важно ответил Юрята.

— В окно влетел? — заранее пугаясь, прошептал Тишата.

— У него спроси, — кивнул Юрята на Завида. — Ему лучше знать.

— Я ничего не видел, — растерянно улыбнулся Завид. — Я шибко спужался. Кукшей, чай, влетел, как положено?

— Вороной! — серьезно ответил Юрята и неожиданно захохотал. — Сам ты ворона полоротая!

Засмеялись и все остальные ребята — очень смешно было растерянное и обиженное лицо Завида.

— Постой, Юрята! — Сережа, гладивший Женьку, поднял на атамана глаза. — А что ты с окна схватил? Покажи.

Юрята разжал кулак. На его ладони лежал серебряный крест. На концах его были вычеканены буквы «Б. Р. П». А у ног распятого Христа чернела эмалевая свастика.

Сережа вздрогнул:

— Вот это да!.. Юрята, милый, дорогой, дай мне крест. Знаешь, как он мне нужен!

Глаза Сережи в пушистых ресницах просили, умоляли. Он потянулся к кресту, но Юрята быстро отвел его руку.

— На что тебе крест? Ты в бога не веришь. Ладно, давай меняться. Чего мне дашь?

— Стекло зажигательное дам. Видел, как оно огонь делает?

Юрята поплевал на крест, потер о штаны, полюбовался его блеском и сказал деланно равнодушно:

— Не. Ножик свой давай.

Сережа оторопел. Отдать нож? Свой чудо-нож?

— Фиг с маком! — возмущенно крикнул он. — А я без оружия останусь? Спасибо-преспасибо! А еще друг!

— Как хочешь. Сткло не нужно, на ножик поменяю, — прошепелявил Юрята.

И до чего же противно он шепелявил сквозь свои выбитые зубы!

— Юрятка, подлая душа! — возмутился Митьша. — Что ты Серьгу теснишь?

Юрята молчал, опустив глаза, и ковырял землю пяткой.

— Эх ты, буржуй! — обдал Сережа Юряту презрением. Вытащив из-за пазухи нож, он нажал кнопку. Выскочило узкое, длинное лезвие. Грустно посмотрел он в последний раз на свое сокровище и протянул нож Юряте. — Бери, жадина! И больше ты мне не друг.

— Эва, напужал! Али из твоей дружбы шубу сошьешь? Тьфу на твою дружбу! — с шиком плюнул Юрята.

Митьша вдруг густо покраснел, пропали даже его веснушки, размахнулся и вклепил атаману крепкий подзатыльник. Юрята быстро выкинул ногу и пнул Митьшу пяткой в живот. Кудреванко согнулся, схватившись за живот. Из глаз его посыпались крупные слезы.

— Карамба! Ногами бьешь? — закричал Сережа, замахаясь на Юряту.

Но тот ловко увернулся и огрел нового противника по шее. Сережа зашатался. И снова Митьша, еще со слезами на глазах, кинулся на выручку друга. Но на него сзади налетел Завид и сбил с Митьши ушанку. Сережа стукнул крепко Завида, Юрята стукнул Сережу, а через минуту они, все четверо, катались по земле в уличной пыли. Около них кружил рычавший и не знавший, кого цапать, Женька. А мягкосердечный Тишата жалобно кричал:

— Белены объелись? Расцепитесь, говорю!

Стрелец в зеленом кафтане, перегнувшись с детинской стены, ржал во все горло, глядя на ребячью драку.

Запыхавшись от стремительного бега, Сережа влетел в поповскую избу. С трудом передохнул и сказал от волнения басом:

— Знаете, чего я достал? Ни за что не угадаете!

Капитан, Виктор и Птуха с удивлением смотрели на его холстинную рубаху и посконные штаны. Сережа так спешил, что не снял одежину Тишаты.

— Вот, глядите!

Он, гордо улыбаясь, положил на стол крест. Три головы склонились над столом и разом поднялись. Все трое обменялись долгими взглядами.

— Беэрпэ! — прочитал Виктор буквы на кресте. — Братчики?

— Они! — кивнул головой капитан, твердо сжав губы. — Это их партийный значок. Где взял крест, Сережа?

— Там... — боднул Сережа подбородком и сразу пал духом. «Ну, теперь будет!»

— Где там? — спросил резко Виктор.

— Мы купаться хотели... А Завид вдруг говорит...

— Короче, Сережка, ближе к делу. Где ты взял крест? — строго свел брови Виктор.

— Ну... в Детинце, где же еще, — нехотя ответил Сережа. И снова загорячился: — Нет, вы погодите! А вы знаете, кого я там видел? У посадника в доме живет человек, одет в синюю ферязь, а лица его я не видел, он в накомарнике был. Высоченный, худущий, голову все время вот так держит! — сбылся Сережа.

— Что, что? — вскочил с лавки Виктор. — Вы слышите, Степан Васильевич?

Под глазом капитана дернулся живчик.

— Хорошо, человек в накомарнике, в синей ферязи, вы-

сокий, худой, и что же в этом особенного? — спросил он Сережу.

— А то особенного, что у него в комнате радиоприемник стоит...

— Который Феклуша слышала! — взволнованно воскликнул Виктор.

— Погодите, Виктор Дмитриевич. Радиоприемник в комнате стоит. Дальше.

— А дальше — часы у него. На руке.

— Радиоприемник и часы на руке? Спокойно, Сережа, перестань вертеться. Говори по порядку. Ну, начинай!

Торопясь и волнуясь, Сережа рассказал о Пыточной башне, о всех приключениях в Детинце, о комнате с расписанным потолком, о радиоприемнике, окрашенном в защитный цвет, о попытке человека в синей фэрязи связаться с кем-то по радио.

— Смотрите, какая штука получается! — перебил его капитан. — Ты видел, Сережа, японскую военнопольную радиостанцию. Передатчик и приемник. Двусторонняя связь! А пытался он связаться со своей бандой.

Виктор сидел на лавке, уперев локти в колени и покусывая сведенные вместе кулаки. Не отрывая губ от сжатых кулаков, сказал:

— Этот... сияя фэрязь, неделю назад приходил к нам ночью. Почему же он до сих пор не трогает нас?

— Тронет! Еще как тронет! — мрачно проворчал мичман и вытянулся по-строевому. — Какие будут приказания, товарищ капитан? Свистать всех наверх? Играть боевую тревогу?

Капитан, не ответив мичману, подошел к Сереже, взял его за оба уха и нежно, благодарно поцеловал мальчика в вихрастую макушку.

— Надо тебе, Сережа, на ночь уйти куда-нибудь. Где бы тебе переночевать?

— Я к Митьше Кудреванке пойду. Он напротив живет.
— Иди сейчас же к Митьше. И не приходи, пока не позволю. — И тогда только капитан обернулся к Птухе. — Отставить боевую тревогу. Но быть начеку, смотреть в оба! Я иду к Будимиру Повале. Пора начинать!

6

Ратных сидел на колоде и смотрел, как в грохоте молотов рождался ратный доспех для веселого и страшного бунташного дня. Днями и ночами стучал Кузнецкий посад кувалдами и молотками, звенел наковальнями, сопел мехами горнов и домниц. И не бабьи рогачи и сковородки, а булатные мечи и огнебойные пищали ковали теперь новокитежские кузнецы. И не овес на толокно толкли в посадах, а терли ручные мельницы мак ружейный, зелье стрельное, как называли в Ново-Китеже порох.

Мишанька Безмен схватил заложенную веревку, качнул, и мех сипло вздохнул. Пламя взлетело над горном, в кузне стало светлее. Будимир ущемил огромными кузнечными щипцами шелкавшую окалиной болванку и перенес ее на наковальню. И снова тяжело зазвенела под молотом наковальня, снова брызнули красные и золотые искры.

— Удастся ружьишко, чую! — кричал Будимир под грохот и звонковки. — Святое ружьецо! В праведном бою как молния будет разить!

Поковка на наковальне вытягивалась, и уже видно было, что это будет ствол длинного ружья. Будимир ударил еще раз и бросил в горн остывший ружейный ствол.

— День и ночь кузнецы стучат, боевую справу готовят, — сказал он, — а погляди со стороны — все спокойно. Будто и нет никакой свары меж Детинцем и посадами. Ходим друг около друга по-кошачьи, на мягких лапках. А драке меж нами быть, не миновать!

Капитан положил руку на горячее плечо кузнеца.

— Начинать бы надо, Будимир. Перекалишь плавку, угар, а не железо будет.

— Понимаю, хлебна муха. Придут посадские старосты, тогда и решим. Их жду.

А старосты уже пришли: Гончарного посада, Щепного, Рыбного и других. Потом пришли Пуд Волкорез и деревенский староста Некрас Лапша. Последним пришел Алекса Кудреванко и с порога сказал:

— Детинец собачьим нюхом бунт почуял, тоже начал готовиться. Стены крепостные глиной обмазывают, от поджогов. Пригнали в Детинец скот на случай осадного сидения, привезли муку с мельниц и сено с лугов. Мои дозоры заметили.

Алексе было поручено обложить Детинец скрытыми дозорами, следить, не попытаются ли братчики пробраться в Детинец.

— Следи во все глаза, Алекса, — обратился к солдату капитан. — Днем они не пойдут, а ночью попытаются прошмыгнуть.

— И ночью глядим, — успокоил его Алекса.

— Детинец тоже с нас глаз не опускает. Душан подглядчиков в посады посылает, вызнать, что делает и что говорит посадчина, — сказал гончарный староста. — Заметили мы.

Пуд Волкорез посмеялся жестким, сухим смехом:

— Не все возвращаются, коих Душан в посады посылает.

Все одобрительно покивали головами. В посаде видели Душанова подглядчика, который не вернется уже в Детинец. Стоял он мертвый, навалившись грудью на стену, а меж лопаток его торчала большая зверобойная стрела. Пробыла она шпиона насквозь и пригвоздила к бревнам.

Капитан обернулся к Волкорезу:

— А твои, Пуд, лесомыки так и не отыскали тех двоих людей, что на Отрочь-озере шарили и в тайгу ушли?

— Всю округу обыскали, все ущелины облазали — не нашли. Следы их к городу вели, два человека шли, а потом будто сквозь землю провалились!

— Не провалились, Пуд. Они, язви их, уже в Детинце сидят.

Капитан коротко рассказал посадским старостам о значке, принесенном Сережей, о человеке в синей ферязи, о своей уверенности, что этот человек — братчик, а вернее, их вожак.

— Он пытался вызвать сюда всю свою банду. И она придет в Ново-Китеж не сегодня-завтра. Ни одного дня нельзя больше ждать, товарищи!

— Помыслим, спасены души, — обвел Будимир всех взглядом.

— День за днем, будто дождь дождит, а когда же начнем?

— Чаша весовая стала к нам перетягивать. Еще бы обождать, она бы поболее перевесилась, — первый отозвался староста Щепного посада.

— Не дружны мы еще. Посад на посад поглядывает. Соединить силы надо супротив врага. А на это время надо, — поддержал его рыбацкий староста. — Недельку бы еще подождать.

— Ждать будем — сильнее не будем. Только время упустим. Я так мыслю, — несмело возразил Некрас Лапша.

— Эка сказали — ждать! — сердито хлопнул ладонями о колени Волкорез. — Зачинай брань, когда тебе любо, а не жди, когда врагу любо будет.

Кудреванко раздраженно тряхнул потными, прилипшими ко лбу кудрями:

— Василий Мирской ждал часу да и дождался могилы! И дружину его в Светлояре утопили. Этого хотите?

Он вскочил и забегал по кузнице.

— Погоди. Сядь, слушай, — поймал его за подол рыбацкий староста. — Биться люди будут от души, а уменья нет. Обучить их надо. И оружия у нас чуть, особенно огненного боя.

— Насадят топор на шест, вот те и секира, — поддержал староста Щепного посада. — А главная беда: в посадах у нас разобщенно и разноголосо. Собрать народ воедино надо, оповестить всех, чтобы готовились к заварухе и чтобы знали точно день и час, когда на Детинец кинемся. А на это опять время надо.

— Нельзя откладывать! — взволнованно сказал капитан. — Говорил я вам, что братчиков каждый день надо ждать. А с братчиками, вооруженными скорострельным оружием, нам не справиться!

— Никак не выдюжить! Я уже говорил это нашим дурням, — исподлобья посмотрел Волкорез на посадских.

— Будимир, что же ты молчишь? — отчаянно крикнул капитан кузнецкому старосте. — Говори, что делать будем?

Повала сидел задумавшись, запустив в бороду кулаки и опершись на колени. Глаза его блеснули в отсветах горна. Он медленно выпрямился, взгляд его стал твердым и строгим.

— Ждать нам опасно, хлебна муха. Жданье боком нам выйти может. Понимаем мы это, Степан. А ты то пойми, что не единодушен еще народ в посадах. Рядом живем, вместе пойдем, но не договорились мы еще. Рано костер поджигать, поленьев мало в костре, огня мало будет. А малым огнем не спалить нам Детинец.

— Когда же? — с тоской спросил Алекса.

— Не сегодня и не завтра, а неделю придется подождать, верно рыбак сказал. Старосты, поднимайте народ, сбивайте его в сотни, сотников выбирайте!

— Мбчи нет ждаты! — забывшись, крикнул Алекса. В хмурых его глазах были отчаяние и мрачная решимость.

— Не шуми, Алекса, подождем, коли надобно, — примирительно сказал Волкорез. — А ты как решаешь, Степан?

Все посмотрели на капитана, а он молчал. Захватив правой рукой пальцы левой, он тянул их один за другим. Суставы сухо хрустели. Покончив с одной рукой, взялся за другую. Когда хрустнул последний сустав, он сказал трудно:

— Против народа не пойду. Я — как все. Будем ждаты...

Разошлись по одному на ранней заре, о третьих петухах, когда начали дымиться городские избы.

Глава 14

ТАРАВАРСКАЯ ГРАМОТА

— И что же, вы сумели найти решение?

— С легкостью. В моей практике встречались шифры в тысячу раз сложнее этого.

Э. По, «Золотой жук»

1

Тревожная была ночь. То и дело просыпались, прислушивались, не пришел ли капитан из Кузнецкого посада. Когда солнце поднялось высоко, вышли во двор. Вскоре пришел из боковушки Истома и подсел к Виктору на зава-linkу. Поп Савва еще ночью уплелся в тайгу, в таежные деревни, на заработки — на похороны, свадьбы и крестины. Птуха сидел на ступенях крыльца и бил свирепо комаров. Звонко хлопнул себя по шее, сказал сердито:

— Двадцать третий! Кошмар! — Взял убитого комара за ножку, посмотрел и покачал головой. — Малюсенький, а грызет, как волк!

— Дались тебе комары! — недовольно посмотрел на него Истома. — Ты вчера начал рассказывать, как жить в Ново-Китеже будут, когда мирские сюда придут. Говори дальше.

— Двадцать четвертый! — хлопнул по лбу мичман и сказал: — А что дальше? Чем дальше, тем лучше. Все в Ново-Китеже по-новому будет. В Детинец горсовет въедет, в соборе клуб советслужащих разместится, в Пыточной башне будет музей проклятого прошлого, семнадцатого века. По улицам, конечно, автобусы пустим. Маршрут номер первый: Детинец — Кузнецкий посад.

— Ты о людях говори. Как наши люди жить будут? — перебил его Истома.

— Ха! Мне просто смешно! «Как люди жить будут!» Конечно, хорошо будут жить. Ты, например, будешь рисовать портреты передовиков производства и копии шишкинского бора с медвежатами для нарпитовских точек, а деда твоего на автобазу определим. Будет он бензин воровать, в тайниках прятать, а потом в кабаках на полугар менять.

Он вскочил, услышав шаги. Поднялись Истома и Виктор и уставились тревожными глазами в лицо вошедшего во двор капитана.

— Что решили, товарищ капитан? — подскочил к нему Птуха.

— Решили ждать, — ответил хмуро Ратных.

— Это окончательно?.. Или как? — растерялся мичман и взмолился: — Не тяните из нас клей, товарищ капитан!

— У вас, моряков, есть, мичман, такая команда — поворот все вдруг?

— Есть такая команда. Ну и что?

— А в Ново-Китеже время для такой команды еще не

пришло. Народ тогда непобедим, когда единодушен. Когда все вдруг навалимся! Будем ждать, это окончательно.

Птуха тяжело вздохнул, пожал плечами и развел руки.

— Истома, идите к Кудреванке и позовите сюда Сережу. Побыстрее! — сказал капитан. Истома побежал через улицу. Капитан продолжал: — Мы уходим в Кузнецкий посад. Теперь нам остерегаться надо.

Истома вернулся на двор и сказал:

— Нет Сергуньки дома. Они с Митьшей за малиной в тайгу ушли.

— Не вовремя! — недовольно нахмурился капитан.

— С этим чертенком никакого сладу нет! — раздраженно заговорил Косаговский. — Уходит, когда ему вздумается, не спросясь, приходит, когда захочет. Ох и будет же ему!

— Гляньте, Митьша Кудреванко сюда пылит! — спокойно сказал Истома, вглядываясь в конец улицы. — Вон как бежит. Не случилось ли чего?

Митьша, еле различимый в клубах поднятой им пыли, начал кричать издалека:

— Мужики, скорей!.. Перехватывайте!..

2

Ребята вышли на поляну, нагретую солнцем, и сразу обдало их густым малиновым духом. Непролазный малинник был сплошь усыпан ягодами. Начали обирать их, три в рот, одну в кузов, но где-то близко закричали девки, а потом завизжали ужасными голосами. Девки высыпали на полянку с теми же визгом и криками.

— Задери их волк, мокрохвостых! — ругнулся Юрята. — Всю нашу малину оберут... Чего орете, девки? Лешего встрелили?

— Хуже! На самого хозяина натакались! — закричали вразной девки. — Ох и страшный, ребятки!

— На медведя? Где?

— Рядышком. Вынес его нечистый! Матерущий! На дыбках идет да как рывкнет!

Рядышком, в гривастых, буйных зарослях дикого хмеля удушливо, сипло рывкнуло. Девки взвизгнули так, что закололо в ушах, и, побросав кузовки с малиной, кинулись врассыпную. Ребята убежать не успели. Из хмельника выдрался поп Савва. Он рычал и по-медвежьи мотал головой, огребая с лица и шеи облепивших его ос. Глаза его заплыли, лицо вздулось. Видно, он наступил где-то на осиное гнездо.

— Отвяжись, адово племя! — рычал он. — Истинно сказано в пророках: имя же им легион! Ребятё, обмахите меня ветками. Осва заела! Младени, спасайте вашего отца духовного!

— Ишо и от освы его спасай! — сказал зло Юрята и крикнул, дразня: — Поп Савва, худая слава!

— Палач дал попу калач! — закричал, издеваясь, Митьша.

— Попа и палача лупцуй сплеча! — заверещал Завид.

Ребята заскакали, запрыгали вокруг попа, высовывали языки, хрюкали, лаяли, кукарекали, блеяли.

— Младени, спасены души, не задерживайте меня! Не мурыжьте! — взмолился поп. — Спешу я.

— В кабак, чай, спешишь? — засмеялся Юрята.

— Грамотку важну несуй! — Поп значительно поднял палец. — Под самый золотой верх! Эвон куда!

— Награду, чай, большую получишь? — съязвил Юрята.

— Наградили уж! Как всегда, вином угостили. Они добрые. А вино ихнее — ух! Как богородицына слеза, чистое!

Только теперь ребята заметили, что поп пьян. Юрята снова засмеялся:

— А кто тебе в тайге письмо дал, кто вином поил: леший или шишига лесная?

— Какое письмо? Какое вино? — спохватился вдруг испуганно Савва. — Чего выдумываешь? Уши, стервец, оборву! И разговор у нас такого не было.

Поп пошел, пьяно покачиваясь. А Сережа говорил торопливо Митьше:

— Беги что есть духу на попов двор. Скажи нашим, чтобы быстро шли в Рыбачий посад. Надо попа перехватить и письмо у него отобрать. А мы пока его тут задержим. Беги, Митьша! •

Митьша надвинул на глаза треух и помчался. Сережа подозвал к себе ребят и, поглядывая на уходившего попа, сказал проникновенно:

— Братья-казаки, на вас вся надежда. Выручайте!

— Не тяни, говори! — нетерпеливо переступил Юрята. — Ну?

— Не пускайте, сколько можно, попа в город. Кружите его по тайге!

Айда, ребята! — широко взмахнул Юрята рукой и первый побежал вслед за попом.

— Отец Савва, не ладно идешь! — схватился он за широкий поповский рукав. — Тута медведь прячется.

— А не врешь, ухорез? — остановился поп.

— За враку бог наказывает, — благочестиво ответил Юрята. — На этом самом месте его на нас вынесло. Матерущий! На дыбки встал да ка-ак рывкнет!

Поп пугливо оглядывался и крестился.

— С нами иди. Мы тебе верную дорогу покажем. Ребята, ведите батю!

Долго ребята таскали Савву по чашам, полянам, горушкам. День испортился, закапало, потом приударил звонкий дождь. Холодные его струи отрезвили попа; он начал подозревать неладное, начал упираться, но ребята, ухватившись за рукава и подол подрясника, толкая в спину, тащили попа в новую чашу.

— Брысь, бесенята! — крикнул он неожиданно густо. — Отцам скажу! Портки спущу! Запору!

— Ладно, пустите его, — сказал Сережа. — Спасибо-преспасибо, ребята!

Сережа один провожал попа до Рыбачьего посада, пока не увидел Птуху, сидевшего на завалинке кружала. Подойдя, шепнул торопливо:

— Письмо несет в Детинец. Передали ему в тайге. А кто передал — не говорит, скрывает. Тут, дядя Федя, определенно какая-то кровавая тайна!

— Об чем речь? Конечно! — серьезно согласился Птуха. — Ты беги домой, доложи капитану обстановку. Быстро! Чтоб дым из трубы!

Сережа убежал, а мичман пошел навстречу попу.

— Кого вижу! Приветик! — весело раскинул он руки. — За такую встречу нужно по лампадочке раздавить. Пошли в таверну «Трех бродяг», вонзим по ковшу и увидим небо в алмазах!

Поп сплюнул:

— Ребята-бесенята по тайге затаскали. Рот пересох. Грядем! — махнул он бесшабашно и заорал: — Со страхом божьим и верою приступите!

Мичман обнял попа за плечи и потащил к шумному кабаку.

3

— Идут! — крикнул с крыльца Сережа.

На дворе послышался сердитый голос Птухи и весело-пьяное бормотание попа. Мичман, войдя в избу, снял фуражку, стряхнул с нее дождевики, сказал угрюмо:

— Как баталер, в дугу накачался. И темнит, собака! Один пишет, два в уме держит. Ребятам проболтался, похвастал, а теперь спохватился, пустяки говорит, о главном

помалкивает. «Савва — важная птица! Сейчас под золотой верх пойду. Там меня рублем одарят!» Спрашиваю: зачем пойдешь? Не говорит. «Тайна сия велика есть!» — передразнил Федор попа и бешено блеснул белками. — Набью я ему сейчас вывеску, и все великие тайны из него высыпятся!

— Спокойно, мичман! — остановил его капитан. — О письме, значит, ни слова?

— Молчит о письме. Надо обшарить божью дудку. — Птуха гадливо поморщился. — Я бы пошел на эту пакость, да на людях нельзя было.

— Я деда обшарю! — с горячей готовностью сказал Истома. — Отыщу ту грамотку!

Из сеней послышался голос попа. Он пел молитву:

— От юности моя мнози борят мя страсти! — Но молился он на плясовой мотив. Споткнувшись на пороге, поп ввалился в избу и заорал, замолитвовал еще веселее: — Кому повем печаль мою, кого призову ко рыданию!..

— Тоже мне Леонид Утесов! — с брезгливой злостью сказал Птуха. — Ложись спать, босяк, не то за гриву отаскаю!

Поп плюхнулся на лавку, взревев в последний раз:

— Не рыдай меня, мати, зряще во гробе!..

И затих, сразу заснул. Капитан, Виктор, мичман и Сережа вышли на крыльцо. Сели на ступенях. Долго, беспокойно молчали. Наконец заскрипели в сенях половицы. На крыльцо вышел Истома. Все поднялись, глядя на юношу.

— Нет у деда никакой грамотки, — растерянно сказал он. — Обшарил его: и в подряснике, и в шапке, и в сапогах искал. Нету! Видно, обронил спяну, — виновато закончил Истома.

Мирские переглянулись потерянно, убито. Капитан сердито за козырек дернул на лоб фуражку.

— Язви его! А в письме этом, я уверен, и была вся разгадка.

Никто не заметил, как Женька, лежавший в сенях, вышел на крыльцо и прыгнул на двор. В зубах он держал небольшой кожаный мешочек, затянутый ремешком. Сережа улыбнулся:

— Опять Женька принялся всякий хлам в кучу таскать. Все перевели невеселые взгляды на собаку. Женька растянулся на дворе и принялся старательно жевать находку.

— Он еще молодой, у него еще десны чешутся, — по-прежнему улыбаясь, сказал Сережа. — Что ни попадет — грызет. Я читал, будто английские лорды покупают для щенков резиновые кости. Правда это, как думаете?

— Ох, Сережа, — жалобно сказал Птуха, — помолчал бы ты с лордами и щенками.

Сережа виновато посмотрел на взрослых и перестал улыбаться. А Женька, попав зубами на что-то твердое, сердито встряхнул мешочек. Завязка распустилась, и на землю посыпались монеты.

— Это дедов кошель! — вскрикнул Истома. — Потерял спяну, когда на пороге запнулся.

— Женька, отдай! — закричал капитан.

Женька снова тряхнул кошель. Снова полетели на землю монеты, и вместе с ними выпал маленький квадратик, сложенный из бумаги.

— Письмо! — крикнул радостно Виктор, срываясь с крыльца. Он поднял письмо и передал его капитану.

— Бумага японская. Этого надо было ожидать, — посмотрел капитан письмо на свет. И, пробежав глазами по строкам, протянул письмо Косаговскому. — Шифр! И этого надо было ожидать!

В письме было написано:

Нмипелси. Шфяси л щоер. Кмое ущико. Мадю щмолиси. И щэф зотулош, ипаге нусю ш факысот.

— Тайна индийской гробницы! — мрачно сострил мичман.

— Мне кажется, — почесал изуродованное ухо капитан, — ключ к этому шифру в согласных. А гласные не изменяются.

— Возможно, что ключ в согласных, — ответил, волнуясь, Косаговский. — Но сколько времени потребуется, чтобы расшифровать письмо? Можем мы медлить?

— Счет на минуты идет, а тут эта тарабарщина! — пробормотал Ратных, покусывая согнутый палец и разглядывая загадочное письмо.

Сережа, стоявший рядом с ним, тянул к себе край листа, заглядывая в написанное. И вдруг выхватил письмо из рук капитана и закричал ликующе:

— Карамба! Это же тарабарщина! Тарабарская грамота! Не знаете такую? Да это же очень просто. Напишите все согласные буквы в два ряда, одну букву под другой. Верхний ряд — десять согласных — пишите слева направо, а нижний — тоже десять букв — справа налево. Как поезда по двухколейке ходят. Понятно?

— Ты не объясняй, а напиши это, — сказал Виктор брату.

— Пожалуйста! — Сережа взял острую щепку и вывел на размякшей от дождя земле:

БВГДЖЗКЛМН
ЩШЧЦХФТСРП

— Мы, когда играли в красных партизанов, по тарабарской грамоте писали шифровки в ревком. Колька с нашего двора этот шифр где-то вычитал¹. Теперь надо так: первая буква в шифровке «Н», а под ней «П», значит, надо писать «П», дальше в шифре — «М», под ней «Р», пишем «Пр»,

¹ Колька, видимо, читал «Толковый словарь» В. Даля, том IV, стр. 723, изд. 1909 г. (Примеч. автора.)

а гласные те же, что и в шифре, ставим «И» — получается «При».

— Понятно, Сергей, — серьезно сказал Ратных, — согласные буквы взаимно заменяются, гласные остаются без изменения. — Он присел рядом с Сережей на корточки. — Я буду читать тебе записку, а ты расшифровывай.

— Давайте! Получится дай боже! Сами увидите.

Ратных начал буква за буквой читать записку, а Сережа, поглядывая на свой шифровальный ключ, писал на земле:

Принесли. Взяли с боем. Трое убито. Рацию бросили. И без фокусов, иначе пулю в затылок.

— Ну и письмо! Я же говорил, что тут кровавая тайна, — испугался Сережа.

Птуха помрачнел:

— Пришли, жлобы!

А капитан сказал задумчиво:

— Теперь события начнут, как пишут в романах, «разворачиваться стремительно»... Сережа, собери деньги и записку туда же, в кошелек, положи. А ты, Истома, положи кошелек деду в карман.

Истома унес кошелек в избу.

— Вы решили не мешать попу передать письмо в Детинец? — удивился летчик.

— Да. Не будем мешать. Пусть в Детинце думают, что мы ничего не знаем. Они не будут спешить действовать, а мы выиграем время. Нам каждый час дорог.

— А что вы думаете об этом письме? Вам что-нибудь понятно?

— Многое, но не все. Ясно, что поп у них связной. И сегодня он не первый раз выходил на встречу с братчиками. Письмо адресовано синей ферязи. Его банда прорвалась сюда с боем. Трое убито, даже рацию бросили. Вот

почему не выходили братчики на радиосвязь с ним. Трепанили их наши пограничники славно!

— А что они взяли с боем и принесли? И как понять — без фокусов, не то пулю в затылок?

— Этого мы пока еще не знаем, — задумчиво ответил капитан, глядя на расшифровку.

Из избы вышел Истома и сказал капитану:

— Кошель деду в карман в подрясник сунул. Ладно ли?

— Хорошо, Истома, — ответил капитан. — В первую очередь надо нам выяснить, где их притон... — Он неожиданно замолчал, озаренный какой-то мыслью, и вдруг хлопнул себя по лбу. — Харбинский окурок!.. Истома, ты знаешь старую церквушку в тайге? Недалеко отсюда, верст десять. На холме стоит, над речкой. Чуть набок повалилась.

— Знаю. «Никола на бугре» называется, — ответил юноша. — Древние иконы ходил туда смотреть. Бают, ту церкву наши прадеды в древние годы срубили, хотели там сначала город ладить. Ветхая она, рухнет скоро. Там и кладбище есть. Замученных на Ободранном Ложке хоронят. Место страшное!

— Есть и кладбище. Меня удивило, что крестов много, и все новые, недавно хоронили.

— Эва! Ты тоже знаешь «Николу на бугре»?

— Знаю. Ночевал около нее перед тем, как стрельцы меня схватили.

— Ночевал там? — испуганно удивился Истома. — Ну, бог тебя помиловал!

— Что так?

— В той церкви в старые годы дух божий жил, а теперь нечистый дух живет, шишиги, упыри, кикиморы, всякая нежить лесная. Голоса слышатся, огоньки бесовские ночью горят.

— И папиросы харбинские курят! — засмеялся зло Птуха.

— Есть серьезное дело, Истома, — заторонился капитан. — Беги в посадки, найди кого-нибудь из лесомык, лучше самого Пуда Волкореза, и передай ему мое задание: идти в разведку к «Николе на бугре», окрестность тщательно осмотреть, а если снаружи ничего подозрительного не увидят, пусть в церковь идут, там шарят, в каждую щель пусть заглянут. Но осторожно, себя не обнаруживая. Ты понимаешь, Истома, что нам нужно от этой разведки?

— Все хорошо понимаю. Можно идти?

— Иди.

Истома убежал.

— А если братчики пойдут в Детинец? — напряженно глядя на капитана, спросил Косаговский.

— Их заметят дозоры Алексы Кудреванки. Нам важно знать, сколько их, как вооружены. А драки с ними так и так не миновать!

Он оглянулся на избу и начал поспешно стирать ногами написанную на земле расшифровку. В сенях послышалось кряхтенье попа. Он вышел пошатываясь, сел на крыльцо и со стоном обхватил руками плешь. Мичман, посмотрев на его распухшее от похмелья и осиных укусов лицо, засмеялся:

— Ну и морда у тебя, святой отче!

— Что скалишься, черт некрещеный? — взъярился поп. — Издевку надо мной строишь? Ужо будет тебе, поганец мирской!.. Мать моя богородица!.. — всполошенно вскочил он и начал испуганно охлопывать карманы подрясника и штанов. Нащупав мошну, выхватил ее, заглянул внутрь. И как был, без шапки, босой, по-бабьи подобрал полы подрясника, припустил по улице напролом, по грязи и лужам.

— Чует собака, где колбасой пахнет! — улыбнулся недобро Птуха.

— Идемте, товарищи, в Кузнецкий посад. Немедля! — приказал капитан. — Вы с Сережей первые, Виктор Дмитриевич, потом... Поздно! — вдруг, как клещами, сжал он локоть летчика.

На двор въехал стрелецкий десятник. За воротами, на улице, остановилась его конная десятина. Стрельцы были вооружены пищальями, подняв их дулом кверху и уперев прикладом в ляжку. Десятник указал рукоятью плети на летчика:

— Ты! Иди не мешкая в Детинец на безопасные и дружеские разговоры.

— К синей ферязи, — шепнул Виктор капитану. — Сопротивляться нельзя, боюсь за Сережу.

— Мне кажется, вас вызывают на какие-то переговоры. И не бойтесь, не оставим вас в беде!

— Этого я не боюсь.

— Не копайся! — крикнул злобно десятник.

— Подождешь! — спокойно ответил летчик. — Ну! До свиданья, капитан! — Он взял руку капитана и крепко, звонко ударил по ней своей рукой. Потом подошел к Сереже. — Карамба! Защищайся, презренный трус! — силясь улыбнуться, шутливо ткнул он брата в бок, прижал к себе и, подняв лицо мальчика, поцеловал его.

Сережа молчал, судорожно всхлипывая. Виктор передал братишку капитану и простился с мичманом.

— Я готов. Пошли! — повернулся он к десятнику.

Стрелец выдернул из ножен саблю, взмахнул ею.

— Иди, да не балуй! А не то!..

Виктор пошел со двора. Стрельцы на ходу окружили его. Сережа проводил брата отчаянным взглядом. Капитан обнял его за плечи.

— Не журись, футболист. Брат вернется, слово даю. Пошли в Кузнецкий посад.

Сережа нервно отстранился от него.

— Никуда я не пойду! Буду здесь Виктора ждать.

— Дисциплины не вижу! — серьезно сказал капитан. — Сейчас соберу твое добро, и тронемся.

Ратных ушел в избу.

— Мячик-то твой брать или Митьше оставим? — спросил Птуха. Не дождавшись ответа, он шумно вздохнул и тоже ушел в избу.

Сережа сел на ступени крыльца. Тихонько всхлипывая, утирал ладонью слезы. Услышав шаги, радостно поднял голову. Нет, это не Виктор. К нему шел высокий тонкий, как жердь, человек в накомарнике и синей парчовой ферязи.

Сережа вскочил, хотел крикнуть, но горло словно сдавило. А человек в ферязи подходил ближе и ближе. Сережа сунул руку в карман — нет ножа! Отдал свое верное оружие жадине Юрятке. Человек в синей ферязи свистнул. Во двор влетел новый десяток конных стрельцов, ведя в поводу заседланную лошадь. Синяя ферязь схватил Сережу и перекинул одному из стрельцов. Тот сунул голову мальчика под мышку и зажал, чтобы Сережа не мог кричать.

И тогда из сеней выскочил Женька. С крыльца длинным метким прыжком он перелетел на седло стрельца, державшего Сережу, цапнул за спину и с выдранным куском кафтана скатился на землю. Человек в синей ферязи ударил пса носком сапога в ребра, затем рукоятью плети по голове. Женька болезненно взвизгнул, но бесстрашно, самозабвенно снова кинулся на стрельца и не допрыгнул. Нахлестывая лошадей, стрельцы вылетели со двора. Человек в синей ферязи ловко, без стремян прыгнул в седло своей лошади и поскакал следом. Женька мчался рядом, на бегу прыгая все на того же стрельца, державшего Сережу. Лай пса превратился в осатанелый вой.

Из избы выскочили капитан и мичман. Они увидели всадников, скакавших по улице, и Сережу, перекинутого через седло.

— События начали разворачиваться стремительно! — оторопело сказал капитан.

Глава 15

ЛОГОВО

А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!

*Э. Багрицкий, «Дума про
Опанаса»*

1

В Детинце стрелецкий десятник передал Виктора посадничьему ключнику, старику Петяйке, ждавшему на крыльце хором.

— В верхние горницы веди.

— Знамо, в верхние, — ответил Петяйка, злобно глядя на летчика. — Залетела ворона в высокие хоромы!

Он долго шел вслед за ключником по узким темным коридорам, по горницам с низкими, давящими потолками и маленькими, в глубоких нишах окнами. Всюду таился загадочный полумрак, то зеленый, то красный, то синий от лампад, горевших перед бесчисленными иконами; везде закоулки, закуты, потаенные каморки и тупики, всюду недобрая тайна. Виктор подумал об Анфисе и вздохнул.

— Здесь жди! — остановился Петяйка перед узкой и низкой дверью. — А тебя ждут любовные и душевные разговоры.

Он удушливо, зловеще захихикал и, хихикая, ушел. В маленькой и полутемной комнате, куда привел его

Петяйка, было тихо, будто огромный дом вымер. Даже мыши не скреблись, даже сверчок не верещал. И вдруг за дверью раздался хриповатый голос:

— Входите, гость дорогой! Прошу!

Виктор сразу узнал комнату, описанную Сережей: расписанный потолок, японская полевая радиостанция на лавке. В дальнем конце комнаты стоял высокий, жердеобразный человек. Он был в долгополом синем парчовом кафтане с пуговицами из самоцветов.

«Синия ферязь!.. Слышали о тебе», — подумал Виктор.

Человек в синей ферязи стоял спиной к окну, но Виктор разглядел все же его ничем не примечательное, слегка опухшее и серое лицо крепко и часто выпивающего человека. Но почему же так знакомо это лицо? Где он видел этого неприятного человека, особенно эту странно посаженную голову, словно притянутую подбородком к груди?.. Памфил-Бык! Юродивый! Вот это кто! Не узнал он его сразу потому, что при первой встрече, на Забайкальской, юродивый был с длинной, узкой иконописной бородой, а теперь обнажились на бритом лице помятые щеки, вытянутый острый подбородок и недобрый рот. Чем-то он был похож на коршуна, потрепанного в драках, но все еще прицеливающегося, куда можно беспромахно и остро ударить клювом и когтями. А в глазах, пустых, холодных, ко всему готовых, таился опасный, злой и подлый ум. Памфил улыбнулся, не бессмысленной, ангельской улыбкой юродивого, а коротко и жестко, одними зубами. Улыбка его была похожа на волчий оскал.

— Вот мы и снова встретились, — тихо и спокойно сказал он. — И где? В семнадцатом веке! Фантастика! Бред! А вы помните нашу предыдущую встречу, Виктор Дмитриевич?

— Еще бы! — улыбнулся Косаговский. — Как не помнить дурачка, присноблаженного, глупомудрого юродивого?

А Птуха вас факиром Шаро-Вары окрестил. Вы же факирские чудеса делали, через щеку нитку с иглой продергивали, грудь шилом прокалывали.

— Фокус не трудный, — оскалил зубы братчик. — Ламы в Монголии научили. И пригодилось — дураков околпачивать.

— Талантливо было сделано. А жаль, что не зацапали мы вас тогда.

— Пытались. Чекисты не одну пулю послали мне вслед, приглашали не торопиться.

— Ай-яй-яй! — сокрушенно покачал головой Виктор. — Ну ничего! Теперь вы не уйдете, теперь отгулялся Памфил-Бык!

— Сначала сами попробуйте уйти отсюда. — Глаза Памфила налились мстительной радостью. — Попробуйте отсюда уйти и вы, и Птуха, и капитан Ратных.

— С Птухой вы, кажется, и раньше были знакомы?

— Да. Встречались на Балашихе. Ловкий и умный парень!

— Чего вы хотите? Моряк, да еще одессит. А с капитаном Ратных вы тоже знакомы?

— Немного, — небрежно ответил Памфил, как-то странно улыбаясь. — У нас есть его фотография и даже полная его характеристика в специальном досье. Очень лестная для него характеристика.

— Давайте лучше о вас. Братчик, конечно.

— Конечно! Горжусь честью состоять в рядах Братства русской правды!

— А все же мне непонятно, зачем вас занесло на Забайкальскую улицу, под окна моей квартиры. Если это не деловой ваш секрет, объясните.

— Сегодня у меня никаких секретов от вас не будет, — ответил братчик.

Он помолчал, подумал и заговорил:

— Меня интересовали не вы, не летчик Косаговский, а Балашиха, вернее, склад Взрывпрома на Балашихе. Нам стало известно, что на склад этот будет завезено большое количество взрывчатки. А как ее повезут? Если на автомашинах, то мы сделаем засаду в тайге. Узнать это можно было, если следить за мастером взрывных работ Птухой. Где Птуха, там и взрывчатка. Он руководил транспортировкой взрывчатки на Балашиху.

— Я начинаю догадываться, — сказал Виктор.

— Догадка ваша правильная. Следить за Птухой в городе решил я сам. Моя рожа примелькалась во всех концах города. Памфил-Бык, Христа ради юродивый! Птуха и привел меня к окнам вашей квартиры, а затем и на аэродром. Взрывчатку отправляют на самолете — это мы узнали точно, и это было уже кое-что! Но представьте наше неприятное удивление, когда мы узнаем, что в самолет со взрывчаткой сел капитан Ратных, мой закадычный враг! Признаюсь, он нас запутал. Зачем офицер-пограничник летит на самолете со взрывчаткой? А затем новая загадка! Мы узнаем, что самолет борт № 609 в Балашихе не сел. Где же он приземлился? Может быть, тайный, секретный склад взрывчатки?

Виктор засмеялся, прервав братчика:

— Никаких тайн, никаких секретов! На мой самолет капитан сел случайно, как на попутный. Спешил на заставу.

— Спасибо за откровенность, — приложил братчик руку к сердцу. — Может быть, мы и дальше будем продолжать наш разговор в таком же духе, будем говорить начистоту?

— А почему бы и нет? Давайте говорить начистоту, — охотно ответил летчик и сел на низенький табурет.

— А я ведь не приглашал вас садиться, — холодно сказал братчик.

— Коли хозяин невежа, гость и сам сядет, — ответил летчик. — Стоя я с вами разговаривать не буду.

Братчик улыбнулся, дернув одной щекой.
— Хорошо, сидите.

2

Памфил закурил плоскую японскую сигарету.

— Итак, начнем разговор начистоту. Где ваш борт № 609, где взрывчатка, груз вашего самолета?

Косаговский положил руку на колено, поиграл, постукивая по колену пальцами, и поднял глаза на братчика:

— Вы своим вопросом ставите мне ловушку.

— Ловушку? О нет! У нас же разговор начистоту, — улыбнулся братчик. Но улыбка его мгновенно исчезла, будто он смахнул ее с лица ладонью. Он поднялся и, опершись руками о стол, подался к летчику. — Я спрашиваю: где самолет и взрывчатка?

Летчик пожал плечами:

— Вы же знаете, что я не отвечу на этот вопрос.

— При любых условиях? — угрожающе склонился Памфил над летчиком.

Виктор поднял спокойное лицо к нависшему над ним братчику.

— При любых условиях.

Памфил медленно сел. Протянув назад руку, взял стоящую в углу китайскую ганзу — трубку с длиннейшим чубуком и серебряной чашечкой величиной в желудь. Из плоской фарфоровой коробочки он отщипнул какую-то темную клейкую массу, одним движением большого пальца вмазал ее в чашечку и долго раскуривал. Виктор раскашлялся от поплывшего по комнате приторно-пряного дыма.

— Не угодно ли глоточек чанду?¹ — протянул братчик Виктору трубку, повернув ее дымящимся мундштуком вперед. — В небольших дозах прекрасно бодрит и освежает.

¹ Ч а н д (кит.) — опиум для курения.

Летчик с отвращением покачал головой. Братчик сделал две глубокие затяжки и поставил трубку обратно в угол.

— Хорошо, не будем ссориться из-за пустяков. Я сам отвечу на свой вопрос. Взрывчатку вы утопили в таежном озере, а мы ее нашли. Не удивляйтесь. Мой вестовой — чухар, опытный следопыт. Он прочитал по следам все, что вы делали на берегу озера. И вода в озере прозрачная, не трудно было найти взрывчатку. Но мы оставили ее на дне озера, нужно будет — возьмем.

«Не возьмешь, — подумал Виктор, — Какое счастье, что мичман не встретился с братчиком в тайге!»

— Вы понимаете, конечно, что, найдя взрывчатку, мы нашли и самолет. Вы замаскировали самолет, но я нашел его.

«Вот кто ворошил «Антоня». Вот чьи следы видел Волкорез!» — мелькнула у Косаговского мысль, а братчик сказал любезно:

— Я пригласил вас сюда, чтобы поздравить с благополучным прибытием в Ново-Китеж. Я вижу, что все пассажиры находятся в добром здоровье. Даже ваш маленький братишка, даже его собака и футбольный мяч.

— У нас там были еще фикусы, — серьезно сказал летчик. — Не знаете: как они?

— Что? Фикусы? — Братчик дернул щекой, но сдержался и даже улыбнулся волчьей улыбкой, одними зубами. — Ах да, фикусы! Они целы, никуда не делись. Признаюсь, сначала, увидев советский самолет, я испугался. Прилетели советские комиссары, и новокитежское Эльдorado для меня потеряно! Но когда я увидел на самолете № 609, я успокоился и даже обрадовался. Раскрыта тайна исчезновения борта № 609! Но, найдя самолет, я начал искать и летчика. Вскоре нашел и его. Едва я пришел в Ново-Китеж, Остафий Сабур с тревогой рассказал мне, что в город пришли четверо, не считая собаки. Четверо мирских! Я не утерпел и

ночью пошел посмотреть на вас. Я, кажется, разбудил вас тогда? Простите великодушно.

— Пустяки. Охотно прощаю, — небрежно ответил летчик.

— Вернемся к самолету, — сказал братчик и мягко ударил ребром ладони по краю стола. — Самолет — вот что меня интересует!

— А какой от него толк? — осторожно спросил Виктор. — Вы же видели, где я сел. Взлететь невозможно!

— Видел и согласен. Взлететь невозможно. Взлетная площадка коротка. С одной стороны пропасть, с другой — тайга с обломками скал.

— Вот именно. Взлетная площадка коротка, — с удовольствием согласился летчик и посмотрел на братчика веселыми глазами.

— Я вымерил ее шагами, и я восхищен. Как вы сели? Вы виртуоз летного дела. Но площадку мы удлиним, выкорчем тайгу, уберем обломки скал. Нужно будет для этого тысячу человек — пошлю тысячу. Нужно две — пошлю две.

— И три тысячи не помогут. Чтобы убрать скалы, нужны бульдозеры, а еще лучше — взрывчатка.

— Взрывчатка есть. Ваша!

Виктор мысленно засмеялся: «Черта с два увидите вы нашу взрывчатку!» А вслух сказал:

— Предположим, вы расчистите взлетную дорожку. Но нет бензина. Я сел на последних граммах горючего. Надеюсь, к этому вопросу мы больше возвращаться не будем.

— Будем. В этот раз я пришел сюда только с моим ординарцем. Увидел самолет, увидел летчика, и меня озарила мысль. О ней я после скажу вам. И по радио я приказал моим конникам достать бензин. Конники сидели в тайге, здесь в Совдепии. Они и взяли бензин здесь же, с боем конечно!

— При этом трое было убито. Они даже рацию бросили.

Братчик всем телом, рывком подался к летчику, долго смотрел на него и сказал, выдав волнение в резком, злом жесте:

— Вы читали их письмо ко мне? Сегодня читали. И так быстро расшифровали. Чистая работа! Ну что же, тем лучше, разговор будет короче.

Он прошелся медленно по комнате, по-кавалерийски расставляя ноги и оглядываясь на ходу назад. Волчья повадка. Виктор молча следил за ним. Братчик вернулся к столу, остановился и заговорил медленно, как бы опасаясь неосторожного слова:

— Начнем говорить о деле. Я буду просить вас — слышите — буду просить вас, а не требовать, помочь мне. Я предлагаю вам сотрудничество, предлагаю работать рука об руку. Разделим пополам и опасность, и риск, и барыш... А барыш будет огромный!

Виктор вскочил, синие его глаза почернели.

Братчик быстро сунул руку в карман.

— Сидеть! Незачем нервничать раньше времени. Я не потребую от вас ничего рискованного. Вам не придется выкрадывать секретные документы, шпионить, взрывать, убивать. Я прошу одного — сесть за штурвал вашего самолета. И мы улетим отсюда, нагрузив его платиной.

— Кто это — мы?

— Все ваши друзья, даже собаку заберем. И я. А кроме того, платина. Полетим в другую страну. Куда именно, скажу, получив ваше согласие. У меня есть там друзья.

— Ну и жучок же вы! — покачал головой Косаговский. — За бензином посылали бандитов своих, а улететь хотите один?

— Дьявол с ними! Стану я об этом быdle беспокоиться!

— А не боитесь, что они за эти фокусы выстрелят вам в затылок?

— Понравилось выражение из их письма? Нет, не боюсь! Перед отлетом я напою их вдребезги и перестреляю. И довольно об этом! Это не ваше дело. Ближе к делу! Вы согласны на мое предложение?

3

— Вы сказали: все пополам! — откинув со лба свисавшие волосы, резко сказал Косаговский. — И риск, и барыш! Барыш — дело хорошее, но стоит ли барыш того, чтобы ради него рисковать?

— Трусы в карты не играют!

— Правильно! Но и в омут головой мне кидаться нет охоты. Словом, я должен знать все условия, на которых мне придется, как вы выразились, работать рука об руку с вами, — солидно, по-деловому говорил летчик. — Я должен знать все! И как вы попали в Ново-Китеж. И как вы завязали дружбу с детинскими верховниками. И кто здесь ваши друзья, и кто враги.

— Стоп! — раздраженно крикнул братчик. — Это игра не по правилам — это удар ниже пояса. Вопросы разведчика!

— Ничуть. Я хочу знать условия нашей совместной работы. Только и всего.

Братчик помолчал, заложив руки за спину и покачиваясь с пяток на носки. В глазах его промелькнуло выражение, какое бывает, когда человек колеблется, не зная, на что решиться.

— Хорошо! Слушайте! — Он сел к столу и медленно, обеими ладонями пригладил свои жиденькие, будто приклеенные к черепу волосы. — С чего же начать? Отвечу на ваши вопросы по порядку. Не я Колумб Ново-Китежа. От-

крыл его без малого три года назад офицер нашего полка, бывший есаул Забайкальского казачьего войска Цыденбаев. Продувная бестия, между прочим, пробы негде ставить! По национальности бурят, был послушником в дацане¹. Ламы обучили его всяким фортелям. Матерый разведчик! Угонял из Забайкалья табуны для кавалерии, работал и на гитлеровский абвер, брал доллары от американской разведки. А в последние годы со мной работал, в нашем Харбинском полку. В нашем деле без неудач не обойдешься. Было это в тридцать девятом году. Пошел он сюда, через границу, на встречу с японским резидентом, и засыпались они. Гоняли их чекисты по тайге, и все же оторвались они. И посчастливилось им попасть на прорвенские тропы. Блуждали они по Прорве немало, а умница есаул делал при этом глазомерную съемку путаных троп. И японец делал. Вот и пришли сюда.

— Так я и думал, — воскликнул Косаговский.

— Первый встретившийся им новокитежанин был охотник. Сначала есаул испугался даже. Старина, древность, будто время назад пошло! Но увидел платину... Из платины ребятам свистульки делают! Недаром же есаул был учеником лам, окрутил он посадника и старицу. Решил заняться обменом новокитежских мехов на мирскую дешевку. Для начала он поднял карту, то есть распутал свои дорожные кроки, увеличил мелкий масштаб глазомерной съемки. И японец это же сделал со своей съемкой. А когда свели они свои работы, получилась точная жарта. Теперь эта жарта у меня.

Братчик подошел к стоявшему в углу резному поставцу, открыл слюдяную дверцу и снял с полочки лакированную японскую шкатулку. Вытащил из нее и показал Косаговскому большой лист кальки, посмотрел на свет, улыбнулся.

¹ Дацан — буддийский монастырь.

— Вот она, дверь в семнадцатый век!

— Детинские власти не просили у вас выкопировку с этой карты?

— Не просили и не попросят. Последние два года они живут в страхе перед восстанием посадов, а я рассказал им, что делается сейчас на Руси. Они пугают посадских московским царем, но при царе, с его чиновниками они поладили бы — деньги все сделают. А ваши комиссары причешут их на прямой пробор, раскулачат, как у вас говорят. Не пойдут они в мир.

— Есаул Цыденбаев взял вас в компаньоны?

— Взял, но сначала он работал один. Когда карта была готова, есаул прикончил японца. Крепких нервов был человек! Уважаю таких. Таскал отсюда платину, а сюда приносил дешевку, купленную в ваших же кооперативах. Удобно и просто. И я теперь так делаю. Не через границу же тащить ситец или пряники! Вы эту убогую роскошь видели. У здешних дикарей можно на пустую бутылку выменять килограмм платины. Берег Слоновой Кости, честное слово! — расхохотался братчик.

— Кончайте о Цыденбаеве.

— Извольте. Мерзавец есаул, не тем будь помянут покойник, работал один, втихую, никого не беря в долю. Но начались у него трудности. Посадские отказались копать платину, белое железо, как ее здесь называют. Ведь они-то не получали в обмен даже пустых бутылок. Понял есаул, что одному ему не поднять это дело, и поделился со мной платиновой тайной. Я тогда только что вернулся с Халхин-Гола и согласился работать с ним на паях. Первым делом отобрал у него карту, а потом подумал: на кой черт мне каждый целковый ломать пополам, когда я могу получать платину монопольно?

— И вывели есаула из игры?

— Конечно. Шепнул о нем пару слов джапам. При-

зваться, наврал. А они в таких случаях разбираться не любят. Сам майор Иосси выстрелил есаулу в ухо, как сапной лошади. И начал я царствовать здесь самодержавно! Царь новокитежский и всех шести посадов властитель! Звучит? — Братчик оскалился в зубастой, опасной улыбке. — Но к черту высокие титулы! Меня интересует одно...

— Платина?

— Совершенно верно. О платина! Это сказочно! Фантастический фарт! Но сначала надо было навести порядок в Ново-Китеже. Я посоветовал старице и посаднику сформировать настоящее стрелецкое войско. Таскал им на кафтаны бильярдное сукно. Но пока суд да дело, а на платиновом приiske была тишина и безлюдье. Тогда я приказал ввести монополию на соль. Не хочешь работать, живи не солоно хлебавши. А они решили поднять восстание. Форменная революция! Любопытная вещь: организацией этого восстания руководил какой-то ваш, советский, чудом перебравшийся через Прорву. Какой-то Василий, по местному прозвищу — Мирской.

— Как вы уничтожили штаб восстания и перебили в посадах стариков, женщин и детей, мы уже знаем.

— Великолепная операция! Поистине Варфоломеевская ночь! — щелкнул языком Памфил.

— А если новое восстание посадов, на этот раз удачное, если вы опоздаете с новой Варфоломеевской ночью?

— Не выйдет! У посадских нет даже кремневых ружей и пистолетов, а у стрельцов есть. Даже пушка есть. Куда им!

— А у восставших будут луки охотников. Страшная пробивная сила! Метровая стрела пробивает человека насквозь! Выстрелы бесшумные. Не узнаешь, откуда в тебя стреляют. А на рогатину охотники медведя сажают, людей же двоих сразу подденут.

— Против допотопных луков и рогатин я пошлю мои

скорострельные винтовки и автоматы! Я в полдня обучу хоть полсотни стрельцов обращению с ними. Оружие у меня здесь, под рукой.

«Под рукой — это, значит, в Детинце. Если бы знал об этом капитан, он торопился бы с восстанием, — безнадежно думал летчик. — Как сообщить ему об этом?»

А Памфил по-своему объяснил волнение летчика.

— Как видите, здесь я непобедим! — торжествующе сказал он. — Я уже показал в тайге старице, посаднику и верховникам действие нашего скорострельного оружия. Сначала они от моей стрельбы на карачках поползли, потом обрадовались: «Твоя дружба для нас спасение. Против твоих самопалов-скорострелов, драконов огненных, никому не выстоять. Если посадские опять взбунтуют, ты им укорот дашь!» Теперь они у меня вот где! — стиснул братчик кулак.

— В избииении посадских участвовали, конечно, и ваши братчики?

— Конечно, не участвовали. Сюда приходят со мной чахары и только один русский, тоже офицер нашего полка. Волки! Привыкли к большой крови. Вести их в город нельзя — соблазнов много. Они здесь такую резню устроят!

— Если их вести в город вы не решаетесь, то где же вы их прячете, когда они приходят сюда?

Братчик посмотрел на Виктора в упор, холодно и враждебно:

— Не пойму: летчик вы или разведчик? Этого я вам, конечно, не скажу. В городе их нет, но они близко, а вызвать их в случае надобности я могу очень быстро. Если и далеко будут, придут на мой вызов, — указал братчик на рацию.

«Снова тайны. Непонятно все это», — тоскливо подумал летчик и спросил:

— А как вы пробираетесь сюда? Ведь от Прорвы до города приходится идти тайгой несколько дней. Должны

же вы встречать охотников или мужиков таежных деревень. А вас никто никогда не видел, во всяком случае, новокитежане говорят, что мирских они в тайге никогда не встречали.

Братчик улыбался, пряча в улыбке ненависть.

— За один этот вопрос я должен вас расстрелять! Но я вас не боюсь. Вы либо будете работать со мной — либо я вас закопаю в тайге. Поэтому отвечу. Встречали мы не раз и не одного человека, но все они убегали без оглядки. Мы под лешего рядимся, а портрет его мы точно знаем. Бровей и ресниц у лешего нет, он их водяному в карты проиграл. Мы их замазываем. Идем без шапок, волосы на-лево зачесаны, кафтан у лешего направо застегивается, бьет он в ладоши, свищет, аукает, хохочет, поет без слов. Как засвищем да захохочем по-лешачьему, все встречные бегут от нас да крестятся:

— Теперь самый невинный вопрос. Какого вы мнения о детинской верхушке?

— Густомысл — тумак тумак, олух царя небесного. Глуп, как стог сена, только рукав не сосет. Его лишь жирные ши да кулебяка интересуют. В бинокль на людейзирает, будильником страх наводит — и доволен! А старица, папесса новокитежская, молодец баба! Целый день молитвы шепчет, но не задумается ахнуть вас, спящего, топором, если вы ей не по нраву пришлись. Во мне души не чает. Я совратил ее в мирские прелести. Винцо сладкое мирское полюбила! Таскаю для нее ликеры, карты подарил, научил в подкидного дурака игать. Теперь перед обедней или все-нощной дуется в карты со своими черницами, а если они выиграют, лупит их клюкой. Есть еще так называемая Верховная дума, верховники. Их немного, и все они от безделья и обжорства облик человеческий потеряли. Двуногие скоты!..

Памфил посмеялся беззвучно...

— Вот вам все тайны мадридского двора. Единственный стоящий человек здесь — это Остафий Сабур. Из таких лихие гангстеры получают. Его я забрал бы отсюда с собой. Убедились теперь, что моя власть здесь безгранична? Все мое, вся платина моя! А прииск богатейший! — Памфил заблестел глазами. — Сейчас шурфы дошли до плотика. Старатели называют так подошву россыпей, где скапливаются самые тяжелые самородки. Уйма самородков!

В глазах братчика был припадочный блеск. Косаговский чувствовал, как все, до последнего нервика, было натянуто в нем.

— Здесь в руки такие богатства плывут! С ума можно сойти! — выкрикнул братчик и задохнулся этим криком.

— Японцы, конечно, о Ново-Китеже не знают? — поглядел на него летчик.

— Конечно, не знают. — Братчик сразу притих и помрачнел.

— Заставят делиться платиной?

— Делиться не заставят. Они не из таких! Видели бы вы майора Иосси. Низенький, с оттопыренными ушами, с длинными руками, на обезьяну, гад, похож. — Братчик замычал от ненависти. — Делиться не заставит, а обнесет чарочкой! Отнимет все до порошинки и пулю влепит!

— В ухо? Как сапной лошади?

— Он, косоглазый дьявол, уже начинает подозревать что-то. Я не живу, я танцую на канате! Но скоро я начну жить по-настоящему. Граф Монте-Кристо!

— Особенно не надейтесь, граф Монте-Кристо! — чуть улыбнулся Косаговский. — Есть уже план послать в этот огромный болотный район комплексную экспедицию.

— Ничего она здесь не найдет! — кинул зло братчик. — Я скоро сожгу Ново-Китеж!

— Новокитежане не позволят вам сделать это! — крикнул возмущенно Виктор.

— Не позволят? Ого! — тихо, хрипло сказал Памфил. — Перед пожаром, под занавес, так сказать, я спущу на Ново-Китеж своих чахаров. Воображаете, что они здесь сделают? Не оставлю здесь и собаки, которая лаяла бы нам вслед! Погуляем напоследок, а там хоть в счетоводы!

Памфил затрясся в мелком, беззвучном смехе. В глазах его горел огонек помешанного.

Глава 16

ДВА КУБКА

— Пиастры, пиастры, пиастры!..

Р. Стивенсон, «Остров сокровищ»

1

Братчик вытащил из поставца серебряную ендову, большую низкую чашу с носиком, налитую до краев темно-красной густой жидкостью, и два небольших серебряных кубка. Он налил кубки из ендовы, и в комнате запахло медом.

— Мед вишневый, ставленный, что наши предки на пирах пили. «В старину живали деды веселей своих внучат!» Я предлагаю... — Он помолчал, подняв кубок. — Я предлагаю выпить за наш будущий союз. За дружбу до гроба!

— Пить подождем, — отодвинул Косаговский кубок. — Сначала о деле.

Братчик нахмурился и резко поставил кубок на стол, расплескав его.

— Не понимаю, о чем еще нам говорить. Я играю в открытую, все мои карты на столе. Вы их теперь знаете, и выходить вам из игры нельзя. Иначе... — Он вытянул из

кармана пистолет и привычно, большим пальцем отвел предохранитель. — Здесь семь пилюль — доза, как говорит Марк Твен, как раз нужная для взрослого цветущего мужчины. — Он снова поставил пистолет на предохранитель и сунул в карман. — Но не будем ссориться.

Он сделал короткий поклон в сторону летчика.

— Я отказываюсь! — спокойно ответил Виктор.

Губы Памфила свело злой судорогой.

— Подождите демонстрировать свою преданность Советской власти. Прежде выслушайте меня до конца. Вы вывезете из этого гиблого места всех своих друзей, иначе они будут замурованы здесь до конца своей жизни.

— Не беспокойтесь о нас. Мы выберемся без вашей помощи. Мы на своей земле.

— Погодите! — раздраженно крикнул братчик. — А кроме того, две тонны платины. Вы понимаете, две тонны!

— Ишь как разыгрался аппетит на чужое добро! — покачал головой летчик. — Сразу две тонны! Надоело фунтиками таскать?

— Ничего я больше отсюда не потащу. Я не вернусь сюда.

— Что так? Монте-Кристо бежит от своих сокровищ? Так в романах не бывает.

Братчик устало вздохнул.

— Чутье подсказывает: надо кончать. Иначе мне хана будет! — Он вздрогнул. — Я жду пулю или от ваших пограничников, или от сволочи Йосси, или от моей шпаны. Я говорил вам о русском офицере, который ходит сюда со мной. Поручик князь Тулубахов.

— Черт возьми, даже и князя в бандиты пошли!

— Начинает глядеть на меня исподлобья. Ему кажется, что его доля мала. У него есть теперь карта Прорвы. Я дал ему копию со своей, когда послал за бензином. Теперь он

может ходить в Ново-Китеж и без меня. Я жду, что он выстрелит мне в спину.

— Пожалуй, в затылок. Определенно, в затылок, если вы будете фокусы выкидывать, — сказал Виктор задумчиво и просто.

— Э, бросьте вспоминать это дурацкое письмо!

Братчик помолчал, потирая ладонь о ладонь, словно ему стало внезапно холодно. Он бросал на летчика быстрые, тревожные взгляды, силясь понять его затаенные мысли.

— Один полет, всего один полет — и мы миллионеры! Две тонны платины мы разделим пополам, фифти-фифти, как говорят янки. Воображаете, сколько каждый из нас положит в карман? Цена платины сейчас двенадцать тысяч долларов пуд! Это вам не советская зарплата!

В голосе братчика появилось мягкое, вкрадчивое. Он, как зверь, подстерегающий добычу, был терпелив: вилял хвостом и жмурился.

— Я не буду соблазнять вас шаблонной виллой на берегу лазурного моря, морской яхтой для дальних плаваний и шикарным автомобилем. У каждого свое представление о счастье и наслаждениях жизнью. Хотя шикарный автомобиль весьма способствует чувству независимости и личного превосходства. Вообразите все это и сравните со своим социалистическим раем!

Братчик сделал паузу, глядя выжидательно и беспокойно.

— Ну же, быстрее! Сразу, как в воду! — засмеялся он нервно.

Летчик тоже посмеялся, но в меру, вежливо.

— Ну что ж, в воду так в воду. Вообще-то я согласен. Валяйте, грузите самолет платиной. Две тонны «Антошка» подымет. Полетим к нам, в Советский Союз, и сдадим платину государству. И вас сдадим. Так вам подходит?

Такого ответа Памфил, видимо, не ожидал. Он был явно сбит с толку.

— Вы отказываетесь? — искренне удивился он.

— К сожалению, — ответил вежливо Косаговский и даже приложил руку к сердцу. — Не устраивает меня фифти-фифти. Верьте слову!

2

В стекло окна билась муха. Жужжание ее наводило тоску и тревогу.

— А не много ли вы на себя берете? — ласково, мурлыкающим голосом заговорил братчик. — Неужели не боитесь смерти?

— Только дурак или ненормальный не боится смерти! — сердито ответил Косаговский. — Но есть кое-что и посильнее смерти.

— Вы правы. Страх ожидания посильнее собственно смерти. Особенно ожидание смерти не быстрой и не скажу, чтобы безболзненной. Суровец, здешний палач, потрудится над вами. И виску и встряску на дыбе испытаете, и репку-матушку запоете, и всю подноготную расскажете. Научу Суровца и чахарскому способу кишки на пику мотать! Есть и еще способ, называется «на комары». Ваши волосы забьют клином в пень и свяжут голого. В тайге комаров и гнуса — тучи. Они из вас кровь до последней капли высосут.

Виктор почувствовал, как по позвоночнику пробежала дрожь. Но он справился с минутной слабостью, сказал брезгливо:

— Брось ты хвастать своей палаческой работенкой. Кого пугаешь, падаль?

— Что? — крикнул бешено Памфил и слепо двинулся

на летчика. — Встать! Встать, когда с тобой говорит русский офицер!

— Японский холуй, а не русский офицер, — сказал Косаговский, покачивая ногой, закинутой на другую.

Братчик со свистом хватил воздух и, вырвав из кармана взблеснувший мушкой пистолет, ткнул его в лицо летчика.

— Дырку захотел? Да? Пулю меж глаз?

— Не психуй, Памфил-Бык, — спокойно сказал Виктор. — Психуешь, как баба.

С лицом, остервенелым от злости и унижения, Памфил бессильно опустил на табурет. Попробовал закурить и бросил сигарету. Руки его мелко, противно дрожали.

— Люблю злых, с ними драться веселее, — глядя на него, засмеялся Косаговский. — Дырку в моем лбу ты можешь сделать, а долго ты после этого проживешь? И ни бог, ни микадо тебе не помогут!

Братчик не ответил, долго молчал, мертво глядя в угол. Тяжелый удар соборного колокола вывел его из оцепенения.

— Поздно, уже темнеет. Надо кончать! — взвинченно сказал он. — Ты решил уже, наверное, что загнал меня в угол. Ошибаешься! Я мальчик стреляный, фартовый, как говорят челдоны. Или мы все смоемся отсюда, или все здесь сдохнем... Советую подумать еще раз. Не передумаешь — шепну Нимфодоре, что Анфиса, ее преемница, будущая старика новокитежская, опоганила себя любовными шашнями с мирским сквернавцем, с тобой, милостивый государь. Старуха будет в восторге! Обожает терзать человечье мясо. Анфису выведут на толчок и при всем честном народе палач будет бить ее кнутом.

Виктор задышал сильно и часто, опустил голову.

— Но это только легкое щекотание вашей нежной и чувствительной души, — хитренько и весело посмотрел Памфил на летчика. — Есть у меня средство и посильнее.

Твоего брата, этого милого пионерчика, я час назад привез сюда, в Детинец. И попробуй отказаться! Я удавлю его пионерским галстуком. Теперь что скажешь, чума тарбаганья?

Виктор схватился за край стола. Ему показалось, что земля уходит из-под ног. А братчик все тянул и тянул к летчику пальцы, измазанные опиумом, с грязными ногтями, и медленно шевелил ими, показывая, как он затянет удавку на шею Сережи.

— Убери поганые руки! — яростно крикнул Виктор.

Братчик дернул назад руки и медленно отступил. Летчик не спускал с него глаз, измеряя опасность этой темной души. Синие глаза его то светлели, то темнели. «Хоть бы на полчаса вырваться отсюда, повидаться с капитаном, посоветоваться», — с тоской думал он.

— Когда мы полетим?

— Дело за вами! — обрадованно ответил братчик. — Мне нужно только ваше согласие.

— Но прежде я должен посоветоваться с моими друзьями. Не могу же я решать за них. А они ведь тоже улетят за рубеж. Завтра утром я приду к вам с ответом.

— Э, нет! Так не пойдет! Вам придется погостить у меня. А мнение ваших друзей можно узнать письменно. И согласие, мне кажется, совсем неважно. Не захотят лететь — пусть кончают жизнь в Ново-Китеже. Может быть, вы хотите сейчас им написать?

— Сейчас не хочу.

— Как угодно.

Братчик хлопнул в ладоши, и в горницу тотчас вошли Остафий Сабур и двое стрельцов. Видимо, они ждали за дверью.

— В Пыточную! — коротко приказал Памфил.

Стрельцы бросились к Виктору и стали вязать ему руки. От них пахло мясными щами.

Стрельцы ушли, уводя связанного летчика. Памфил не

двинулся, стоял с неподвижными глазами и отвисшей челюстью, с мертвым безразличием на лице. Такое лицо бывает у приговоренных к смерти.

Взгляд его остановился на двух налитых кубках. Он размахнулся и сбил их на пол. Долго, тупо глядел на лужу, похожую на пролитую кровь.

Глава 17

УЗНИКИ ПЫТОЧНОЙ БАШНИ

...Поймали нас — и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

А. Пушкин, «Братья-разбойники»

1

Сереза спал на соломе в камере Пыточной башни, сжавшись в комочек от холода.

Проснулся он от неприятного ощущения: кто-то пристально на него смотрел.

Сереза со страхом открыл глаза.

— Футболисты здесь есть? — сказал стоявший над ним человек.

Сереза вскочил и замер, вглядываясь.

— Витя! Витенька! Чего же ты долго не шел? — кинулся Сереза к брату и уткнулся ему в грудь. Если рядом Виктор, тогда ничего не страшно. Ну и счастливый же сон он видел!

— Приветствую! — сказал Виктор, приподнял над головой Серезы его авиашлем и снова надел. — Ну, покажись, какой ты. Почему бледный вид?

— Боюсь, — прошептал Сереза.

— Здравствуйте! — комично поклонился и развел руками Виктор. — То на все чихаю с присвистом, а то вдруг — боюсь. А чего нам бояться? Наши друзья выручат нас, вот увидишь!

— Капитан на свободе? — спросил Сережа.

— Конечно! А ты его знаешь. Не даст нам пропасть.

— А дядя Федя?

— Гроза морей? А что ему делается? Наверное, уже вынюхивает, куда нас запрятали!

Виктор сел на солому и потянул к себе братишку. Потирая руки, замлевшие от тугих стрелецких веревок, он сказал:

— Опять у нас, брат, вынужденная посадка. А как ты попал сюда?

Сережа рассказал, как его выкрал из-под носа у капитана и мичмана синяя ферязь.

— Не синяя ферязь, а Памфил-Бык из нашего города.

— Ну да! Выдумываешь! — не поверил Сережа.

Тогда Виктор рассказал братишке о встрече с Памфилом-Быком, рассказал и о разговоре с ним, но о страшных требованиях братчика умолчал. Сережа почувствовал тревогу и подавленность брата и вздохнул. Как сжимается наше сердце, когда мы слышим такой тяжелый и горький вздох наших детей!

— Витя, — робко, тихо спросил Сережа, — мы вернемся домой, на нашу Забайкальскую, к тете Лиде? Ты только правду скажи.

— Что? — вскочил с соломы Виктор и закричал с деланным негодованием: — Сомневаешься? Карамба! Защищайся, презренный трус!

Виктор встал в боксерскую позицию. Сережа ткнул брата в грудь и улыбнулся:

— Вдвоем с тобой мы о-го-го! Верно?

— А ты думал? Конечно, о-го-го!.. А теперь неплохо

бы поспать минуточек триста. Ложись рядом со мной, вдвоем теплее будет.

Они легли рядом на солому. Виктор обнял братишку и счастливо улыбнулся, вдыхая его ребяческий домашний запах.

— А Женька? — поднялся вдруг на соломе Сережа.

— Что — Женька? Жив-здоров твой Женька. Капитан и мичман его в обиду не дадут.

— Откуда знаешь про Женьку? — засомневался Сережа.

— Если говорю — значит, знаю. Ложись, ложись, межзвездный скиталец, покоритель Марса!

Сережа лег, минуту щекотал щеку брата длинными ресницами, потом задышал тихо и ровно. Заснул. Виктор не спал. Его бодрость и бесшабашность были напускными, чтобы не растревожить Сергуньку. Сердце его сжимал страх.

А над головами их зловеще стучали стрелы дровками бердышей в башенный настил. Не спим-де, караулим! Не надейтесь бежать! Не спим!

Глава 18

БОЛЬШОЙ ФУТВОЛ

Лук мой славный, дорогой,
Грянем в трон разок-другой!
Прямо в бархат бей, стрела,
Чтобы тучей пыль пошла.

*Шандор Петефи, «Лук мой
славный...»*

1

Во все стороны, на юг и север, на запад и восток, — горы, горы, горы. Они лежали, как косматые звери, вытя-

нув лапы и положив на них то круглые, то острые морды. В праздничном воздухе утра горы приблизились всеми морщинами распадков, темными пятнами ущелий и долин. А где-то очень далеко переливчато сверкало что-то, похожее на изгиб широкой реки. Не дорога ли в мир, в большую, звонкую, кипучую жизнь?

Капитан и старосты всех шести посадов сидели на обломках скал. Не сел — стоял, привалившись плечами к сосне, Пуд Волкорез. Не было только Птухи — он стерег свою взрывчатку — и Алексы. Солевар не уходил от дозорцев, следивших за Детинцем.

Собираться в посадах теперь опасались. За прошедшие два дня после совещания в кузнице Душановы сыщики десятками лезли в посады, шныряли по улицам и дворам днем и ночью. Теперь они носили под кафтанами легкие кольчужки, а за поясами их торчали на показ пистолеты и кистени. Этими ночами старосты посадов и все, кто чуял за собой какую-нибудь вину перед Детинцем, дома не ночевали, а уходили в сарай, кузни и даже в сады или огороды.

Поэтому и совещание созвали на Лысухе — белоголовой горе, нависшей над Ново-Китежем. Старосты вчера еще узнали от капитана о вызове летчика в Детинец и о похищении Сережи. Возвращения из Детинца Косаговского ждали весь остаток дня и всю ночь. Утром, еще затемно, по просьбе капитана собрались на Лысухе. Решено было ждать до полудня, а если летчик не вернется и к этому часу, начинать действовать. Внизу, в городе, был оставлен Истома. Он должен был прибежать на Лысуху, если вернется Виктор.

Уперев локти в колени и положив голову в ладони, капитан посмотрел вниз, на богоспасаемый град. Пыльные ухабистые улицы, потемневшие от дождей избы со ржавыми соломенными крышами, лютая бедность, голод, невежество, тоска. В этих дымных, вонючих избах тлеют лучины, хлеба-

ют там щи без соли, жуют несоленую кашу, кривятся от трудной вони несоленой рыбы. Там стонут и надрывно кашляют больные тифом, оспой, чахоткой; здоровые от беспросветной нужды, голода и смертной тоски или бегут в кабак, или молятся истово. А подняв в молитве глаза к небу, видят все тот же Детинец, его пузатые башни, словно кулаки, занесенные над замордованными посадами и деревнями. Иной раз мутится у капитана голова: явь это или кошмарный сон?

Капитан вздохнул и выпрямился. К черту хандру, о деле надо думать!

— Пуд, нашли твои лесомыки что-нибудь в церкви «Николы на бугре?»

Волкорез виновато облизнул обветренные губы:

— Дельного ничего не нашли, кормилец. Следы видели в лыве¹. Это подале от церкви будет. Обутка аки бы не наша. У нас такую не носят.

— А в самой церкви, внутри? Особенно в алтаре?

— В церкви ничего не нашли.

«Неужели не в алтаре «Николы на бугре» их притон, когда они приходят сюда? А харбинский окурок? Но где же они прячутся?..»

Из города прилетел вдруг возбужденный слитный крик людей. Ратных удивленно и тревожно прислушался, из-под ладони посмотрел на город.

— Что это за крики? — спросил он. — Около Детинца, кажется, люди кричат?

Староста Гончарного посада улыбнулся.

— Сёдни наши посадские ребята с детинскими сражаются. Мячик ногами мутузят, бесенята. Им что? Балуют.

— Сборная «Посады» — сборная «Детинец». На первенство Ново-Китежа. Большой футбол! — сказал капитан,

¹ Лыва — мелкое болото, мочажина.

и голос его потеплел. — А принес футбол в Ново-Китеж Се-режа. Не пришлось ему, бедному, участвовать в таком ответственном матче... И не побоялись верховники своих де-тей на футбол отпустить?

— Мы-то с Детинцем в «тесную бабу» играем, а ребятне это ништо, — объяснил гончар. — А для охраны своих чад послали верховники на поле две десятни стрельцов.

— Две десятни — пустяковина. И не пикнут! — сказал презрительно староста солеваров. — Надо бы детинских щенков похватать — да в подвал. И обменять бы на наших, на мальчика и на Виктора.

— Мы не верховники, мы с чадами не воюем! — резко сказал Будимир.

Солевар заметно смутился.

— Прости, коли так, на глупом слове.

Все помолчали, прислушиваясь. Из города доносился все тот же гул голосов, затем дружное, восторженное «а-а-ах!».

— Завелись уже в Ново-Китеже болельщики. Ишь как переживают! — засмеялся Ратных.

Будимир первый услышал близкий человеческий крик. Он поднялся с камня, посмотрел вниз. Без тропки, напрямик ломился к ним Истома. Приблизившись, он обвел всех медленным взглядом, часто, запаленно дыша. И все еще молчал.

— Ишь запалился как, — не вытерпел Будимир. — По-што спешил?

— Вам сказать. Полдень уж, из Детинца никто не при-шел.

Старосты переглянулись, все разом вздохнули.

— Верховники и братчики перешли уже в наступление, а мы еще не готовы нанести удар. У нас руки связаны! — с отчаянием сказал капитан. — Ждать, ждать и снова ждать!

У Будимира на скулах выступили каменные желваки,

так стиснул он зубы, и лоб разрубила каменная складка меж бровей. Но он молчал, глядя в землю.

— А спасение Виктора и Сережи только в немедленном восстании, пока братчики не засели в Детинце. Поймите это, — умоляюще смотрел Ратных на старост.

Гончар поворошил бороду, сказал осторожно:

— Бой этот для нас последний будет. Одолеют — вся наша жизнь кончена!

— Нет, ты скажи, как думаешь: можно наших друзей мирских оставить верховникам на растерзание? — сумрачно посмотрел на него староста Щепного посада. — Ну? Чего молчишь?

— Не можем мы того сделать, спасены души! — громыхнул Будимир. — Не можем друзей верных в беде бросить! Есть иль нет на нас крест? Я так думаю, начнем с теми силами, кои соберем!

— Опасно, — покачал головой гончар.

— Держи опас про запас, хлебна муха! Знаю, что опасно. А мы всю жизнь с опаской жили. Старосты, спасены души, разойдемся по своим посадам и клич кликнем!

Старосты ответили ему одобрительными восклицаниями.

— Айда вниз, в город! — закричали они. — Мешкать грешно!

Все начали спускаться с Лысухи и вскоре вышли в Кузнецкий посад. Здесь гремело, звенело и дымило на каждом шагу.

— А кузнецы всё стучат и стучат! Погибель Детинцу куют! — сказал Волкорез.

Остальные засмеялись.

Будимир остался в своем посаде. Затем и остальные старосты начали расходиться по посадам. Капитан свернул к Детинцу. Надо осмотреть будущий театр военных действий. С ним шли Волкорез, Лапша и Истома. Гул голосов на футбольном поле становился все сильнее.

— Эх, орут-то! Как на кулачном бою, — сказал одобрительно Лапша.

Что-то изменилось в криках футбольных болельщиков — они стали злобнее, беспощаднее. Вырвался вопль, умоляющий о пощаде.

— И верно. На кулачки, что ли, там пошли? — недоумевающе пожал плечами Волкорез.

И вдруг разноголосый протяжный вой двинулся, полетел. Людские возбужденные голоса, неистовые крики, слезливые причитания женщин, чьи-то испуганные подвывания, злой собачий лай — весь этот гул катился, приближался. А затем появились и люди. Первыми выскочили конные стрельцы. Они мчались, давя кур и поросят, спасаясь от посадских, бежавших сзади и нахлестывавших стрелецких коней в десять хвостов. Испуганные кони подбрасывали на скаку крупы и опрокидывали всадников на шею.

Стрельцы успели проскочить в открытые для них ворота Детинца. Затем ворота захлопнулись перед самым носом подбежавших посадских.

Вся огромная площадь перед Детинцем была уже забита народом. Всюду всклокоченные бороды, бараньи и собачьи шапки, сермяжные армяки и кафтаны. Все кричали и грозили Детинцу кулаками, кольями, топорами, кузнечными кувалдами.

— Неужто бунт? Святой бунт? — спросил тихо Истома, прижав к груди ладони. На лице юноши был восторг, глаза его сияли, будто светились изнутри.

В толпе посадских капитан увидел неожиданно Птуху. Мичман был в одной тельняшке, видимо, поспешил выбежать на улицу. Ратных окликнул его, и Федор начал продираться через толпу. Еще издали он закричал:

— Лед тронулся, господа присяжные заседатели! — Федор поднял палец над головой и кому-то погрозил. —

Теперь будем, как в Одессе говорят, с божьей помощью вынимать из них душу!

— Как это началось? Почему? — спросил его капитан.

— Точно не могу сказать. С футбола это началось.

— С футбола? А ну-ка рассказывайте!

2

Взрывчатку спрятали в угольных коробах, засыпав ее толстым слоем угля.

Мичман переселился поближе к угольному сараю в шалаш из жердей и соломы.

Он лежал, закинув руки за голову, и мечтал об Одессе, когда услышал близкий гул голосов. Мичман сел и прислушался обеспокоенно. Но тотчас же раздался многоголосый крик, такой яростный, полный такой страсти, что Птуха как был, в одной тельняшке, выскочил на улицу.

Кричали на лугу в начале посада и недалеко от Детинца.

— Футбол, вот оно что!

От угольного сарая до футбольного поля было очень недалеко, и мичман решил посмотреть на матч.

Игра, как он понял, втиснувшись в толпу зрителей, шла с явным перевесом посадских. Пятерка их нападающих «висела» на воротах противника, а детинские вынуждены были уйти в глухую защиту. Их вратарь нервничал, как девчонка, крестился и слезливо причитал: «Пресвятая богородица, помоги!.. Святые угодники, заслоните!..» А в воротах посадчины стоял Тишата, паренек спокойный, медлительный. Никогда не торопится, а всюду поспеваает. Он и мячи брал не торопясь: куда бы они ни летели — в угол, под штангу, низом ли, верхом ли, — а Тишата тут как тут.

Зрители на поле были только посадские, но на стенах Детинца было полно верховников, остро переживавших неудачи своих ребят. Выполз на стену даже посадник. Он не

отнимал от глаз бинокля, не хотел поганить светлые очи паскудным видом посадчины.

Мичман с веселым любопытством смотрел на посадских болельщиков. Низенький посадский, по кислому запаху судя, — сыромятник, ежеминутно ахал: «Вот это ай-яй-яй!.. Вот это да!..» А высокий плотник орал самозабвенно: «Давай, давай! Бой отвагу любит!» Иногда болельщики так увлекались, что, забывшись, валили на поле. Тогда стрельцы, рысившие на маленьких лохматых конях, осаживали народ, зло крича и размахивая плетками.

А на поле возникали одна за другой яростные схватки. Сережин мяч, побывавший в бесчисленных схватках, весь в шрамах и в заплатах, летал с одного края поля на другой.

— Пасовка неплохая, отчетливая, с точным адресом. Сережина школа, — пробормотал мичман и вздохнул, вспомнив мальчика, с которым они успели стать друзьями.

У посадских явно коноводили Митьша Кудреванко, мастер обманных движений, и бешено-напористый Юрята. Митьша коlobком катался по полю, смешно трепыхая ушами шапки, не сняв ее и в игре. Их сильные, злые и, что особенно опасно, неожиданные удары с трудом брал вратарь детинской команды. Но за этой опасной парой зорко и злобно следил судья.

— Свинство какое! — громко сказал Птуха. — Судья явно подсуживает! Горло надо рвать за такое!

— Всем видно, как Шемяка судит! — подхватил его слова откуда-то вывернувшийся молоденький кузнец Мишанька Безмен. — Он же из душановской своры, подглядчик.

— Зачем же вы позволили ему судить? Знали ведь, что он подглядчик! — заволновался мичман.

— По закону так, — беспомощно развел руки Мишанька. — Первая половина игры — их судья, вторую половину будет наш судить.

Зрители тоже заметили, что судья бессовестно подсуживает детинским. Звонкие мальчишечьи голоса закричали:

— Судью с поля!..

Закричал судье, не вытерпев, и Мишанька Безмен:

— Как посадник Густомысл, судишь! Ты по-божьи суди!

К нему подлетел конный стрелец с потным и злым лицом:

— Заткни рот онучей, смерд! Не то пулей заткну!

— Сунься, сунься! — тихо, но грозно сказали ему из толпы. — Завернем шею, как кочету!

Стрелец, опасливо оглядываясь и по-собачьи рыча, отъехал.

На поле между тем заварилась ожесточенная схватка. Посадские бросились в очередную атаку на ворота Детинца. Митьша Кудреванко с мячом ворвался стремительно на штрафную площадку детинских. Можно было бить по воротам, но Митьша увидел, что Юрята находится в лучшем положении: перед Митьшей крутились два детинских игрока. Он по-товарищески, великодушно уступил другу удар по воротам, неожиданно передав мяч назад, Юряте. Точно приняв мяч, Юрята с силой пробил по воротам. Детинский вратарь поймал мяч, но вместе с ним влетел в ворота.

— Та-ама! — снова зазвенели высокие мальчишечьи голоса.

А за ними взревело и все поле:

— Та-ма!..

— Ха! Слышали? — засмеялся Птуха. — И сюда пробрались священные словечки болельщиков. Кошмар!

Митьша, услышав его голос, нашел мичмана глазами в толпе и подбежал.

— Дядя Федя, где Серега? Мы пришли к попу, а вас никого нет. Нам трудно без Сереги играть.

— Вижу, и без Сережи справляетесь. Потом расскажу, — помрачнел Птуха.

А зрители ликовали, били друг друга по плечам и целовались троекратно. Низенький сыромятник сорвал в восторге шапку и подкинул ее высоко, потом сорвал шапку с Мишаньки и ее подкинул.

— Эка голосят, как на толчке! Менялы базарные! — со злобой выдавил проезжавший стрелец.

А посадские кричали издевательски ему вслед:

— Кисло тебе, зелен кафтан? Взяли Детинец-то!

— Взяли в потешной игре, — сурово оборвал крики седобородый, но дюжий и с румяным лицом кузнец. — Только и всего! А Детинец стоит и кулаки нам кажет!

— Верно дед говорит. Пора, спасены души, заправдашнюю игру начинать! — веско сказал сыромятник.

— Только свистни народу! — подмигнул ему плотник. — Начнем!

Птуха посмотрел значительно на Мишаньку. Тот улыбнулся понимающе в ответ.

А на поле меж тем началась какая-то сумятица. Судья непрерывно свистел и указывал на мяч, поставленный им около детских ворот. Посадские игроки спорили с ним, он в ответ грозил им кулаком. Особенно горячился Митьша.

— Что там такое? — не понял мичман.

— Судья говорит, что Юрята был в положении вне игры, когда пробил по воротам детских. Лжет судья. Митьша передал Юрята мяч назад. Я видел ясно.

А поле уже выло, ревело, стонало:

— Судью на мы-ы-ыло!..

Стоявшие впереди закрыли от мичмана поле, а когда они расступились, Птуха увидел, что Митьша стоит на коленях, запрокинув голову, и старается унять кровь, лившуюся из носа.

— Судья его кулаком в лицо! Сбил мальчонку с ног, окаянный! — завопили в толпе.

Сразу наступила тишина на поле, переполненном наро-

дом, и стало слышно, как канючит чайка над озером. И так же в тишине, молча, люди бросились на поле. Мичман бежал вместе со всеми. Еще на бегу он увидел, как посадский, схватив судью за бороду, задрал ему голову и заревел:

— На небо погляди! Нас не стыдишься, бога постыдишь!

К ним бежал, трепыхая лапами кафтана и волоча по земле бердыш, спешившийся стрелец. Он кричал посадскому:

— Брось! Слышь, говорю! Ухайдакаю лешего!

Стрельца схватил за ворот сыромятник и рванул назад.

— Сунься только — одним мертвым больше будет!

Конные стрельцы, тоже выскочившие на поле, хлестали народ плетками, кричали грозно:

— Куды?.. Назад!.. Стой, говорю!..

Юрятка, увернувшийся от плетки, зло ощерившись, запустил мячом в стрельца и сбил с него шапку. Стрелец, вздернув коня на дыбы, выхватил из-за пояса пистоль и прицелился в мальчонку. Юрята, изогнувшись, проскочил под конским брюхом и юркнул в толпу. Стрелец со зла выстрелил в мяч. Мяч зашипел и испустил дух.

Тогда раздался первый яростный крик:

— Бей стрельцов, кто в бога верует!..

Мичман поглядел на Детинец. На стенах было пусто. Как ветром сдуло и цветные кафтаны, и яркие платья, и зонтики. К воротам крепости бежали мальчишки — игроки детинской команды. Их никто не преследовал.

А на футбольном поле шла расправа с судьей-подглядчиком. Выломив руки в локтях, его тыкали лицом в землю:

— Суди по-божьи, собака!..

— И не подглядывай!..

— Не доноси посаднику, сучье вымя!

Судья, выплевывая пыль, забившуюся в рот, выл по-звериному.

Конные стрельцы, возвышавшиеся над толпой, сбились в кучу, не решаясь кинуться на посадских. Дело-то пошло не на шутку! Затрещали плетни — из них выламывали кольца; бабы с плачем закрывали ставни; во всем городе отчаянно лаяли собаки; в церквах набатно заклепали в чугунные била. И перекидывались, как пожарные искры по ветру, тревожные и веселые слова:

— Бунтуем, спасены души!..

— Сподобил господь!..

— Рушь Детинец!.. Оттыкай дыру в мир!..

— Волим в мир выйти!..

Стрелецкий урядник, толстенький, молоденький, почти мальчишка, вдруг взъярился. Он выдернул саблю из ножен и закричал, грозя ею:

— Расходись! Нет вам, псам, ходу к Детинцу!

Он пришпорил коня и запальчиво бросился на толпу. Храпящая, брызжащая пеной лошадиная морда ткнула мичмана в плечо.

— Соблюдай правила уличного движения! — рывкнул Птуха, отмахнувшись кулаком, и попал лошади в лоб.

Конь отчаянно затряс головой. Урядник выдернул пистоль, курок щелкнул, но дал осечку.

Мичман схватил всадника за кушак, сорвал с седла, поднял и швырнул на землю.

— В колодец его! — закричала толпа, срывая с урядника оружие.

Его привязали к колодезному журавлю вниз головой и несколько раз окунули в колодец. Урядник плакал по-ребячьи и жалобно кричал:

— Ребятюшки, не губите! Подневольные мы!

— Врешь! — отвечала толпа. — Вольной волей зеленый кафтан да берендейку надел!

Еще двоих стрельцов стащили с коней и принялись мять

им бока. Остальные зеленые кафганы повернули коней и помчались к Детинцу.

Посадские хлынули вслед за ними.

3

Штуха еще рассказывал, а около них стоял уже Будимир, с трудом протолкавшийся через плотную толпу.

— Получилось дай боже! — закончил мичман свой рассказ. — Начали футболом, кончили восстанием.

— И клич кликать не надо, и звать никого не надо. Весь Ново-Китеж здесь! — покачал головой Будимир.

Людской девятый вал, хлынувший с футбольного поля, ударившись о стены Детинца, остановился и забурился. Ходила зыбь, крутились водовороты, и не умолкали крики. Капитан разбирал отдельные голоса и видел отдельных людей. Вот Псой Вышата кричит, тряся рваными дерюжными штанами:

— Теперь держись, Детинец! Жди нас в гости, придем посадничьи меда пробовать!

А не отходивший от него ни на шаг Сысой Путята, почесывая пузо под рубахой, говорил кротко и мирно:

— И то! Поручить надобе это лукошко, Детинец, понимай.

На них налетел с неожиданной яростью посадский, похожий на апостола с иконы, споривший с Псоем еще в роще на Ярилином поле. Задирая апостольскую бороду, Софроний начал выкрикивать визгливо:

— Вы лбы о Детинец расшибете, нахвальщики! Шумство и озор до добра не доведут!

Тогда взорвался вдруг мичман:

— Что защищаешь, жлоб? Какая у тебя жизнь? Хуже турецкого святого живешь! Посаднику галоши целуешь!.. Кошмар!

Люди загудели:

— Верно, мирской, говоришь! Святые слова!

А Сысой засиял ему лучистыми ласковыми глазами.

— Не гневись на него, Федя. Что с него возьмешь? Сидень Софроний ведомый. Ватрушка, пра слово! Все за старину, за ветошь заступается.

Откуда-то прикатили пустую сорокаведерную бочку, и на нее взобрался Будимир.

— Спасены души, тиха-а-а! — загромыхал его бас. — Что высоко подпоясались? Али драться собрались? Добре! Пора по Детинцу ударить!

— Ай да Будимир! — заликовала толпа. — Широка борода, а душа молода! Веди нас на Детинец!

— Не я поведу. Без головы и руки-ноги вразброд пойдут, и надо нам по древнему, Степанушки Разина обычаю выбрать походного атамана. Кого волите, хрешшоны?

— Ты нам совет дай, кого выбрать! — закричали в толпе.

— Степана мирского выбирайте! Он смыслом мудр и сердцем чист. Гож ли?

— Гож, гож! — заревела толпа. — Кажи нам Степана мирского!

— Полезай на бочку, — посадил Будимир капитана, — покажись народу.

Ратных влез на бочку, и люди закричали:

— Люб, люб!.. Маленько знаем тебя!

— Челом бьем, порадей, родимый!

— Веди нас на Детинец, Степанушка!

— И на отчину выведи!.. В мир!.. На Русь!

Ратных смотрел на прокопченную, землистую от голодовок, позеленевшую от цинги посадчину, и сердце его билось взволнованно.

— Коли народ выбрал, отказываться права не имею! — крикнул он и поклонился народу. — За доверие благодарю.

а только я сердитый. Что думаю — скажу, что сказал — сделаю, а споров да перекоров не терплю!

— Послушны будем твоей воле! — кричал народ. — Атамань с богом, Степан! Вот и второй у нас атаман Степан!

— В помощь себе беру есаулами Будимира Повалу, лесомыку Пуда Волкореза и мирского Федора, вот этого! — указал он на Птуху, стоявшего около бочки.

Мичман сразу подобрался и лихо сдвинул на затылок мичманку.

— И это в твоей воле! — ответила толпа.

— А вот знак власти твоей атаманской, — протянул ему Будимир кривую длинную саблю в сафьяновых ножнах. — Это сабелька старицы Анны, ею она царских воевод рубила. Мы, кузнецы, ее храним.

Капитан вытащил саблю наполовину из ножен и поцеловал ее.

А в толпе кто-то нетерпеливый завопил:

— Начинай воевать, атаман! Верховники в Детинце, как в горсти. Их, как цыплят, лукошком накрыть можно. Начинай!

— Хороши цыплята! Слушайте меня, спасены души! — полез на бочку Софроний. — В Детинце собак-стрельцов близ тысячи. Несть числа! А с сильным бороться — смерти искать!

— Да спихните вы его с бочки! — заревела толпа. — По морде угодник, а по делам негодник! Откуль же близ тысячи, зеленых кафтанов едва сотня наберется!..

— Беги от стен! — закричали в задних рядах. — Счас с пищалей шибать начнут! И пушку ладят!

— Трави запа! — долетела команда со стены.

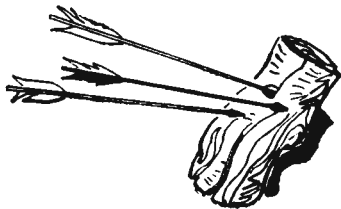
Детинокие стены окутались пороховым дымом. Стрельцы открыли огонь из длинных, тяжелых пищалей и корот-

ких широкогорлых «тюфяков»¹. А в башенной амбразуре вспыхнуло пламя, и пушечный выстрел тупо отдался в тайге. Каменное ядро, проверещав над осаждающими, плюхнулось в землю далеко за их последними рядами. Детинские владыки повернули разинский «Единорог» против народа.

Пороховой дым повис низко над землей, как болотный туман. Кричали в толпе раненые. Кружили над людьми перепуганные галки. Осаждающие отхлынули от стен, и стрельба прекратилась.

Вскоре пошел дождь, частый и крупный, но посадские не ушли от Детинца.

¹ Тюфяк — род старинной пушки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«НА СЛОМ!»

Глава 1

ОСАДНЫЙ ТАБОР

...Так и стояли. Эти и те.
Перепопыхиваясь винтовкой.

Ил. Сельвинский, «Улялаевщина»

1

Восставшие посады окружили Детинец осадным табором. Появились шалаши из ветвей и соломы, шатры из дерюг и рогож. Пригнали из посадов телеги и огородились ими от конных атак стрельцов.

Шумела радостно, словно дождалась праздника, посадчина. Были тут кузнецы с запеченными у горнов лицами;

плотники из Щепного посада в дерюжных фартуках, с топорами, засунутыми за спиной за пояс; красильщики, с руками желтыми, синими, зелеными; рыбаки, подпоясанные, по ловецкому обычаю сетями, скрученными в жгут. Были здесь и мужики из таежных деревень, вооруженные вилами-тройчатками и цепями; были солевары с язвами на лицах и руках от горячего рассола и, конечно, лесомыки со страшными своими луками.

Скрипящие, тяжело нагруженные возы привезли из Кузнецкого посада тайно заготовленное оружие: вязанки мечей, сабель и копий, ослопы, окованные железом палицы, кистени, железные рубчатые шары на цепях, с какими еще на татар хаживала Русь. А против конных стрельцов были молоты-клевцы, с железным клювом для стаскивания всадников с седел. Прислал Кузнецкий посад и пищали, тяжелые и длинные, как ломы, но не много было огненного боя. А из Сыромятников привезли кожаные рубахи, обшитые железными пластинами.

Походный атаман восставших посадов в шинели, туго запоясанной и застегнутой на все четыре крючка, в зеленой пограничной фуражке и с древней саблей старицы Анны, пристегнутой к ремню, обходил осадный табор. За атаманом шли есаулы. В высоком шлеме, в пластинчатых латах, надетых на посконную рубаху, опираясь, как на клюку, на прямой широкий меч, тяжело шагал Будимир Пovala. Всей пятерней он лохматил подпаленную у горна бороду и не спускал глаз с детинских стен. Но не страх, не сомненье были в его глазах, а спокойствие и уверенность. Положив на плечо рогатину, грозную, тяжелую, на длинном березовом ратовище, шел плотный кривоногий староста охотников Пуд Волкорез. И он не сводил с Детинца пятнистых, как у рыси, глаз. В глубине их залегла настороженность; он смотрел на Детинец, как на зверя, готового к прыжку. За бревенчатыми стенами сидел этот лютый зверь

и примеривался к прыжку, прицеливался к удару коггистой лапой. Третьего есаула, мичмана Птухи, не было в таборе — он уехал в посад за взрывчаткой и порохом.

Атаман и есаулы остановились у дерюжной палатки, где бабки-ведуньи разместили лазарет. На рогожах лежали раненные при первом приступе на Детинец. Скупостонал посадский, подбитый зарядом картечи из горластого «тюфяка». Рваные его портки и рубаха залубенели от крови. Ведуньи варили целебные корни, обмывали отваром раны и накладывали на раны осиное гнездо или присыпали золой. А в стороне лежал убитый. Бабки уже обмыли покойника через березовый веник, обули в ненадеванные новенькие лапти, на глаза положили медные гроши, а в головах поставили чашку с водой, чтобы было где обмыться его душеньке, вылетевшей из тела. И провожал его в последний путь похоронный плач женщин.

Подымитесь вы, ветры буйные,
Со всех четырех сторон.
Разнесите мать сыру землю,
Разбейтесь гробы да распахните саваны.

Будимир снял шлем, вытер рукавом вспотевший лоб и перекрестился.

— Мало на воле погулял! — сказал он жалеюще, указывая на мертвеца, и перевел взгляд на Детинец. — Облегли мы сего зверя, а он вишь как кусается!

— Медведь, коли почует, что берлога его в облоге, он тогда и зубом кусает, и когтями рвет, и лапой наотмашь бьет, — угрюмо заговорил Пуд, глядя на сиявшую золотом крышу посадничьих хором. — А Детинец не добыча еще, подранок только. Вот и кусается.

— Добьем? — спросил походный атаман. — По острию ножа идем!

— Подденем на рогатину! — тихо, но с угрозой ответил Волкорез.

— Прииде час для мужества и для битвы! — снова перекрестился Будимир. — Докончим же наше дело в добрый час, во святое времечко.

А похоронный вой плакальщиц начала перебивать горластая, задиристая перебранка двух враждующих станов. Таков древний осадный обычай. Посадские кричали стрельцам, высыпавшим на стены:

— Пошто ворота Детинца заперли?

— Чтоб телята не лазили! — отвечали насмешливо стрельцы.

— Теляток спужались, храбрецы?

— В мир, гулевщики, захотели? — юрали со стен. — Ототкнем вам дыру не в мир, а в адское пекло!

— Всем вам, кафтанникам, головы свернем! Сами себя в пятки целовать будете!

— На себя погляди, посадчина тухлая! Лаптем щи хлебаешь, еловой шишкой чешешься!

— Веревки на вас, кафтанников, жалко! Мочальной петлей удавим!

На стене показалась вдруг багровая рожа попа Саввы. Задрав нос-пуговку, он сначала выругался ядрено, потом заорал:

— Паршивчики, шелудивчики! Сманили вас, дуrolомов, мирские на окаянство! Саблей вас будем крестить, как рече пророк!

— Душа паскудная, попище нечестивый! Уже переметнулся? — брезгливо закричал Истома, стоявший под стенами.

— Истомушка! Внучек! Сам знаешь, сколь скудно мы живем! — слезливо заныл поп. — А старица обещала, что я один буду мертвых посадских отпевать. А посадчину стрельцы сотнями уложат, вот увидишь!

— Кутья тухлая! Прихвостень посадничий! — закричали ненавидяще посадские. — Трупоядец проклятый!

А поп надрывался со стены:

— Сосчитай-ка, Истомушка! С каждого покойника по алтыну — три рубля в кошну!

Толстый, неповоротливый стрелец, низко склонившись со стены, крикнул зычно:

— В Светлояре ваших мертвяков будем топить! Как в прошлый ваш бунт топили!

— Ты топить нас не будешь! — рявкнул Волкорез.

Длинная, зверобойная стрела его мстительно взвизгнула и впилась стрельцу в горло.

— Вот тебе, вражина!

Стрелец шатнулся и упал со стены головой вперед. Так и остался лежать со стрелой, пробившей горло и застрявшей где-то в черепе.

А перебранка осадного табора и детинской стены прекратилась только ночью.

2

Ночь пришла холодная и ветреная, с редкими проблесками луны меж бегущими облаками. И принесла эта ночь караульным стрельцам тревогу и страх. Они слышали шум какой-то работы: лязгало железо, били в землю лопаты, лопы и кайлы, скрипели подъезжавшие возы. А не видно в темноте, что задумали смерды.

Это Птуха готовил свои фугасы. Он сердился и ругался шепотом, чтобы не услышали на стенах.

— Кошмар! Ты же не могилу копаешь, а шурф! Понимаешь? А на дне шурфа выкопаем зарядную камеру. И что с этого будет? И будет с этого, чтобы вы знали, воронка усиленного выброса!

А со стороны Светлояра подъезжали возы с песком, глиной и крупной галькой, забоечным материалом для забойки шурфа.

Тревогу и страх рождал и у посадских нависший над осадным табором Детинец. Был он загадочен, безмолвен и темен. Светились только два окна в посадничьих хоромех, словно палились на осадный табор огненные глазища. А еще посверкивали волчьим глазом тлеющие фитили на стенах, отмечая места пушек, «тюфяков» и пищалей, да иногда свет проглянувшей луны дробился синеватыми искрами на остриях копий, на лезвиях бердышей и на шлемах стрельцов.

«Ветер и ночь холопьего бунта! Стены старинной крепости и зловещий блеск старинного оружия... Все как во сне!» — думал капитан, стоя около штабного шатра.

Пуд Волкорез, стоявший рядом с ним, погрозил кулаком окнам посадских хором:

— Ужо выьем твои глазища, филин проклятый!

3

Капитан и Волкорез вползли в штабной шатер, под большую дерюжину, накинутаю на поднятые оглобли двух телег. В шатре были уже Будимир, Алекса Кудреванко и атаманские посыльные, то есть адъютанты — Истома и Мишанька Безмен.

Садясь на рогожу, Ратных сказал:

— Итак, товарищи и братья, завтра утром общий штурм Детинца. Согласны?

— Знамо, так! И перетакивать не будем, — решительно ответил Будимир. — Мужики уже роптать начали: де атаман и есаулы зады чешут, о битве не думают.

— А с братчиками как? — озабоченно спросил Пуд. — Опаска с ними большая нужна!

— С братчиками не все ясно. В Детинце, полагаю, их нет, а вот с тыла они могут ударить. Алекса перенес свои

сторожевые посты на тылы осадного табора. Алекса, не проморгают твои дозорцы?

Алекса привстал, отвечая:

— Уши топориком держим, не вполглаз — на полный глаз глядим. И мышь не прошмыгнет!

— Если тревога в тылу начнется, ты, Пуд, туда своих ребят с луками посылай. Нужно издали врагов бить, близко к табору не подпускать. Подойдут вплотную — нам недобровать! А как твои таежные посты, Пуд?

— У Алексы мышь не прошмыгнет, а у нас жук или червяк не проползут. Округ города в тайге дозоры стоят.

— Оружия у нас маловато, — вздохнул атаман. — Если стрельцы в конную атаку пойдут, кольями и оглоблями отбиваться придется.

Будимир виновато опустил голову.

— Сделали, сколько успели. Раньше времени начали. Все промолчали, погруженные в тревожные думы. Потом капитан снова спросил Истому:

— О пленных наших ничего не узнали?

Юноша покачал головой.

— Узнали, да мало. Друзья Сергунькины, ребяташки посадские, говорят, что Сергунька и брат его в Пытошной башне сидят. Точно будто бы узнали.

— Ребяташки всегда знают, — улыбнулся капитан.

В шатер, согнувшись, втиснулся мичман. Был он перемазан землей и глиной, брюки на коленях разорваны.

— Закончили, мичман? — оживился Ратных.

— Так точно, закончили! — Глаза Птухи, обычно всегда со смешинкой, как у истого одессита, сейчас блестели жестко. — Эх и рванем! Двадцатый век против семнадцатого. Кошмар!

Новокитежане с уважением смотрели на мичмана. К штабному шатру подошел кто-то и остановился, не

решаясь войти. Видны были только огромные босые ноги. Потом послышался голос Некраса Лапши:

— Атаман-батюшка, есаулы славные, на детинских стенах огни многие появились. Взглянули бы!

Штабной шатер вмиг опустел.

Глава 2

МИРНАЯ БЕСЕДА

Только там, где приходит беда,
Провернется смелость.

Муса Джалиль

1

Их заперли в камере Пыточной башни. Большое волоковое окно, через которое Сережа и его друзья пробрались два дня назад по желобу в Детинец, было забито наглухо толстыми сосновыми горбылями.

Виктор еще на рассвете внимательно осмотрел волоковое окно, попробовал отодрать горбыли и безнадежно сказал:

— Здесь нам хода нет.

Было в камере и второе окно, маленькое и забранное решеткой, выходящее на посадничий двор. Видно из него было немного: край двора, верхушки сада да берег пруда, где шлепали вальками прачки. Но это было все же веселее, чем мрачные стены тюрьмы, и Сережа часто подходил к этому окну. Он и заметил, что среди прачек, коренастых, голоногих, появилась тоненькая девушка в цветном сарафане.

— Чего это она смотрит на наше окно? — удивился вслух Сережа. — Все смотрит и смотрит!

— Кто смотрит? — подошел к окну Виктор и тотчас вскрикнул: — Она! Анфиса! Узнала, что нас сюда сунули! Будем ждать от нее весточки.

А весточка уже пришла — уже стучал на двери наружный засов.

Посадничий ключник, дряхлый Петяйка, принес большой узел с пирогами, жареным мясом и рыбой.

— Сдоба вам и ядь всякая, скромная и постная.

— Спасибо, дедуся! От кого посылка? И письмо есть?

— Письмо тебе посадник-владыка батогами пропишет!

— Ты ей на словах хоть передай, что я...

— Отзынь, поганец! — крикнул зло Петяйка и спросил Сережу сухо и угрюмо: — Велено спросить здоровье твое. Что передать?

— Передайте, здоровье хорошее, — ответил Сережа и вежливо добавил: — И большое спасибо за беспокойство. Это тоже передайте.

Петяйка вышел из камеры и со стуком задвинул снаружи засов на двери.

Кроме радостной весточки от Анфисы, ничего не случилось в этот день. Он тянулся, как и всякий тюремный день, лениво, незаметно, бесшумно. Лишь стучало где-то деревянное ведро о сруб колодца и ворковали голуби под застрехой башни. Но вот в тюремное безмолвие начали вливаться сначала глухо, а потом все громче и громче яростные и страстные крики. Где-то недалеко шумела толпа, свистела, охала, кричала то негодуя, то умоляя, то ликуя.

— Играют! Честное пионерское, играют! — восторженно закричал Сережа. — Сборная посадков со сборной Детинца!.. Витя, ты знаешь, какая в Детинце команда? О-го-го,

командочка. А кто же вместо меня центра играет? Юрятку надо было поставить!

Сережа метался по каморе, возбужденный, со страдающими глазами. Его команда играет ответственный матч, а его нет на поле!

— Да успокойся ты! Сыграешь и ты за свою команду, не раз сыграешь! — схватил Виктор Сережу и прижал к себе, остановив его возбужденное кружение по комнате. Он начал уже беспокоиться за брата: слишком он был возбужден, не кончилось бы это горьким плачем.

А когда крики футбольных болельщиков перешли в яростный рев, в топот множества бегущих людей и когда буря эта домчалась до Детинца и ударилась о его стены, заметался по каморе и летчик:

— Началось! Боже, началось!.. Так неожиданно!

Загремели пищальные выстрелы, ухнула пушка. Виктор снова прижал к себе Сережу, загородив его собой. Решается их судьба! Сейчас ворвутся стрелцы и потащат их на расправу. А может быть... Может быть, ворвутся капитан, мичман, посадские и выведут их на свободу!

Так и стояли, обнявшись, глядя с ожиданием на дверь. Но прекратились выстрелы, затихли крики толпы, а за ними никто не пришел.

Настала ночь. Переволновавшийся Сережа крепко заснул на соломе. Виктор не спал, тревожно вслушивался в ночные шумы Детинца.

Не спало и гнездо верховников. Кричали сердито мужчины, причитали женщины, звякало оружие. Зарешеченное окно светилось красным, трепетным светом факелов. Неожиданно стукнул засов двери, и в камору хлынул свет. На пороге стоял Петяйка, за его спиной — стрелцы с большими фонарями.

Сережа испуганно вскочил с соломы.

— Не подходите! — тихо, но с угрозой сказал Виктор, загородив собой брата.

— Не бойся, мирской, — сказал, выходя вперед, стрелецкий десятник. — Ни тебе, ни мальцу худа не будет. Зовет вас ее боголюбие государыня старица в свою Крестовую палату для мирной беседы.

Летчик ответил угрюмым, враждебным взглядом. Он знал, что вызывает его Памфил-Бык для окончательного ответа.

— Знаю я ваши мирные беседы.

Десятник перекрестился и улыбнулся добродушно:

— Вот те крест, что худа вам не будет. Говорю же, старица зовет.

Виктор заколебался. Ответ Памфилу давать придется, от этого не отвертеться. Он взял Сережу за руку, сказал решительно:

— Хорошо, пошли!

...Ночь была черна и тревожна. Над Детинцем повис злой, клыкастый месяц. Чужа недоброе, на стрелецких дворах взлаивали собаки и замолкали, к чему-то прислушиваясь.

Виктора и Сережу ввели в посадничьи хоромы и повели по полутемным горницам. Всюду стояли стрельцы, сонно опираясь на бердыши. Смутная тревога чуялась в низких, душных горницах, где разноцветные огни лампад остро отражались в лезвиях бердышей.

Остановились у широкой тяжелой двери, охраняемой двумя стрельцами. Те скрестили было бердышн, но, увидев ключника, освободили проход. Петяйка открыл дверь и молча, кивком головы пригласил пленников войти. Виктор вошел, ведя за руку Сережу, и услышал тихий старушечий голос:

— Подойди ближе, мирской.

Виктор поднял глаза. Втянув изжеванные старостью

щеки, словно задохнувшись от ярости, на него смотрела новокитежская владычица.

Он притянул к себе Сережу, обнял его за плечи и огляделся.

2

Их привели в Верхнюю Думу — государственный совет Ново-Китежа.

На лавках, стоявших покоем вдоль трех стен, сидели верхние люди, тяжелые, сытые, угрюмые. Виктор глядел на их медно-красные морды, распухшие от лени, обжорства и перепоя, на их отвисшие толстые щеки, на крепкие волчьи челюсти, на затылки, как из камня вытесанные, на тяжелые животы, свисавшие меж расставленных ног, и думал: «От таких добра не жди! Своими руками задушат, волчьими зубами загрызут!..»

Верхняя Дума заседала в Крестовой палате, молебные старицы. Всюду иконы, всюду суровые, изможденные лики святых. На тонких цепочках висели горящие лампы; в грубых, железных подсвечниках оплывали толстые желтые свечи. Горький их чад и копоть лампад забивали дыхание.

Старица сидела в своем высоком, красно-бархатном кресле, упираясь в пол посохом и положив ноги на скамейку с пуховой подушкой. Рядом с нею, в кресле пониже, развалился, сонно заводя маленькие осовелые глазки, посадник. Отдельно, на табурете, сидел человек в ядовито-желтом кафтане.

Свет свечи упал на его лицо, и летчик узнал старшего подглядчика Патрикея Душана.

— Благослови, матушка государыня, начать, — вздохнув и почесав пузо, сказал посадник.

— Господь благослови на мирную беседу, — откликнулась старица.

В Крестовой палате стало тихо. Потрескивали лампы и свечи. И снова послышался басок старицы:

— Патрикей, прочитай мертвую грамоту на мирских и кузнеца Повалу!

Душан встал, развернул берестяной свиток и начал читать глухим, замогильным голосом:

— Ее боголюбие старица Нимфодора и владыка-посадник Ждан Густомысл сказали, а Верхняя Дума приговорила: мирских людей Степана, Виктора и Федора Трехпалого, а с ними же старосту Кузнецкого посада Будимира Повалу... — Душан перевел дыхание и грозно, торжественно закончил: — ...сжечь в железной клетке на толчке на большом костре!

— Слышал, мирской? — засмеялась клокочуще Нимфодора. — Попал ты, как кур в ошип! Не вырвешься!

Черевистый, с рожей, налитой темной кровью, верховник хохотнул злорадно:

— Попался на крючок, окунь красноперый!

Второй верховник, с мертвым под бельмом глазом, прорычал:

— Не хотелось петушку на пир идти, да за хохолок потащили!

А третий — дряхлый, лицо с кулачок, бородка шилом, губы и щеки ввалились — прохрипел:

— Попался, который кусался!

— Говори, Патрикей, вины мирских людей! — резко сказала Нимфодора, стукнув посохом в пол.

Душан заговорил быстро, гладко, как хорошо заученное.

В оловянных глазах его сверкала подлая радость и злоба, когда он взглядывал на летчика.

— Подбивали мирские люди посадских людишек идти

с уязвительным оружием на Детинец, против благоуветливой государыни старицы, государя посадника и лучших верхних людей!

«Лучшие» люди, слушая, сопели, задушенно рыгали, наливались свекольным соком и, по-бычьей нагнув головы, глядели исподлобья колючими глазами на мирских.

— Словно в улей дунули, вот как загудел народ, — горестно покачал головой посадник. — Отвечай, мирской, было такое?

— Было такое! — ответил твердо Виктор, глядя в глаза посадника, и шагнул к нему.

Густомысл замахал испуганно руками.

— Не подходи! Отзынь, дьявол! Стой тамо, где стоишь!

Виктор усмехнулся и отступил назад.

— Было такое! — повторил он. — Народ посадский, трудовой народ, рвется в мир, на Русь, из вашей кабалы, и мы им в этом поможем!

— Не дай боже нам сей беды! — всхлипнул слезливо дряхлый верховник. И вдруг закричал запальчиво: — А мы с кем останемся? Кто работать будет?

— Ай-яй-яй! Вот горе какое! — насмешливо посочувствовал Виктор и обвел медленным взглядом верховников, словно на каждого указал пальцем. — Тебе здесь нравится, дед? — посмотрел он на дряхлого верховника. — Ну и сиди здесь, в лесочке, как дачник. А народ уйдет!

— Ранее в пень вас порубим, всех с головы на голову перепластаем! — закричала Нимфодора, стуча посохом в пол. — Тебе первому поганую голову напрочь!

— Да бейте их!.. Режь!.. Души!.. — заорали дико верховники. Они стаей кинулись на Виктора и Сережу, стиснули их в живом кольце. Они вопили, гнусили, визжали, рычали по-медвежьи:

— Глотку им смолой залить!.. Ребра клещами переломать!.. На дыбу вздернуть!..

И вдруг крики, рычание, визг разом смолкли, и кольцо горячих, потных тел распалось.

В дверях стоял Памфил-Бык.

Он был в синей ферязи и мурмолке с золочеными кистями, свисавшими на плечо. Но Сережа сразу узнал его: — Витя, гляди, юродивый с нашей Забайкальской! Виктор молча крепче прижал к себе брата.

Ни на кого не глядя, братчик сел на свободный табурет. Сказал брезгливо:

— Духота и вонь у вас, как в берлоге. Окно откройте!

Душан подбежал к окну и распахнул его. Виден стал месяц, висевший над тайгой, и слышны стали шум, говор, крики, песни осадного табора, обложившего Детинец.

— Слышите? — быстро и радостно вытянул Виктор руку к окну. — Восстал народ! А вашему царству конец!

Тяжело ступая, медленным, давящим шагом Памфил подошел к летчику. Сказал спокойно, без раздражения:

— Напишите капитану Ратных, чтобы он снял осаду с Детинца.

— Осадил Детинец не капитан, а посадские люди... — ответил Виктор.

— Чепуха! — оборвал его братчик. — Быдло не осмелилось бы на восстание. Это ваша работа, советских. А если откажетесь написать, завтра на рассвете я повешу вас и вашего брата на стенах Детинца. — От возбуждения братчик вздрагивал всем телом, как от озноба. — Не напишешь? — И, понизив голос до шепота, снова спросил: — И не полетишь со мной? Не передумал, летчик?

— Плохо ты, бандит, советских людей знаешь!

Памфил в бешенстве сорвал с головы мурмолку и замахнулся на летчика. Но братчика опередила Нимфодора. С неожиданной быстротой она подбежала к Сереже и, нагнувшись, заговорила быстро и ласково:

— Покричи, внучек, своим мирским с детинской стены. Покричи, родимый. Скажи им, пушай они посадских от Детинца уведут. И будем мы снова жить в мире да в радости. А я тебе за это коврижку медовую дам, сахарку дам. Покричи, ангелочек, покричи!..

Сережа, прижав к губам сжатый кулак, чтобы не заплакать, с ужасом смотрел на зловещую старуху. А она, надвинувшись на мальчика, дыша ему в лицо вонью гнилого рта, хрипела:

— А не будешь кричать, Суровцу тебя отдам. Руки твои в суставчиках хрустнут, клещами ноготки твои вырвут и огнем подкурят!

Голова Виктора медленно кружилась от нахлынувшей слабости. Капли пота текли у него по вискам. Он чувствовал, как дрожит плечо прижавшегося к нему Сережи.

— В остатний раз спрашиваю: покричишь? — выдохнула старица.

Сережа вдруг рванулся из объятий брата и крикнул старице в лицо:

— Фиг с маком! Сама кричи, если тебе надо! Понятно?

— Сережа! — испуганно и восхищенно вскрикнул Виктор.

— Удавлю, гаденыш! — прохрипел Памфил-Бык. Он бесцеремонно оттолкнул Нимфодору и, схватив концы Сережиного выгоревшего пионерского галстука, начал медленно наматывать их на кулак, притягивая мальчика к себе.

Виктор кинулся на братчика и ударил его локтем в грудь. Памфил ответил быстрым ударом в подбородок и ударом ноги в пах. Виктор сгорбился, постоял, полузакрыв глаза, и вдруг с силой обрушил на голову Памфила стоявший на столе тяжелый железный подсвечник. Но попал не в голову, а в плечо. Братчик застонал, бешено скрипнув зубами. На помощь к нему бросился Душан. Посадник

мелко крестился, старица выставила угрожающе острый конец посоха.

Верховники повскакали с лавок и медленно, неслышно, как подкрадывающаяся волчья стая, двинулись на летчика. Сейчас бросятся, исполосуют ножами и выбросят собакам. Виктор прикрыл собой Сережу и поднял подсвечник.

— Ну, кто хочет? Подходи!

3

Верховники остановились и попятились. Их остановил не подсвечник в руках летчика, а звук легких, быстрых шагов. В Крестовую палату вбежала Анфиса, схватила Сережу и сверкнула глазами на Памфила:

— Не тронь младеня, убивец!

Братчик не удивился и не растерялся. Он улыбнулся вежливо и тонко:

— Мне понятен ваш благородный порыв, мадемуазель. Этот мальчик брат вашего жениха, может быть уже и мужа. Но, как мне известно, по законам Ново-Китежа вас, будущую старицу, за такие амурные дела должны бить кнутом на базарной площади.

Верховники оторопело переглянулись и засопели. У посадника отвалилась нижняя челюсть. Анфиса вскинула гордо голову. В глазах ее были гадливость и презрение.

— Батюшка, и ты, старица пресветлая, и вы, верхние люди, — смиренно поклонилась она всем, кого назвала, — на вас ляжет кровь младенца сего. Будет он мертвенький приходить к вам по ночам, на постелю сядет, кровью вас закапает! — Голос девушки дрожал мольбой и слезами.

— Замолчи, Анфиса! — испуганно замахал руками дряхлый верховник. — Экое говоришь, аж жуть берет.

— Я за его смерть перед богом в ответе буду! — торжественно проговорила старица. — Ваш грех, верховники,

я замолю. И не пролью крови младенческой. Удавочка — смерть скорая. Захлестнут, дернут — и помчится его душонка в ад кромешный, к дьяволу в гости! И братца его родного заодно на ту же виселицу.

— И то! — обрадовался и приободрился дряхлый верховник. — Коль старица на себя сей грех берет, удавить его, дьяволенка!

— Погоди, премудрая, и вы, лучшие люди новокитежские, погодите! — решительно перебила их слова Анфиса. — Души наши ты, старица, спасешь, а жизнь нашу? А ежели посадские Детинец на растрюк возьмут, что они за убийства эти с нами сделают? За смерть младенца и брата его? Головы нам отрубят — это еще милостиво. А коли сначала руки и ноги отсекут или на кол посадят?

— Наземь сшибут, да еще и ногой придавят, — слышалось со скамей верховников. — Как баранов зарежут.

— Бараны и есть! — с презрением посмотрела Нимфодора на своих советников. — Уперли бороды в брюхо и знай сопят. Какой же ваш приговор будет?

Верховники нерешительно переглядывались. Один из них, осмелев, сказал:

— Погодить надо с виселицей. Неизвестно, как дале дело обернется.

А другой кивнул на открытое окно:

— Вон они! Слышите?

— Испугались, отцы? — со спокойным бешенством спросил Памфил.

— Ты, милостивец, не серчай, — заговорил робко верховник, тучный, огромный, похожий на гору мяса и жира. Ты что, взял да ушел. А мы куда подадимся? В осаде вот сидим. Убежали бы на Русь, да ты сам говорил, что ждет нас там горшая беда, комиссары красные.

— Я так мыслю, — заговорил бельмастый верховник, —

дать надобе посадским чертеж ходов прорвенских. Не все уйдут, кои и останутся. Лучше рукавом щель заткнуть, нежели целым кафтаном.

— У вас есть чертеж Прорвы? Так дайте самое лучшее решение вопроса, — насмешливо посмотрел Памфил на верховников. — Нет у вас чертежа, а к чужому добру руки не тяните, по рукам получите! И вот о чем подумайте, отцы. Уйдут посадские из Ново-Китежа, тайну прорвенских троп откроют, а на их место придут сюда из мира антихристы, красные комиссары. Любо?

Стоны и причитания раздались на скамье верховников.

— Как волки мы, в ловчей яме! Нету выхода!

А дряхлый верховник заныл слезливо, обращаясь к Памфилу:

— Ты же обещал, кормилец, укорот дать посадским, коли они на дыбы встанут. Самопалами-скорострелами, драконами огнедышащими их усмирить! Где же слово твое? Стрели в посадских, разгоняй их сатанинское сборище!

— За мою спину прячетесь? — ответил презрительно братчик и, поморщившись, схватился за разбитое плечо. — К дьяволу вас, толстопузых! Самопалы начнут стрелять, когда это мне нужно будет. А вы сами себя спасайте. У вас стрельцы, у вас пушка есть. Воюйте!

Он подошел к Виктору, долго смотрел в глаза летчика и сказал негромко:

— На рассвете за вами придут. — Он оскалился злой, волчьей улыбкой. — С веревками. С петлями. Подумайте еще раз, крепко подумайте!

Он выбежал из Крестовой палаты.

Старица сокрушенно вздохнула и сердито сказала Анфисе:

— А ты чего здесь торчишь? Уйди с моих глаз, посты-

лая!... Душан, передай мирских стрельцам. Пускай их обратно в Пытошную отведут. Придушить их мы всегда успеем.

— Видно, теперь уже не придушим, — проворчал сумрачно дряхлый верховник.

И когда ушла Анфиса, а стрельцы увели мирских, он всплеснул руками.

— Господи сусе, как мирские в нашем городе богоспааемом появятся, так обязательно бунт заваривается. То Васьки Мирского бунт, то вот опять посадки поднялись!

— Я во всем виновата! — горестно поджала Нимфодора сухой рот. — Распустила я паству свою, яко негодный пастырь. А стадо без пастыря — пища сатаны. Но сломала я выю Васькиному бунту, сломаю хребет и бунту сѣднешнему. Душан, грамоту увещевательную написал поп Савва?

— Вот она, твое боголюбие! — поднял Душан со стола березовый свиток.

— Давай сюда. И свечу дай.

Старица долго читала грамоту, далеко отнеся ее от глаз и беззвучно шевеля губами. Душан светил ей канделябром. Прочитала, опустила свиток на колени.

— Зело искусен поп Савва в сплетении слов. Великий талант ему богом дан, а он тот талант в чарочке топит. В грамоте сей он и соловьем поет, и лисой крадется, и бархатной кошачьей лапкой гладит, и львиные когти кажет. Уповательно, утишит посадских сия грамота.

— Не брунчи пустое, Нимфодора! — грубо оборвал старицу верховник с бельмом. — Не словеса, а шелепы посадских утишить могут. Непокорны они останутся и после грамоты. А что дале делать будем?

— Слышали, что было сказано нам? Сами себя спасайте! Владыка посадник, к бою готовься! Снаряжай стрельцов конно и оружно!

— То Остафия Сабура дело, — недовольно ответил Густомysl. — На то он и стрелецкий голова.

— Дубиноголов, дремуч и неповоротлив ты, Ждан. Тебе бы ноздрями мух ловить, — с невыразимым презрением не сказала — пропела Нимфодора. — Неохота в кольчугу влезать, брюхо толсто? Иль боишься, убьют тебя смерды? Убьют — церковку на твоих костях поставлю, святым великомучеником сделаю, образ твой в соборе повешу.

Посадник смотрел на нее мутно и тоскливо. Видно было, что не с руки ему стать великомучеником и не радовала икона в соборе с его ликом.

— На сборы даю тебе ночь, Ждан. А на утре в бой иди! — Старица поднялась с кресла. — А теперь помолимся господу победительному, чтобы воинство наше сброд, голь да шушваль посадскую, как полову, разметало! И пойдете на стены, грамоту увещательную читать!

Все закрестились на огромный черный лик Христа.

Глава 3 РАЗДОР-ЗМЕЯ

Ах вы, люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.

*М. Лермонтов, «Последний сын
вольности»*

1

Выбежали из шатра не только атаман и есаулы, вылезли из шатров, шалашей, из-под телег все посадские.

Верхи детинских стен осветились трепетным светом боевых факелов. В железных корзинках, нацепленных на кон-

цы копий, красным дымным огнем горело смолье. И неожиданно забухал набатно соборный колокол Лебедь.

Осадный табор забегал, засуматошился. Но сотники и десятники быстро выстроили людей в боевые порядки. Слышны были голоса есаулов, приказывавших гасить костры — цели для вражеских стрелков.

На стены тем временем выходили верховники. Они встали в ряд, и факелы осветили их могущество и богатство. Сколько тут было необъятных брюх, пышных бород, толстых рож, сколько бархата, шелка, атласа и мехов самых дорогих! Когда установились верховники, чинные, важные, могучие, колокол смолк, и наступила выжидательная тишина.

— К стенам нас подзывают, — догадались наконец посадские. — Указы-грамоты начнут нам читать иль слово увещательное говорить будут. Всю ночь, чай, Верхняя Дума совещалась.

Так и вышло, по догадке. На вислое крыльцо¹ воротной башни вышел стрелецкий голова. Остафий снял атласную, с бобром шапку и поклонился народу на три стороны.

— Гляди, вежливый какой стал! — засмеялись в толпе.

— Слушайте, люди новокитежские, грамоту старицы и посадника! — зычно, на всю площадь, крикнул он. Подняв высоко длинный свиток бересты, он начал читать: — «Всем людям посадским, и деревенским, и прочим жителям богоспасаемой земли ново-китежской, иде же истинное православие сияет, яко светило. Пожелав вам душевного просветления, вкупе же и телесно здравия, обращаясь к вам, людие, мы, высокие владыки. Во-перве, ее боголюбие старица Нимфодора, золотое правило Христовой веры, церкви бодрое око, уста немолчные сладковещательные, преподобная мудрая наставница и владычица, и прочая, и про-

¹ Вислое крыльцо — балкон.

чая. А рядом с нею государь владыка посадник новокитежский Ждан Густомысл...»

— Не приемлем! — заревела толпа, услышав имя посадника. — Не желаем про Ждана слышать!..

— Чего галдите? Дайте грамоту дочесть! — пытался голова перекричать людей. — А ну вас к дьяволу! Меня не слушали, так старицу Нимфодору небось выслушаете!

При имени старицы площадь начала затихать. На стене посветлело. Монахини-старухи вынесли толстые церковные свечи и фонари, иконы, кресты, хоругви. Люди на площади закрестились, сломались в поклонах. И вдруг чей-то звонкий голос крикнул:

— Гля-кость, и поп Савва — худая слава к святости примазался!

Поп Савва, важный и суровый, выпятил брюхо и упер в него большой деревянный крест. Он не вытерпел и угрозил крестом, как дубиной, стоявшим внизу посадским.

Старухи монахини визгливо запели молитву, и под пение дворовые парни вынесли на стену в кресле старицу. На площади попадали на колени, и вверх, к ней, протянулись мозолистые земляные, корявые ладони, прося благословения. Нимфодора встала с кресла и, подойдя к перилам балкона, широкими взмахами руки перекрестила народ. Ее глаза старой хитрой бестии торжествующе поблескивали. Не вышли из ее воли люди, на колени попадали!

— Спасены души, пошто лики злые являете? — заговорила Нимфодора сильным звучным голосом. — Пошто слушаете злокозненные советы проклятых богом мирских людей? Людие, воззрите на главу мою, иже денно и ночью о вас печаль имеет!

Старица сняла монашеский клубок и поклонилась народу.

Седые реденькие волосы ее смешно разлохматились на ветру.

Женский жалостливый, со слезами голос крикнул из толпы:

— Шапочку надень, матушка. Головушку старую застудишь.

— Размирье наше кончать надобе. На что сменять хотите жизнь новокитежскую, кроткую да утешную? — ласково, увещательно продолжала старица. — На жизнь мирскую, на злую царскую неволю? Опомнитесь! Миром прошу!

— Ты, преподобная, со святыми ангелами гутерь, а с нами, грешными, теперя не договоришься! — вскинулся из толпы веселый голос.

Второй голос крикнул насмешливо:

— Ты, милостивая, не слова нам кидай, а ситчику мирского кинь!

Его догнал злой и резкий вскрик:

— Вставай с колен, хрешшоны! На коленях не бунтуют! Люди поднялись с колен, тихо, но недобро переговариваясь.

Старица почувствовала перемену в настроении толпы и закликушествовала, посыпала проклинаящими словами:

— Стыд и обык забыли, богом проклятые! Проклинаю вас до третьего колена! Анафема вам! Огонь и железо на вас пошлю! Да не простит вас бог! Анафема вам! Анафема!

Будимир улыбнулся одними губами, невесело и раздраженно:

— Всегда она против народа, хлебна муха! Мудрая наставница, уста сладковещательные, а для нас у нее иных слов, кроме угрозных и хулительных, нет. Змея старая!

Взлохмаченную, обозленную Нимфодору уволокли старухи.

Вислое крыльцо опустело.

Толпа негодуяще и гневно гудела.

Глава 4

ПОБЕГ

В тюрьме крепки в дверях замки
И стены высоки.
За жизнью узника следят
Холодные зрачки.

*О. Уайльд, «Баллада Рэддингской
тюрьмы»*

1

Ветер размел облака, и поднялась в небе большая желтая луна. Над всей необъятной Сибирью полыхала, наверное, эта зловеще желтая луна.

Осадный тобор понемногу затихал после вызова под детинские стены, после сердитого разговора восставших со старицей. Атаман и есаулы стояли около штабного шатра, договариваясь, кому с какими посадками идти завтра на штурм Детинца. Здесь и заметил Будимир молодого парнишку, шедшего как-то неуверенно, то и дело оглядываясь и всматриваясь в лица попадавшихся людей.

— Стой-ка! — схватил его сзади за плечо Будимир. — А я, кажись, тебя знаю.

Паренек испуганно оглянулся, но, посмотрев на Повалу, улынулся:

— И я тебя знаю, дядя Будимир.

— Ты из Детинца, парень! Коней к нам приводил ковать.

— Из Детинца. Конюх я с посадничьей конюшни.

— А как сюда попал? — двинулся на парня Птуха.

— По веревке меня со стены спустили.

— Зачем? — с угрозой спросил мичман.

— Грамотку я мирским принес.

— От кого?

— Читай, узнаешь. Видать, ты мирской и будешь? А приказано передать грамотку набольшему из мирских, он же атаман заворохи сѣднешней бунтовской.

— Я атаман. Давай грамотку, — сказал капитан.

Оробевший парень передал ему письмо. Сердце капитана сжало недоброе предчувствие: письмо было на мирской бумаге из блокнота, с зубчиками по верхнему краю.

— Голова стрелецкий Остафий, когда спускал меня со стены, кричал вслед, что мирские, мол, наградят тебя. Полтины две, мол, огребешь! Весточку зело радощную несешь! — стеснительно поглядывая на есаулов, говорил детинский посланец.

Капитан подошел к костру и быстро прочитал, видимо, очень коротенькое послание. Письмо выпало из его рук, и он опустил обессиленно на лежавшую около костра колду, закрыв ладонями лицо.

Мичман поднял выпавшее из рук капитана письмо и вслух прочитал:

— «Капитан! К рассвету шайки бунтовщиков должны быть отведены от Детинца в посады. В противном случае с первыми солнечными лучами летчик Косаговский и его брат будут повешены на стенах Детинца».

Подписи не было.

— Вона какую весточку я принес, — оробел конюх. — Такое дело плахой пахнет, а не полтиной!

Капитан отвел от лица ладони и встал. Лицо его было бледно. На него смотрел с невыразимой жалостью Истома, казалось, готовый заплакать.

— Решайте, товарищи и братья, — тихо, надломленно сказал Ратных. — Я не знаю, как поступить.

Есаулы молчали, опустив глаза в землю.

— Решайте же! И будет по-вашему! — крикнул с болью капитан.

— Не вправе мы такое дело решать! — Будимир беспомощно развел руки. — Всем народом такое дело решается, отойти нам в посадки иль в облоге стоять и на приступ идти. Бейте тревогу, братья есаулы, созывайте народ на сходку!

— Смотрите на него, он собирается в посадки вернуться! — блеснул мичман цыганскими белками. — Отойдем мы в посадки, ладно! Ну и что? Поможет это, как пилюля от землетрясения! Отпустят они наших пленников за такую твою услугу, Будимир? И дыру в мир откроют для народа?

— А что вы предлагаете, мичман? — посмотрел на него Ратных.

Птуха глубоко вздохнул и поднял кулак, собираясь крикнуть что-то решительное, окончательное, но кулак его опустился, и, понурившись, он сказал растерянно:

— Ничего я не предлагаю.

Вдруг на дальнем конце стены что-то сверкнуло огненно, и долетело хриплое гарканье выстрела.

— Из «тюфяков» стреляют, — посмотрел в ту сторону Волкорез.

Все молчали, прислушиваясь и вглядываясь. Рядом с капитаном тяжело дышал мичман. На дальней стене ударило во второй раз и в третий. Видны были выхлопы пламени из стволов. На стене взметнулись смоляные факелы.

— С Пытошной башни стреляют! — крикнул отчаянно Истома и побежал.

Его обогнали Будимир, Волкорез, Птуха. Капитан тоже побежал под стеной Детинца.

— Не пойму, что там случилось, — пробормотал он и остановился, пораженный.

До него долетел голос Истома:

— Радуша ты моя, Сереженька!

А затем закричал и мичман:

— Виктор Дмитриевич!.. Дайте обниму!.. Ну, теперь мы опять на ровный киль встали!

— Живы, здоровы, целёшеньки? — закричал и капитан, бросаясь на веселые голоса.

— И живы, и здоровы, и целёшеньки! — выдвинулся под свет факелов улыбающийся летчик.

А вместе с ним подошел и Сережа. Капитан схватил его и бурно поцеловал. Посадские, обступившие мирских, радостно переговаривались.

— Как же вы освободились из башни? — спросил капитан.

Лучась мальчишеским задором, Сережа пренебрежительно выпятил нижнюю губу:

— Чихали мы со свистом на ихние башни! Целое приключение у нас было. На краю смерти были. Не верите?

— Верю, верю! — засмеялся капитан. — А все же рассказывает пусть брат. Давайте, Виктор Дмитриевич, по порядку.

— Мальчишки, Сережкины футболисты, помогли. Мальчишки все могут! — сказал Виктор и улыбнулся озорной улыбкой.

2

В который уже раз осмотрел Виктор волоковое окно, выходящее на дощатый желоб, подергал толстые горбыли, потом ощупал дверь каморы. Она была сбита из дубовых досок и закрыта снаружи на засов. Положим, каким-то чудом они откроют эту дверь, а что толку? Попадут в нижний ярус Пыточной башни, а оттуда ход только на посадничий двор. Тотчас схватят их стрельцы и отведут к Памфилу-Быку. А дальше и подумать страшно!..

— Это не дело, Витя. Сидим сложа руки. Бежать на-

до! — заговорил вдруг Сережа. В .голосе его были укор и суровое осуждение.

— А как бежать? Ну, например? — озадаченно спросил Виктор.

— По-разному можно. Вот, например, как Том Соьер бежал...

— От тети Полли? Но для этого надо два раза тихо мяукнуть и спрыгнуть с крыши на землю, где тебя ждет Гек Финн с дохлой кошкой в руках.

— Ну не так, конечно! Давай все осмотрим еще раз: окно, стены, дверь.

— Смотрели уже...

Но Сережа подошел к окну и прильнул к щели между горбылями, которую заметил еще днем.

Вдруг откуда-то донесся тихий, но ясный голос:

— Сergyа!

— Надо же! Юрята! — оторопело прошептал Сережа. Виктор, сидевший на соломе, вскинулся.

— Сergyа, ты меня слышишь? — снова тихо проговорили совсем рядом.

Сережа снова припал к щели.

— Юрятка, это ты? — крикнул он.

— Я самый. Ты тише говори. Стерегут вас строго. Стрельцы-караульщики по стенам ходят.

— Мы их шаги слышим. А ты как подобрался?

— Как стрельцы пройдут обходом Пытошную — мы сюда! Мы здесь всей ватагой. На-ка вот, держи.

Юрята сунул что-то в щель, протолкнул. На пол каморы упал Сережин нож.

— Стрельцы идут! — шепнул испуганно Юрята. — Прощай пока.

По желобу прошумело и стихло.

— Смотри, Витя, мой ножичек! — Сережа нажал кнопку и взмахнул клинком.

Виктор взял нож из рук брата, нахмурился, соображая. Потом огорченно сказал:

— Чтобы эти засовы взломать, топор добрый нужен.

— Топор в башне есть, я видел. Им палач Суrowец головы рубит бунтовщикам.

— В башне есть топор? — замирающим голосом спросил летчик.

Сорвавшись с места, он подбежал к двери каморы, вонзил в доски нож и азартно принялся за работу: резал, ковырял, сверлил. Летели щепки, трухлявая, прогнившая от старости дверь подавалась легко.

Виктор спешил, отбрасывая со лба волосы, и отчаянно ругался шепотом.

Сережа стоял рядом и вздрагивал от волнения.

Наконец в двери образовалась дыра, в которую с трудом пролезала рука Сережи. Он нащупал засов, попытался его отодвинуть, но не сумел. Спеша и обливаясь потом, Виктор стал расширять отверстие. Прошел еще час, а может, и больше, когда он наконец, обдирая об острые края тесного отверстия руку, отодвинул засов. Дверь, скрипнув, открылась.

— Где топор? — спросил Виктор.

В башне было темно.

— Прямо иди, к стене. Там ищи, он в бревно воткнут.

Сережа остался на пороге. Идти в застенок, да еще в темноте, у него не хватило духу. Виктор вкоре вернулся в камору, взвешивая в руке тяжелый палаческий топор с широким лезвием. Он подsunул топор под конец прибитого горбыля и с силой нажал. Заскрежетали, выдираясь, грубо выкованные огромные костыли. Сережа прислушивался, готовый предупредить о приближении стрелецкого караула. Косаговский ухватился за отодравшийся конец горбыля, вцепился в него и Сережа.

— Ра-азом, взяли! — скомандовал Виктор.

С треском, похожим на выстрел, горбыль оторвался от окна.

— Чертова музыка! — прошептал летчик.

Братья прислушались. Наверху было тихо. Ухватились за второй горбыль, рванули. Он отодрался с таким же треском. В дыре чернела ночь.

— Я первый, — сказал Виктор.

Он взял топор, высунул голову в дыру, огляделся и одним прыжком вылетел из каморы на желоб, тут же ухватившись за края, чтобы не соскользнуть.

— Давай быстро! — истошно шепнул он из темноты.

Сережа выкинулся из окна. Они скатились по желобу на землю и побежали. И тогда со стены заорали:

— Стой!.. Стой, говорю!..

А они бежали. Надо было пересечь широкую улицу и спрятаться за домами. Но со стены грохнул выстрел. Картечь просвистела над головой. А улица, проклятая, не кончалась. На стене суматошно кричали стрельцы. Снова выстрел. Третий. Следующий будет без промаха, следующий срежет их и уложит на землю.

Вдруг на стене раздался высокий девичий голос:

— Стрельцы, не стреляйте, богом молю!.. Приказ мой вам, не стреляйте!..

Стало тихо. Выстрелов не было. Пленники достигли первой избы. Обезжав ее, они остановились, привалившись измученно к стене.

— Еще чуть — и гроб был бы! — тяжело дыша, сказал Виктор. — А ты слышал Анфису?

Ответить Сережа не успел. На него налетело, едва не сбив с ног, что-то косматое, визжащее и горячо лизнуло в лицо. Это был обезумевший от счастья Женька. Он скакал, вертелся, катался по земле, тьякал и хохотал по-со-

бачьи. А потом, рыча свирепо и ласково, схватил Виктора за носок ботинка и не отпускал.

— Ах ты, зверюга славная! — умилился летчик.

Глава 5

«НА СЛОМ!»

И грянул бой!

А. Пушкин, «Полтава»

1

Белая голова Лысухи порозовела. Угасли ночные костры осадного табора. Люди переговаривались сиплыми после сна голосами, почесывались, зевали во весь рот. И вдруг ударил в Детинце соборный колокол Лебедь. Колокол гудел не благостно, не молитвенно, а грозно, тревожно.

— Сполошно звонят!.. В набат Детинец ударил!.. — встревоженно заговорили в осадном таборе.

Сотники полезли на телеги, пытаясь разглядеть, что делается в Детинце. Ничего не увидели, но, чего-то опасаясь, начали скликать и строить свои сотни. И вовремя они спохватились: по табору поскакали атаманские посылки Истома Мирской и Мишанька Безмен, кричали тревогу, чтобы брали люди оружие, богу молились, чистые рубахи надевали и к ратным трудам готовились.

Лебедь ударил в последний раз надрывно, отчаянно, словно вскрикнул в страхе, и наступила тишина, долгая и томительная. И в душной этой тишине медленно раскрылись окованные железом крепостные ворота, злобно зарывав ржавыми петлями. Взлетели испуганно над крышами голубиные стаи, бешено забрежали во дворах собаки.

Из ворот медленным, торжественным шагом выехали конные стрельцы: в первой шеренге — с копьями, во второй — с саблями. Конница спустилась с детинского холма и остановилась на лугу, где вчера ребята играли в футбол. Сытые, застоявшиеся лошади фыркали, играли крупами, нетерпеливо перебирали ногами, звенели уздечками. Звякало оружие. От конных рядов несло на табор крепкими запахами стойла и лошадиного пота.

— Определили нас, — сказал недовольно капитан стоявшим рядом есаулам. — Раньше нас выступили.

— Бой лютый будет, хлеба муха! — откликнулся Будимир. — В челе войска сам посадник встал.

Ждан Густомысл сутуло сидел на тяжелом вороном коне, в черном бархатном плаще, с чупруном-плюмажем из черных перьев на шлеме. Рядом с ним знаменщик поднял черное знамя с вышитыми на нем ликами Христа и богородицы. Грудастый вороной конь посадника переступал косматыми ногами, встряхивал головой, чуть не до земли свешивая гриву.

Рядом с ним на гнедом коне гарцевал белолицый, румяный стрелецкий голова. Он удало сдвинул набекрень атласную шапку и то и дело кокетливо оправлял шелковый кушак поверх бархатного зеленого кафтана. Торжественный, нарядный, он словно не в бой, а на свадьбу собрался.

— Ишь щеголь! — засмеялся недобрым смехом Будимир.

За Густомыслом и головой выстроились стрельцы.

— Ой, сколько их! Целая орда!

— Волчья стая! Загрызут они нас, спасены души! — опасно переговаривались посадские.

И робкие эти голоса перебил отважный голос:

— Ничо! Запустим зеленым кафтанам ежа за пазуху!

Табор приготовился к бою. На телегах залегли пищаль-

ники и охотники-лучники. За телегами, чуть пошевеливая остриями поднятых копий, встали сотни копейщиков — основная штурмовая сила. Бок о бок с копейщиками стояли сотни, вооруженные саблями, боевыми молотами-чеканями, кистенями.

В нескольких шагах от передних рядов осадного табора одиноко стоял мичман Птуха, в кителе с минерским значком, в нахимовской, с тупым козырьком мичманке, лихо надвинутой на бровь. Был в нем и сейчас тот флотский шик, по которому узнается настоящий моряк. Он застыл в стойке «смирно», будто на палубе боевого корабля перед поднятием флага. Цыганские глаза его сверкали. У ног его в окорёнке лежала бухточка тлеющего фитиля, а к лугу уходили дощатые желобочки, засыпанные порохом. Они заменяли запальный шнур.

Капитан, протяжно окая, громко крикнул:

— Сотники и десятники, по местам! К бою готовься!

Будимир на левом крыле и Волкорез на правом повторили его команду.

Густомысл поднес к глазам бинокль и уставился на осадный табор, грозно сопя. Остафий Сабур загадочно улыбался.

Посадник опустил бинокль и, ущемив носище в два пальца, высморкался так оглушительно, что гул прошел окрест. Затем Густомысл выдернул из ножен широкий, блеснувший на солнце меч. Стрельцы передней шеренги опустили копья, во второй шеренге потянули из тугих ножен сабли. Слышен был зловещий, тихий скрежет. И опять тишина, особенная, намертво задохнувшаяся, опустилась на поле начинающегося боя.

— С нами бог! — долетел голос Густомысла. Он крестобразно взмахнул над головой мечом.

Стрельцы колыхнулись, пригнулись к лошадиным шеям

и с места дали полную волю озверевшим от шпорных уколов маленьким злым косматым коням.

— Гойда!.. Гойда!.. — со звериным восторгом и сладострастием орали стрельцы, крепко прижимая к бедрам хищно нацеленные острия копий.

Задние крутили над головами кривые сверкающие клинки.

В пыльном тумане, в блеске сабель и шлемов, в конском грохоте и храпе неслась на табор конная атака.

Капитан почувствовал, как, словно в ознобе, натянулась на скулах кожа. Пьянящее чувство опасности, азарт боя и холодная ярость леденили щеки и сушили рот.

Атака неотвратно летела на табор. Где-то в задних рядах табора в голос завывали, запричитали, как по покойнику, женщины, побежали, втянув головы в плечи, немногие трусы, захопавали, не дождавшись команды, пищальники, и по приказу Волкореза лесомыки пустили в стрельцов залп стрел. Но большого урона не нанесли. Стрелы не пробивали кольчуги.

— Стрели по коням! — закричал Волкорез.

Он в ярости рвал бороду. Будимир, стоявший за телегами с пешей ратью, тоже дрогнул лицом, но покрикивал подбадрывающе, громяющим басом:

— Не трусь, спасены души! Бой отвагу любит!..

Конная лава приближалась.

— Мичман, почему медлите? — крикнул Птухе капитан.

Птуха молчал, не сводя пристального, прицеливающегося взгляда со скачущих карьером конников.

— Не время еще, — наконец ответил он остерегающе. — Пусть поближе подойдут, за ручку с ними поздороваемся, а тогда уж и за грудки возьмем... Давай, давай! — подманивал он мчащихся стрельцов согнутыми пальцами. И вдруг сказал решительно и строго: — Теперь пора!

Он сбил мичманку щелчком в козырек на затылок, поплевал в ладони и крикнул, будто на баке в бою:

— Полундра! Ложись!

И поднес тлеющий фитиль к желобу с порохом. Тонкая струйка пламени со свистом вырвалась из желоба. И побежал навстречу конной атаке лукавый ярко-красный огонек, искрясь, выбрасывая острые язычки, и ничто уже не смогло бы погасить его.

Порыв ветра, какого-то особенно плотного, сбил капитана на землю. Падая, он услышал низкий, утробный грохот и увидел слепящее, желто-белое пламя, а затем взмет черного султана дыма и земли. На гребне взрыва встал, словно памятник на пьедестале, поднявшийся на дыбы вороной конь посадника, который, навалясь на переднюю луку, все еще показывал мечом на врага. Вдали неправдоподобно медленно поднялись сорванные с петель ворота Детинца, на миг повисли в воздухе и с грохотом обрушились на землю, рассыпавшись на бревна.

Капитан поднялся с земли. В ушах и в голове было пусто, все кружилось перед глазами, и, словно издалека, долетел до него довольный голос мичмана:

— Амба! Называется — направленный взрыв!

На бывшем футбольном поле было разбросано что-то похожее на людские и конские трупы. Несколько стрельцов, пеших, бежали к взорванным воротам Детинца. Носились по полю, звеня пустыми стремянами, обезумевшие кони.

Тогда полным голосом, ликуя, крикнул Будимир:

— На слом!..

Следом за криком есаула ударил в уши ватажный, разинский двухпалый свист. Три века хранили его в памяти новокитежские посады.

— На слом!.. На удар!.. — закричал табор в один голос и ринулся к взорванным крепостным воротам.

Глава 6

ЗАЛПЫ

Тихо, тихо...
Мелко, мелко
Полночь брызнула свинцом —
Мы попали в перестрелку,
Мы отсюда не уйдем.

М. Светлов, «В разведке»

1

Опаленные взрывом, местами обрушенные стены Детинца горели неохотно. Сложенные из бревен, окаменевших за века, они только обугливались и дымили. Но начались пожары в самом Детинце. Земля была усыпана соломой и тесом, сорванными с крыш. Бегали с плачем жены верховников; стрелецкие женки гнали куда-то коров, овец, гусей. Метались собаки, осатаневшие от криков, сумятицы и ярости.

В сорванные ворота валили толпой посадские, радостные, злые, веселые. Взята наконец ненавистная твердыня верховников! Размахивая топором, пробежал сидень Софроний. Апостольская его борода свирепо вздыбилась, а на благостном лице божьего угодника — злость, остервенение и восторг. Он кричал с шальной радостью:

— Соляной амбар ищи, хрешсоны! Соли-матушки тут горы целые!

Замурзанный мужичонка размахивал огромным, в локоть, ключом — таким быка свалишь — и вопил, не смолкая:

— Вот он, всем ключам ключ! Царь-ключ! Все отомкнем, все найдем!..

Пробежала где-то вдаль Дарёнка, раскосмаченная, свирепая, как медведица. Черненькие круглые глазки ее пы-

лали мезтью, круто выведенные щеки пламенели огнем румянцем. Мичман кинулся было к ней, но его отбросил напор толпы. А из рядов бежавших людей выскочил вдруг непонятно как сюда затесавшийся поп Савва. Он всех подряд осеял крестом и орал громче всех:

— Пали стены иерихонские! Лупцуй верховников и в хвост и в гриву!

На него налетел замуренный посадский и замахнулся царь-ключом:

— Попался, сума переметная! Где жареным пахнет, туда и бежишь? Разражу поганца!

— Федя!.. Друг!.. Милостивец!.. Колундра, спаси! — заголосил поп, бросаясь к мичману.

Птуха влепил ему от всей души по шее, и поп запахал землю носом.

— Не порть морское слово, гад!

На него набежали с двух сторон Псой Вышата и Сысой Путья.

— Федор, друг душевный, давай с нами щи с убоинной хлебать и кашу из горшка выламывать!

Псой и Сысой держали обернутые в полу зипуна горячие большие горшки.

— И Не-разлей-вода тут! — захохотал мичман. — Кошмар! Щи и каша? Откуда?

— Знамо, из печки верховника! — Псой протянул моряку толстую деревянную ложку-бутырку. — Я заодно и ложки захватил. Страсть крутая каша! Перекуси.

— Спасибо, друзья, кашей некогда заниматься. Проклятого факира Шаро-Вары надо спешно поймать.

Птуха побежал к посадничьему двору.

Недобро затаившийся и, словно ослепший, закрывший окна ставнями, он молчал, хитрил, таил мрачные тайны. У высокого красного крыльца ревела толпа посадских. Птуха увидел в толпе капитана, Косаговского и Истому.

На нижней ступени крыльца стояли в ряд несколько стрельцов из охраны хором старицы, не участвовавших в конной атаке. А на крылечной площадке металась старица Нимфодора. Исчезло ее тухлое, фальшивое благочестие: она кричала, визжала, хрипела, как базарная торговка, задыхаясь от злости:

— Собачьи сыны!.. Воры!.. Богохульники!.. Рыло вам набок сворочу! Кости ваши на дыбе затрещат!.. Кровью вашей умоюсь!

— Тю! Ты жива еще, моя старушка? — удивился мичман.

А выбежавший вперед, чтобы все его видели, поп Савва погрозил старице кулаком:

— Волкоеда горбатая! Мы тебя самую на дыбу вздернем!

Из толпы старице злобно кричали, но на крыльцо не решались подняться. Злая, жестокая, ненавистная, а все же святая, непогрешимая.

— Мне просто смешно! — вспыхнул мичман и кинулся к крыльцу. — А ну, кто храбрый, за мной!

Посадские дружно двинулись за ним и остановились. Стрельцы, ощерив зубы, с лицами, бледными от страха и ярости, взмахнули саблями. Не чуя себе пощады, они решили драться отчаянно.

Вдруг из толчи выдралась Дарёнка, схватила тяжелую бочку, приподняла ее и швырнула в защитников крыльца:

— Их, собак, вот как шибать надо!

Бочка с грохотом обрушилась на ноги стрельцов, и они свалились со ступеней, взыв от боли и выронив сабли из рук.

— Вона какими делами наши бабы заниматься начали, — сказали удивленно из толпы.

А Дарёнка, увидев Птуху, начала кокетливо заправлять под повойник выбившиеся волосы.

— Ой, чтой-то я, баба, не делом занимаюсь! Уйдут мои квашни. Быть сѣдни толчку без моих пирогов и калачей!

Мичману было не до Дарёнки. Он влетел на крыльцо, схватил старицу в охапку, подтащил к двери и шлепком в зад перекинул ее через порог:

— Сыпьте, мадам, и чтоб мне тихо было!

Он первый ворвался в хоромы, за ним побежали Ратных, Косаговский и десятка два посадских. Остальные хлынули к пороховому погребу.

В гулкой его глубине вдруг закричали многие голоса, а из дверей вылетел главный сыщик Патрикей Душан. Он прятался в дальних погребных подвалах и теперь пробивался, размахивая длинным стрелецким копьём. Алекса Кудреванко, предводитель посадских, захвативших пороховой подвал, стиснул зубы, вырвал из рук посадского топор и кинулся на подглядчика. Ловким, сильным ударом он перерубил древко Патрикеева копья и всадил топор по обух в спину Душана.

— Получай! Скольких ты предал, собака!

Но больше всего шуму было около соляных амбаров. Посадских, валивших в амбар, встречал Софроний:

— Тащите, спасены души, соль-матушку! Без соли и хлеб не естся, без соли и стол кривой. Отводите душеньку, солите ее круче!

И посадчина отводила душу, хватала соль горстями, лизала, жевала и кряхтела от наслаждения.

2

Капитан, Косаговский и Птуха медленно вышли из хором.

— Убежал в суматохе из Детинца. Не иначе! — гово-

рил встревоженно Ратных. — И карту Прорвы унес, язви его!

В знакомой Косаговскому горнице на верхнем этаже хором они никого и ничего не нашли. Валялась на полу японская лакированная шкатулка, раскрытая и пустая.

К ним подошел Истома и сказал убито:

— В хоромах я тоже был, государыню Анфису искал. Не нашел. Сама ли спряталась от буйства народного, а может, старица и верховники ее...

Он не dokonчил, опустил голову. Косаговский нервно откинул прядь волос со лба и отвернулся. Капитан обнял их обоих за плечи.

— Не будем голову вешать. Найдем Анфису. Не под землю же ее спрятали. — И снова, охваченный тревожным беспокойством, заговорил взволнованно: — Мешкать нам нельзя, товарищи! Весь город надо вверх тормашками перевернуть, а найти Памфила-Быка. И тайгу надо обшарить. Где Будимир и Волкорез, язви их! Как сквозь землю провалились! — сердито закончил он.

— Они в оружейной избе, — сказал Истома. — Стрелецкое оружие всякое на подводы грузят. В посадки повезут. А скоропалительное оружие, сколь ни искали, не нашли.

— И эту тайну Памфил-Бык унес! Пришли ко мне немедленно есаулов, Истома. — И, когда юноша подался вперед, выражая стремительную готовность, капитан остановил его: — погоди, не беги! Прежде всего найди Сережу. Плохо мы за мальчиком следим, — посмотрел он на летчика. — Ему вообще здесь не место, а он тут, я уверен! Беги, беги, Истома!

Истома убежал.

Капитан сел на ступени крыльца и, подтягивая голенища брезентовых сапог, сказал задумчиво:

— Странно... Мне все время кажется... вот-вот появят-

ся памфиловские чахары и... Где мои есаулы, язви их! — снова рассердился Ратных. — Загуляло мое воинство. Видите, что делается?

Веселье в Детинце шло во всю ивановскую. Из посадничьего погреба выкатили бочки с пенником, медами и брагой. Топорами выбили днища, пили горстями, шапками, ковшами. Быстро пьянели. Посадский, зеленый, изголодавшийся, пустился в пляс.

— Отгуляем, отпируем за всю нашу работу! За весь Ободранный Ложок отпляшем! — кричал он, пьяно топчась на месте.

На пару ему плясать выскочил Псой Вышата. Положив одну руку на затылок, другую уперев в бок, он мелко засеменял ногами, припевая:

Эх, Настасья, эх, Настасья,
Отворяй-ка ворота!..

— Отворили уж! — кричали ему весело и грозно. — Так отворили, что и ворота вышибли!

Коли пляшет Псой, будет плясать и Сысой. Он тоже заломил руку, тоже подбоченился, заголосил часто-весело:

Зови Сидора, Макара,
Власа, Сеньку да Захара,
Трех Матрен, Луку с Петром...

Песня оборвалась недопетая. Сысой положил руку на грудь, удивленно посмотрел на людей и медленно начал падать. Лег на землю тихий, робкий, словно улегся спать, и растекалась около него лужа крови. В шуме, гаме, в песнях никто не услышал выстрела. И только в наступившей оторопелой тишине грозно прозвучала длинная очередь.

— Автоматы! Японские! — вскрикнул капитан. — Это братчики!

Нежно запели пули, будто рядом, около уха или над головой, рвались туго натянутые тонкие струны. Братчики

выбежали из широко распахнутых дверей собора и пошли цепью, бросая в воздух короткие, рваные автоматные очереди. Их было четверо, три скуластых чахара в засаленных далембовых халатах, запахивающихся направо и расшитых на груди желтыми и красными узорами, как одеваются наши забайкальцы или буряты. Четвертый был русский, с тонким, но опухшим лицом интеллигентного пьяницы.

«Вот он, князь Тулубахов!» — подумал Косаговский.

А капитан сказал раздумчиво:

— К началу боя Памфил опоздал братчиков привести. Но откуда он их вызвал?

— Как они в Детинец прошли? — крикнул с отчаянием летчик. — Ведь кругом были дозоры Алексы. И почему они в соборе прятались?

— Смотрите! Вот он сам, Памфил-Бык! — заволновался, закипел мичман. — Знать бы раньше, что он за птица!

Памфил вышел не спеша из собора. Одет он был в помятый серый пиджак и черные суконные брюки, заправленные в кирзовые сапоги. На голове его пузырилась некрасивая, дешевая кепка.

Чахары дали из автоматов несколько очередей широкими веерами по толпе посадских, и лавина кричащих людей помчалась к воротам, оставляя на земле оброненные шапки, брошенное оружие, неподвижных убитых и корчившихся раненых.

— Спасены души, стойте! Не бегите! — раздался отчаянный одинокий крик. — Слабость пресеки, робость рассей! Силу друг в друге поддерживай!

Это кричал Алекса Кудреванко, высоко, призывающе вскинув руки.

— Их горсть, их всего пятеро! Сомнем! Растопчем!

Князь Тулубахов, услышав этот крик не потерявшего голову человека, провел по поясу Алексы автоматной оче-

редью, и перерезанный ею солевар сначала склонил кудрявую голову, потом рухнул на землю во весь рост.

— Алекса, милый!.. Как же это? — закричал жалеюще Птуха.

— За всё ответят! — сжал кулаки капитан и командовал: — За угол перебежкой, пока они нас не увидели!

Перебежкой по одному, пригнувшись, они перебрались за угол посадничьих хором и нашли тут Сережу, Истому, Митьшу Кудреванко и, конечно, Женьку. Капитан с тревогой посмотрел на Митьшу, но мальчуган был счастливо возбужден и с любопытством тарасил неулыбчивые свои глаза. Значит, он не видел смерти отца. А Виктор набросился раздраженно на брата:

— Сорванец, беспризорник! Я тебе уши оборву! Где тебя носило? Здесь милиции нет, чтобы тебя искать!

— Чего ты, правда? — обиделся Сережа. — Вечно он за меня переживает и сразу ругаться. Мы с Митьшей соль раздавали. Ух, здорово получилось! А можно выглянуть, посмотреть, как из автоматов стреляют?

Брат молча погрозил ему кулаком, сделав свирепое лицо.

— Подумаешь! — протянул пренебрежительно Сережа. — Ой! Пуля! — не успев испугаться, удивленно вскрикнул он.

Над головами их, в бревна стены, ударили пули.

— Заметили нас. Сюда идут! — встревоженно сказал Косаговский.

Снова простучала автоматная очередь. Струя пуль опустилась ниже. Виктор вскрикнул и пригнулся. Пуля сорвала кожу у него на шее. Широкая царапина, уходя в волосы, залилась кровью.

— Давайте перевяжу, — потянулся к нему Птуха.

— Некогда! — Летчик стряхнул набежавшую на скулу

кровь и, морщась, зажал ладонью шею. — Прятаться надо! Ребят, Сережу и Митьшу, надо спасать.

— А где же мы спрячемся? — беспокойно огляделся капитан. — В хоромах посадника, в домах верховников, в стрелецкой слободе? Всюду врагов полно.

— В соборе укроемся, — сказал торопливо Истома. — Они оттуда, а мы туда! И запремся.

— Скорее! — крикнул Ратных. — Сейчас начнут нас с двух сторон обстреливать.

Схватив за руки Сережу и Митьшу, Косаговский побежал к собору и скрылся в дверях. За ними вбежали Истома, Птуха и капитан, захлопнули дверь и закрыли ее изнутри толстым засовом.

Все затаили дыхание, прислушиваясь. За дверью было тихо, замолчали и автоматы на дворе. Затем кто-то взвизгнул за дверью и жалобно заскулил.

— Женька! Женьку забыли! — закричал отчаянно Сережа. — Товарищ капитан, откройте дверь!

Мичман нерешительно поднял руку к засову. Капитан посмотрел на Сережу и чуть улыбнулся:

— Откройте! Иначе он во двор выскочит, обман-пинчера спасать.

Птуха отодвинул засов и немного приоткрыл дверь. В собор влетел Женька и радостно, благодарно заюлил, размахивая хвостом.

3

Истома принес из алтаря кусок холстины и перевязал им шею Виктора.

— А воды в соборе нет. Нечем обмыть твое лицо, — сказал он. — Смотреть на тебя страшно.

Летчик потрогал щетину на лице, слипшуюся от крови,

посмотрел на притихших Сережу и Митьшу и сказал с усталой безнадежностью:

— Странно. Мы здесь как в мышеловке, а Памфил не торопится вытащить нас отсюда на расправу.

— Пока у него есть хоть капля надежды улететь на вашем самолете, он нас не тронет! — крикнул капитан из глубины собора. Он что-то там осматривал. И, возвратясь к остальным, сказал, пожимая плечами: — Непонятно! Нет никаких следов, что братчики прятались здесь, в соборе, ожидая, когда их введут в бой. Собор только промежутки на их пути.

— Откуда же они пришли на этот промежуточный пункт? — спросил Косаговский.

— Это-то и непонятно. Через дозоры, а потом и через стан восставших они пройти не могли. По воздуху перелетели? Чепуха! Значит, только под землей! Будем искать!

— У меня догадка есть, — сказал нерешительно Истома. — Надо в подполье собора поглядеть, где могилы честных стариц.

— Идея! Спасибо, Истома! — оживился капитан. — Пошли, товарищи, в соборное подполье.

Они все, даже Сережа и Митьша, перешли в погребальный придел, где по-прежнему горела одинокая багрово-красная лампада. Остановились в ногах гробницы старицы Анны, перед небольшой железной дверью. На ней висел огромный, пузатый, как арбуз, замок. Капитан потрогал, подергал его и сказал:

— Ломать придется. А чем?

— Момент! — успокоил его мичман. — Я тут заметил добрую штуковину.

Он ушел в глубь собора и вернулся, с трудом волоча большой, в человеческий рост, железный крест. Верхний его конец вдели в дужку замка; не раз и не два капитан и Птуха нажимали на рычаг-крест, и наконец дужка с

треском вылетела из замка. Дверь открылась, вниз ушли скрипучие ступени. Ноги нащупали землю. Истомма поднял над головой взятый из алтаря многосвечник, осветив подвал собора. Во всех его концах были могилы стариц. Стены подвала были обложены бревнами, а в одной из стен чернела вторая железная дверь, тоже запертая на большой висячий замок. И этот замок взломали железным крестом. Капитан открыл дверь. Из черного проема пахнуло сырой землей. Сразу от двери начинался узкий коридор.

— Сережа и Митьша останутся здесь с Истоммой, — приказал Ратных. — И Женьку держи, Сережа, если дорожишь им.

Капитан, Косаговский и Птуха с многосвечником вошли в коридор. Он на первых же шагах изогнулся поворотом, за которым была просторная пещера. На белых ее каменных стенах зашевелились тени людей. Из пещеры шли три хода, и каждый из них был помечен крупным знаком, нанесенным черной краской: крестом, подковой и двумя горизонтальными линиями.

— Опять загадка! — остановился капитан. — Куда свернуть?

— Шхерный фарватер, сложно расчлененный! — вздохнул мичман. — Стоп! А это что?

У ног его лежала плоская автоматная обойма.

— Здесь шли братчики! — воскликнул капитан, подняв обойму.

— А нам здесь, боюсь, не пройти, — мрачно сказал летчик.

— Дальше я пойду один, — сказал капитан, — откликнитесь, когда я буду кричать.

Он взял многосвечник и вошел в средний из трех проходов. Вскоре потух ответ многосвечника. Застоялую под-

земную тишину нарушала лишь близкая капель, а темноту ничто не тревожило. И в этой темноте, не видя друг друга, летчик и мичман замерли в тоскливом ожидании. Они обрадовались, услышав глухо долетевший голос капитана, и дружно, громко ответили ему.

Сначала показался отсвет многосвечника, а затем вышел и Ратных.

— Заблудимся. Дальше снова развилки со знаками, У братчиков был ключ к этому лабиринту, а может быть, план.

Притихшие, помрачневшие, вернулись в подполье с могилами, затем поднялись в собор. Косаговский сел на ступени амвона и обхватил голову руками. Мальчишки смотрели на него с испугом. Птуха заходил по собору, засунув руки в карманы, негромко грустно-грустно напевая:

Там, где мчится река Амазонка,
Там я буду тебя вспоминать...

Оборвав песню, шумно вздохнул и сказал:

— Вышли мы из меридиана. Кошмар!

— Давайте-ка посмотрим теперь, что делается на божьем свете, — громко и бодро сказал капитан. — Кто со мной?

К нему присоединился один мичман. Они поднялись на соборные хоры, и казалось, что поднимались вместе с ними, подсаживая друг друга, святые угодники, нарисованные на стенах Истомой. На хоры выходили высокие узкие окна собора, затянутые промасленным холстом. Ратных рванул раму окна, выходявшего на посадничий двор. Посыпалась замазка, окно распахнулось. Двор был безлюден. Неподвижно лежали убитые посадские. Над ними уже кружили вороны и сороки. Как быстро они почуяли мертвецов! Потрескивал огонь в догоравших домах, доносилось откуда-то жуткое похоронное вытье.

— Стрельчихи убитых мужей отпевают, — сказал тихо мичман.

На ступенях посадничьего крыльца сидел чахар с автоматом, зевал, свирепо чесался под халатом и не спускал глаз с собора.

— Такой никого не пропустит, — покачал головой капитан. — Такой по любой живой душе из автомата чесанет. А вот и второй вылез!

Но второй был не чахар и не русский братчик.

— Остафий Сабур! — удивился Птуха. — И не разорвало его, проклятого, взрывом!

— Живуч, язви его! — нахмурился капитан. — Ловкач!

Стрелецкий голова, не сходя с крыльца, оглядел двор, посмотрел на собор. Лицо его внезапно оживилось, он приложил ладонь ко лбу, вгляделся и заулыбался радостно.

— Нас увидел и улыбается, жлоб! — озлился мичман.

Остафий приложил руку ко рту рупором и крикнул весело:

— Мирские, гость дорогой к вам идет! Вина и хлеба-соли не жалейте. А у вас, поди, корочки нет? И воды ни глоточка? — заржал голова и скрылся за дверью.

— Я догадываюсь, какой это гость будет, — сказал спокойно капитан.

Он сел удобно на подоконник, но сидеть ему не пришлось. Открылась дверь, и на крыльцо вышел Памфил-Бык.

— Вот он, гость незваный! Пойдемте встречать.

Они не успели спуститься с хоров, как в дверь крепко, требовательно постучали. Капитан отодвинул засов и открыл дверь.

Братчик шагнул через порог, снял кепку и вытер потный лоб. Виктор заметил, что он очень изменился за эти два дня: лиловые мешки под глазами почернели.

— Жарко, капитан. Вы не находите? — криво улыбнулся братчик.

— Кому как! — ответил Ратных.

А Косаговский недобро пошутил:

— Синяя ферязь вам больше к лицу. В ней вы на опричника были похожи. А теперь вы вылитый заготовитель яиц и сушеных грибов из райпотребсоюза.

Памфил не отвечал, в упор разглядывая капитана изагадочно улыбаясь.

— Вот вы какой! — пробормотал он, дергая нижней губой. — Первый раз по-настоящему вас вижу. Во вторую встречу на улице темно было, а при первой встрече мы оба спешили.

— О какой первой встрече вы говорите? — удивился капитан.

— Моя мета, моя работа, — указал Памфил пальцем на изуродованное ухо капитана.

— Что?.. — отступил Ратных. — Да вы кто?

— Полковник Колдунов! — поклонился Памфил коротким офицерским поклоном. — Штаб-офицер Харбинского конного полка к вашим услугам!

Пахнуло на капитана жаром горящих камышей на озере Самбурин, оглушил грохот бешено скачущих коней и древний боевой клич монголов: «К-хул!.. Ху...у...у!..» Взблеснула его сабля, занесенная для удара, а под саблей — это лицо с закушенной губой, с острым подбородком и пустыми глазами. Никогда, ни к кому не испытывал капитан такой лютой, тяжелой ненависти, как к этому стоявшему перед ним человеку.

— Ваша работа, не отказываюсь, — медленно сказал Ратных и вытянул палец к горлу братчика. — А это вот тоже озеро Самбурин. Это моя работа!

Колдунов схватился за горло, где под высоким воротом рубахи был скрыт безобразный красный и бугристый шрам, притянувший к груди его острый подбородок. Он бешено оскалился, сказал свистящим шепотом:

— Глупо я сделал, что стрелял в тебя на скаку. Саблей бы тебя достать, развалил бы на две половинки!

— Едва ли. Я костистый, — угрюмо усмехнулся Ратных. — Ну и богатый же послужной список у вас, Колдунов. Корнет царской армии, гусарский поручик у Колчака. Гусарскую бескозырку сменили на меховой малахай конно-азиатской дивизии барона Унгерна. Восстанавливали с ним Великую Монголию, бывшую империю Чингисхана. В монгольской степи «ставили вешки» — пленных красноармейцев и партизан зарывали по горло в землю на съеденье волкам.

— Мы сражались за святое дело, за единую, неделимую Россию, за православную веру! — гордо выпрямился Колдунов.

— Сражались вы за единую, неделимую и за православную веру и грабили церкви, монастыри, а заодно мечети и буддийские дацаны. А когда вышибли вас из Монголии, пошли на службу к микадо.

Колдунов сдвинул брови и тяжело усмехнулся:

— Будем изучать мой послужной список или перейдем сразу к делу? Разговор есть. Очень серьезный!

— У нас с вами разговоры всегда очень серьезными бывают. Говорите! — привалился к стене Ратных.

Колдунов бычьим взглядом, исподлобья обвел лица стоявших перед ним людей.

Он искал на этих лицах растерянность, страх и не нашел их.

— Я могу поджечь собор и зажарить вас, как рябчиков. А я принес вам жизнь и свободу. Завтра вы будете дома. Я дам вам бензин для полета. Устраивает вас это?

— Вполне, — кивнул головой капитан. — Пора нам домой, загостились мы здесь. Но с вашей стороны будут, конечно, какие-то условия?

— Да. Слушайте мои условия.

Колдунов помолчал, глядя прямо перед собой. В глазах его был мутный страх затравленной собаки.

— Минуточку! — выставил капитан ладонь. — Мне почему-то кажется, что разговор у нас будет не для детских ушей. Отойдемте!

Все, кроме Истома и ребят, ушли в алтарь и закрыли алтарные двери. Колдунов, сдвинув Евангелие и крест, сел на престол; капитан, летчик и мичман стояли, прислонясь к стене.

— Вот мои условия: в самолет сяду не я один, а все мои парни.

— Вариант с вашим индивидуальным полетом отпадает? — весело удивился Косаговский.

— Отпадает, — угрюмо ответил Колдунов.

— Понятно. Не прошел номер! — сказал капитан. — А сколько вы платины берете с собой?

— Пустяк! Я возьму мешочек на пуд, не больше.

— То есть на двенадцать тысяч долларов! — уточнил Косаговский. — Погубит вас жадность, Колдунов!

— Я выхожу на пенсию, — криво ухмыльнулся братчик. — Буду марки коллекционировать и разводить тюльпаны. Нужен же мне кусок хлеба на старость.

— Любите вы комфорт, Колдунов! — покачал головой Ратных. — Подавай вам самолет. А почему бы не пешочком? Дорогу в Харбин вы знаете. Но едва ли удастся вам прорваться обратно в Маньчжурию.

— Да, трудности будут большие, — в тяжелом раздумье проговорил Колдунов. — Добывая бензин, мои конники наделали много шума. Ваши пограничники, капитан, обложили нас, как зверя. Они уже ждут нас на выходе из Прорвы.

— У вас ясная голова, Колдунов.

— Благодарю за комплимент. И мне хочется спасти

эту ясную голову. А спасение только в самолете. Не скрываю, что мы пойдем ради этого на самые крайние меры! Вы, конечно, уже догадались, как мы прошли сюда?

— Уже догадались. Подземным ходом.

— Возможно, вы даже открыли его?

— Возможно.

— Но воспользоваться им вы не сможете. Вы заблудитесь в подземных лабиринтах. Нужен ключ, у вас его нет. Вы в западне!

— Вернемся к вашим условиям.

— Это не мои условия. Это план князя Тулубахова. Вы, Косаговский, перебрасываете нас в Маньчжурию, а перед взлетом ваши друзья получают от нас карту Прорвы. Они смогут спокойно вернуться домой. Согласны?

Все почувствовали, как внутренне сжался Колдунов, ожидая ответа.

— Не согласен! — резко ответил летчик.

— Тогда все осложняется, и картина становится мрачной. Мы врываемся в собор. Короткие очереди из автоматов. Перебиты все, кроме вас, Косаговский, и вашего брата! (Косаговский повернулся и уперся лбом в стену. Видно было, как вздрагивают его плечи.) А вас спросят в последний раз: согласны вы лететь с нами? Не согласитесь, будет убит ваш брат на ваших глазах!

— Я согласен! Летим! — рывком обернулся Виктор.

Капитан молча рванулся к нему, но летчик остановил его вытянутой рукой:

— Молчите, капитан! Лучше мне одному погибнуть, чем всем вам.

— Погибнуть? — поднял брови Колдунов. — Кто говорит о гибели? Я знаю, какие безумные мысли бушуют сейчас в вашей голове. Вы утащите нас в Совдепию. — Голос братчика загустел от угрозы. — Не выйдет! Мы сидим сзади вас с автоматами. А может быть, вы решитесь устроить

аварию, угробить нас и себя? И это не позволим! Вместе с вами полетит ваш братишка. Убивайте родного брата. Все предусмотрено.

Виктор привалился плечом к стене, обхватив голову руками. Братчик, сидя на престоле, взял Евангелие, начал не спеша его перелистывать, с любопытством разглядывая древнюю рукопись.

И вдруг громко, оживленно сказал:

— Послушайте слова Христа! — И он прочитал медленно, водя пальцем по строке Евангелия: — «Блажен, иже положит душу свою за други своя». Это к вам относится, Косаговский! Не хватайтесь за голову, соглашайтесь!.. — Он слез с престола. — Игра наша затянулась, капитан, но я вам даю время обдумать. Я знаю. Вы соберете общее собрание и будете голосовать. Пожалуйста! Даю на это время. Завтра ровно в полдень я постучусь в соборную дверь и потребую окончательного ответа.

Он ушел, не обернувшись, пренебрежительно показывая, что он ничего и никого не боится.

— Эффектно ушел, как актер на сцене, — зло улыбнулся капитан. — А у самого поджилки дрожат!

— Вот полундра так полундра! — Мичман сел, уткнув лицо в ладони, и застонал, как от зубной боли. — Кошмар! Это же кошмар!

— Слушайте, товарищи, — неестественно спокойно заговорил Виктор. — Я решил. Лечу. Забираю Сережку — и лечу! Советские люди не осудят меня: они поймут, что я сделал это ради спасения друзей.

— Вы не спасете нас, Виктор Дмитриевич! — горячо возразил капитан. — Нас с Федором Тарасовичем они не выпустят отсюда живыми. Слишком много мы знаем про них. И вас они передадут майору Иосии. И Сережа погибнет.

— Возможно! Но есть хоть какая-нибудь надежда спасти вас.

— Вот что! — поднялся мичман, улыбаясь со злой иронией. — Давайте соберем общее собрание, как говорил этот жлоб, и проголосуем. Кто за то, чтобы таким подлым способом спасать свою жизнь? Я против. Кто за? Нет! Воздержавшихся? Тоже нет! Единогласно!

— Что же делать? Что? — измученно крикнул Косаговский.

— Ждать! — ответил капитан. — До двенадцати ноль ноль завтрашнего дня у нас немало времени. Я крепко надеюсь, что посадские нас выручат: Будимир и Волкорез, есаулы мои, живы. Ждать и надеяться!

Мичман пожал плечами и развел руки:

— Не очень это весело. А что кроме будешь делать?

Глава 7

ПОДНЫР

Она спокойно повернулась и повела их через отверстие в стене по уходящему вниз потайному коридору, освещаемому только свечой, которую замыкавший шествие Вашингтон успел захватить со стола. Наконец они подошли к массивной дубовой двери, сплошь забитой ржавыми гвоздями.

О. Уайльд, «Кентервильское привидение»

1

Собор был темен и тих. Такая таинственная тишина бывает только в пустых ночных храмах. Пахло ладаном,

церковной пылью, плавленным воском. Принесенный Истомой из алтаря многосвечник, зажженный на все семь свечей, бил светом в лицо спящего Сережи, и он недовольно морщился. Митьша рядом с ним спал с улыбкой на лице. Капитан Ратных, Истома и Птуха спали бок о бок с ребятами, будто оберегая их.

А Женька, свернувшись клубком и сунув морду в пах, спал в ногах Сережи. Пес спал беспокойно, то и дело открывал один глаз и смотрел заботливо на дежурившего летчика.

Виктор сидел на полу, привалившись к стене. Как и все эти дни, он и сейчас думал об Анфисе. «Есть ли надежда на нашу встречу? — спрашивал он себя и боялся ответа. — Смерть ее отца!.. Сможет ли она простить это!..» Но была в душе его надежда на какой-то случай, который все исправит, уладит, успокоит.

Он поднял правую руку и поглядел на перстень — подарок Анфисы. «Пусть будет он тебе вечной памятью обо мне!..» — вспомнил он слова девушки. Но гранат сейчас не излучал внутренний свет, не сыпал горячие искры, был тмен, слеп, тускл. Сердце Виктора снова сжали страх и безнадёжность.

Женька вдруг открыл глаза, поставил торчком уши и, злобно залаяв, кинулся к двери. В дверь осторожно стучали.

Капитан, привыкший по тихому зову одним рывком сбрасывать одеяло и сон, вскочил и подбежал к двери.

— Кто? — громко и тревожно спросил он.

Ответ донесся глухо.

Виктор не расслышал голос за дверью, а капитан схватился за голову:

— Не может быть! Вот радость-то!

Он поспешно отодвинул засов и распахнул дверь.

Тихо, как из сна выходя, шла к Виктору Анфиса. Лицо ее будто обрезано по лбу и щекам глухим черным платком. Она надела жалбу, черное печальное платье, — траур по убитому отцу. Тихие серые ее глаза с испугом смотрели на Виктора, на его забинтованную шею и на лицо, измазанное в крови.

— Светик мой, жив! Жив!

Неудержимо хлынуло все затаенное, скрываемое от людей. Она обхватила Виктора за шею, прижалась головой к его груди и задохнулась в рыданиях.

Виктор наклонился к ее лицу, сказал с тихой, ликующей радостью:

— Пришла... Вернулась. Я боялся...

— Знаю, чего ты боялся. — Она говорила, не поднимая головы от его груди. — Преставился мой родитель. Не в честном бою, а в бою несправедном. В прах его разнесло. — Анфиса перекрестилась. — Жил батя грешно. Вечно буду молиться за его душу, а меж нами кровь его не встанет.

Виктор крепче прижал ее голову к груди.

Мальчишки спали, их не разбудил приход Анфисы; капитан и Истома растроганно глядели на встречу Виктора и Анфисы, и только мичман заметил, что вместе с дочерью посадника в собор пришла и еще одна женщина. Она укутала лицо в узорный плат и низко надвинула поверх шапочку, обложенную мехом.

А под шапочкой беспокойно бегали в красных прожилках глаза горького пьяницы.

— Тю! Тут какая-то тайна! — сказал Птуха, описывая круги около женщины. — А ну-ка!

Он невежливо потянул платок и отступил в изумлении:

— Приветствую! Явление восьмое, те же и поп Савва!

Из платка показалась хитрая, распухшая от комариных укусов физиономия попа.

— Как ты сюда попал? — строго спросил деда Истома.

— Погоди, внучек, дай бабью одежину снять. — Поп начал снимать платок, кацавейку, юбку. — Как разогнали скоропалительные самопалы бунташную посадчину, так и кинулся я к государыне Анфисе. Она ведь голубица, она добренькая, и умолил я ее свести меня с вами, с мирскими. В мир уйду! Здесь мне оставаться не с руки. Сидел я с верховниками в осаде? Сидел! Посадские за это на меня зубы точат. А потом с вами Детьнец на слом брал? Брал! Старицу боголюбивую непотребными словами костерил? Костерил, еще как! Она мне это теперь припомнит, семь шкур с меня спустит! Одна дорога мне — вместе с вами в мир уходить.

— Завязало тебя, попище, калмыцким узлом? — усмехнулся мичман. — Теперь не выпутаешься!

— Звонил поп Савва во всю мочь, а теперь с колокольни прочь! — с холодным презрением сказал Истома. — Теперь вертится, как вор на толчке!

— Погоди, Савва, мы сами не знаем, уйдем ли в мир, — сказал капитан. — И рады бы в рай, да грехи не пускают.

Анфиса, стоявшая с Виктором в стороне, подошла к капитану:

— Мирской, я пришла вам помочь. Никто, ни одна душа не увидит, как вы уйдете из собора. Тайником подземным уйдете. Из собора подныр под землей идет. Таём и уйдете. Батюшка покойный перед боем, перед тем как ему на коня сесть, рассказал мне о подныре. «Чую, — сказал он мне, — что настал недобрый час, смута и разоренье будут, и смертоубийства, и большой пожар в Детьнице неминуем. Ты в этот недобрый час и беги этим тайником. В тайгу выйдешь и к лесомыкам уходи, на их выселки».

Капитан, Косаговский и Птуха переглянулись понимающе.

— Нашли мы этот тайник, Анфиса, — сказал капитан. — В подполье собора он начинается...

— А пройти подныром не просто, — перебила его Анфиса. — Развилок там много. Не на ту свернешь — и будешь до последнего своего вздоха под землей бродить.

— Мать богородица, страсти какие! — попятился поп Савва.

— И это знаем. А как же пройти? — спросил Ратных.

— Вот, бери! — протянула ему Анфиса тонкую полированную каменную плитку. — На ней верный путь по тайнику указан.

Капитан поднес плитку к семисвечнику. Он рассчитывал увидеть план подземного хода, а увидел высеченные знаки. Были на плитке крест, круг, подкова, были прямоугольник, стрела, треугольник, косой крест, полумесяц и другие.

Они были высечены тремя вертикальными колонками, один значок под другим.

— Знаки эти маячить вам будут в подныре, — объяснила девушка. — Но и обманные знаки там есть. На каждой развилке знаков много, а идти надо на тот знак, который на каменной этой дощечке указан. А коли обратно пойдешь, на обратную сторону дощечки гляди.

— Створные знаки, чтоб я пропал! — воскликнул обрадованно Птуха. — Теперь распутаем подземный фарватер!

— Возьми и это, мирской. — Что-то тихо, мелодично звякнуло, когда Анфиса выпростала руку из-под опашня. На руке ее, ниже локтя, было надето железное кольцо, а на нем висели три больших старинных, винтом, ключа. Девушка сняла кольцо с руки и протянула его капитану. — «Две двери под землю ведут, в подныр, а через третью дверь на свет божий выйдешь», — сказал мне батюшка, когда в последний раз со мной прощался.

— Спасибо, Анфиса, — смущенно сказал капитан, — но только мы те два замка... Сломали мы их! Извините,

побезобразничали. А нет ли еще таких ключей у кого-нибудь и дощечки такой же, не знаете, Анфиса?

— Знаю. У старицы есть, а более ни у кого. Батя мне так сказал.

— Нет теперь у старицы ни ключей, ни пластинки со створными знаками, у Колдунова они, у вашего таинственного гостя из верхней горницы. За сладкое вино и за колоду карт отдала их Нимфодора. — Капитан шагнул к Анфисе и протянул ей руку. — Вы спасли нас, спасибо вам. А вы вернетесь, конечно, в Детинец?

— Мне возврата в Детинец нет, — покачала головой девушка. — Страшно мне в Детинце, будь он трижды проклят, гнездо змеиное! Я с вами отсюда уйду и в посады побреду. С народом жить буду.

Косаговский молча обнял Анфису.

— С нами пойдете? Очень хорошо! — ласково посмотрел на девушку капитан. — Идемте, товарищи! До двенадцати ноль-ноль мы далеко уйдем, у таежных охотников на их хуторах будем.

— Митьша, вставай! — затормошил проснувшийся Сережа все еще спящего друга. — Подземным ходом пойдём! Как Том Сойер. Красота! — сиял глазами Сережа.

— А с тобой, Савва, не знаю, что делать, — посмотрел Ратных на попа. — В мир пойдешь не один ты, все посадские в мир уйдут. Найдём мы дыру!

— Кормилец, когда это еще будет! Сейчас возьми! — упал поп на колени. — Муторно жить в нашем граде богоспасаемом. У нас всех скрозь и подряд бьют и дерут немилосердно. Посадник мужика кнутом отодрал; тот, пришед домой, жену за волосы оттащил; женка со злости сынишку шлепнула; тот собаку пнул; та на кошку бросилась, а кошка в сердцах мышью на ключья порвала. Вот как живем, родимый! Разве ж это жизнь? В мир без памяти хочу!

— Разрешите доложить, товарищ капитан? — вытянул-

ся по-строевому Птуха. — Нельзя попа в нашу команду брать. Я преподобного свечкодуя насквозь вижу и еще на аршин под ним! Он из семи печей хлеб ест и нашим и вашим пляшет!

— Слезно тебя молю — не подпускай к себе близко деда. Не подпускай! Предаст, Иуда! — взволнованно сказал Истома.

— Внучек, чаделько, что говоришь? — пополз поп на коленях к внуку, потом пополз к мичману. — Федя, и ты на меня? Погибели моей хотите? Мне одна дорога — в мир, в город Одессу! Шибко хорошо ты о нем рассказывал, Федя.

— Иди ты!.. — гаркнул было мичман, но, оглянувшись на Анфису и мальчиков, сбавил тон. — Да я тебя, божью дудку, с Потемкинской лестницы спущу! Все ее сто девяносто две ступени спиной пересчитаешь!

— Савва! — окликнул попа Ратных.

— Аюшки, Степанушка, дорогой!

— Говори: предашь нас при случае?

— Николи! Крест целую! — искательно заиграл глазами поп. — В миру кабак открою. Дорогими гостями будете, — поклонился он мирским.

— Пустите Дуньку в Европу! — засмеялся Косаговский.

— Ладно, берем, язви тебя! — согласился, улыбнувшись, капитан. — Пивом в ларьке будешь торговать, честной народ на пене обжуливать.

— Смотрите на него! Опять вывернулся, как намыленный! — удивился сердито Птуха.

2

Обе двери, из собора в подполье и из подполья в подныр, имели внутренние железные засовы. Мичман задвинул их и сказал весело:

— Добро! Теперь наш тыл обеспечен. Погони можем не бояться.

— Не будет погони до завтра, до полудня, — откликнулся Косаговский. — Начинается наше подземное плавание!

— Семь футов под килем! — подхватил Птуха.

В белом каменном коридоре снова зашевелились тени на стенах. Они крались, передвигались, кидались под ноги, пугая Митьшу. В конце коридора мичман остановился и крикнул:

— Стойте! Кто свечи здесь положил?

В нише, вырубленной в каменной стене, лежали толстые свечи. Фитиль одной из них был обожжен. Ратных понюхал. Пахло гарью.

— Батюшка сказывал мне, что свечи по всему подныру лежат, — объяснила Анфиса. — Не сказал только, когда и кто их положил.

— Недавно положили, — ответил капитан. — Те положили, кто по подныру частенько ходили.

Савва молча сгреб свечи и сунул их в карман подрясника.

— Вот поповская натура! — засмеялся Птуха. — Не может хладнокровно на свечу глядеть — сразу в карман тянет!

Выйдя из коридора в большую пещеру, остановились. Истома поднял подсвечник, осветив три знака над тремя подземными ходами.

— Крест! — взглянув на плитку, крикнул капитан.

За большой пещерой снова начался коридор. Он извивался ящерицей, то круто поднимался, то скатывался вниз. И снова были разветвления, и снова капитан кричал передовому ИстOME, под какой знак сворачивать.

И снова шли один за другим по подземным коридорам и пещерам. Впереди шел Истома с семисвечником, а последним поп Савва, тоже с зажженной свечой. Сухие и чи-

стые коридоры после очередной развилки сменились мокрыми. Со стен и потолка, покрытых слизью, закапало, под ногами захлюпала грязь, появились лужи.

— Мы сейчас под Светлоярм идем, — остановился Коцаговский и посмотрел на потолок. — Это его вода сочится. А придет время — прорвется сюда озеро и затопит эти катакомбы. Не боишься, Сережка? — улыбнулся он брату.

А Сережа замирал от страха и восторга. Совсем как у Тома Сойера получается! Только летучих мышей нет, которые так напугали Бекки Тэчер. Что летучих мышей нет — это, пожалуй, хорошо. Противные! А вот чтобы под озером идти, такого даже у Тома Сойера не было. И обидно же будет, если Колька с Забайкальской не поверит этим подземным приключениям. А ведь не поверит, скажет: заливаешь, Сережка!

— Митьша, а верно, здорово получается? — толкнул он шедшего рядом приятеля. — Тебе нравится?

— Не. Я боюсь, — прошептал в ответ Митьша.

И верно, страшновато. Глухая окаменелая подземная тишина шептала осыпающейся где-то землей, и Сереже начинало казаться, что его зарывают заживо. А что, если и правда Светлоярм прорвет сейчас потолок да как-ак хлынет! Интересно, конечно, под землей ходить, а все-таки пора бы и наверх подняться... А это что такое? Ой, мама, что это?

Сережа остановился и кинулся к брату. Где-то впереди в темноте слышались бормотание, вздохи, плачущие всхлипы. Истома тоже остановился и быстро задул все свечи, кроме одной. И ту загородил ладонью.

— Голоса. Говорят и плачут, — испуганно шепнул он.

— Не говорят и не плачут, — успокоил его капитан. — Это вода бормочет. Ручей, а может быть, и целая река подземная.

Прав был капитан. Сережа вскоре услышал журчание

воды. А потом дорогу им пересекла небольшая, но бойкая речка.

— Вот она и промыла подземные ходы, по которым мы идем, — сказал капитан. — А может быть, она не одна здесь под землей работает. Речки и ручьи растворили камень, доломит, известняк и прогрызли тоннели.

— Работяги! — покрутил головой Птуха. — Целое московское метро выкопали.

Речка встретилась очень кстати, всех мучила жажда. А едва напились, капитан скомандовал:

— Отдыхать не будем. Пошли, товарищи!

— Стойте! — закричал Птуха, оглянувшись. — А где поп?.. Поп пропал!

3

Попа Саввы не было. И никто не видел, когда он отстал.

— Вернуться надо! Искать будем! — заволновался Косаговский. — Он отстал и заблудился, это ясно.

— А мне не ясно! — резко крикнул Птуха. — Что он, младенец? За ручку надо было его вести?

— Может, крикнуть ему? — несмело предложил Сережа. — Он, может быть, где-нибудь рядом бродит.

— Кричать не советую. Поменьше шума. Да, странно. — помрачнел капитан. — Когда же он отстал? Кто видел его в последний раз?

— Он сзади всех тащился, шут его знает, когда он отстал! — раздраженно ответил Птуха.

— Поп Савва все время около дыр на стенках свечкой копил, — сказал вдруг Митьша. — Я видел.

— Чего-чего? — кинулся к нему Птуха. — Свечкой около дыр копил? Ха! Слышали? — зло скривился он. — Дело керосином пахнет!

«У Тома Сойера научился! — удивился мысленно Сережа. — Неужели и он про Тома Сойера читал?»

— Черт!.. — стукнул капитан кулаком в ладонь. — Копотью он отмечал нужный поворот на развилках. Дойдет до выходных дверей, откроет засовы и напустит братчиков на наш след.

— Двух минут, собака, честным побыть не смог. В какой раз переметнулся! Предательством своим у старицы и братчиков прощение вымолит. Догоню его! Горло, гаду, вырву! — метнулся было Птуха.

— Отставить, мичман! — строго приказал капитан.

— Есть, отставить! — Птуха взволнованно перевел дыхание. — За коим бесом взяли мы с собой эту продажную шкуру? Видели очи, что покупали!

Он замолчал, взглянув на Анфису. Девушка стояла, опустив голову. Лицо ее дрожало.

— Моя вина. Я его, Иуду, к вам привела... — прошептала жалобно она.

— Вы не виноваты, Анфиса, — угрюмо остановил ее Ратных. — Виноват один я. Мичман прав: видели глаза, что покупали... Истома, вперед! Свети! Теперь, товарищи, спешить надо.

Шли торопясь. Ратных с беспокойством поглядывал на Анфису и мальчиков.

Но все держались бодро. Лишь учащенное дыхание выдавало, что спешка была нелегкой.

Подземный коридор сделал несколько поворотов и разветвлений и окончился черной пустотой, дохнувшей холодом. Из темноты неясно выступали обвалившиеся камни, целые скалы, но ни до потолка, ни до противоположной стены свет свечей не доставал. Видимо, это была пещера огромных размеров.

— Вот еще морока на наши головы! — проворчал Птуха. — Темно, как в угольной яме.

— Дальше пойду я один, — сказал Ратных, взяв много-свечник из рук Истома.

— Ну конечно! — пожал плечами и чуть развел руки мичман. — Всегда — «пойду я один»!.. Мне просто смешно.

— Пойду я один! — повторил строго капитан. — Ждите меня, и ни шагу вперед, назад или в стороны. Если увидите, что я делаю огнем круги, идите смело на огонь. За меня остается Виктор Дмитриевич.

Он ушел и через минуту пропал в темноте. Видны были только семь свечных огоньков. Но вот они слились в одно светлое пятно. Затем только огненная точка замерцала в темноте. Все следили за ней затаив дыхание.

Сережа стоял рядом с братом. Было так страшно, что пощипывало кожу и поджигались пальцы на ногах. Он напряженно глядел на огненную точку, и на глаза начали набегать слезы. И все же он первый увидел, как огненная точка описала круг.

— Капитан сигналит! Можно идти! — закричал он радостно.

Кто-то в темноте вздохнул облегченно. Истома заскрежетал кресалом, раздул трут и зажег свечу из взятых им по пути в каменных нишах. Он и пошел первым со свечой.

Капитан стоял около двери, врезанной в каменную стену. Висячий замок был отомкнут, и сброшена тяжелая железная накладка. Капитан otvorил дверь и молча поманил пальцем Косаговского. Летчик подошел, сразу потянул носом и сказал:

— Знаете что? Здорово пахнет бензином. Бензин — это по моей части. Сначала я посмотрю.

Он взял свечу у Истома и ушел, не закрыв за собой дверь. На этот раз ожидание было недолгим.

— Входите. Только с огнем осторожнее! — сказал Косаговский, показываясь в дверях.

Глава 8

ТУПИК

Подземный ход кончился.

— Вот заковыка. Тупик!

В. Беллев, «Старая крепость»

1

В глаза бросилось оружие: японские карабины, пистолеты, автоматы, ручной пулемет, цинки с патронами, жирные от смазки пулеметные диски и автоматные обоймы.

— Вот что нам нужно было! — бросился к оружию капитан. — Вот он, арсенал Колдунова! Ну, теперь мы повоюем.

— Теперь мы повоюем! — радостно потер руки мичман. — Теперь мы посмотрим, кто кого!

А Косаговского интересовали большие плоские, с герметическими пробками канистры, по горлышко налитые бензином. Он пересчитал их, прикинул вместимость и сказал весело:

— Хватит на хороший полет. Помните, Степан Васильевич, Колдунов говорил о бензине?

— Открываются все его тайные козыри! Здесь их притон был. Сюда приносилась из Ново-Китежа платина. Колдунов приносил, и Остафий Сабур, наверное, ему помогал. Братчики нагружались металлом и шли в обратный путь, в Харбин.

Мичман поднял свечу.

— Знаменитая хата!

Осветились бревенчатые стены, низкий потолок-накат, грубый стол, врытый в земляной пол, и широкие скамьи. На столе стояла колодка свернутой коленцами «сорокоус-

той» свечи. На лавках лежало пересохшее сено, какое-то тряпье, пустой солдатский вещевой мешок.

— А вон еще дверь. Последняя, мне кажется, — поднял мичман выше свечу.

От земляного пола уходила вверх деревянная лестница. Упиралась она в дверь без замка, с задвижкой.

— Это выход на поверхность, — проговорил Ратных. — Надо разведать, нет ли наверху засады или еще какой-нибудь подлости. — И, не давая сказать заволновавшемуся мичману, он поспешно продолжал: — Пойдем в разведку мы двое, мичман. Я — наверх, вы — низом. О погоне не забывайте. Колдунов не выпустит нас живыми из Ново-Китежа.

Анфиса вздрогнула и посмотрела жалобно на Косаговского. Тот успокаивающе пожал ей руку.

— Есть! — лихо, по-строевому ответил мичман капитану. — Идти в разведку в подземный ход!

— Идите к речке, там засядьте. Засечете братчиков, сразу бегите сюда, поднимайте тревогу.

— Само собой! Разрешите выполнять?

— Выполняйте, мичман.

Заметно было, что Птуха рад опасному поручению. С веселой лихостью вскинул он на шею ремень автомата.

Руки привычно легли: правая — на ложе, левая — на ствол.

— Порядочек! Поприветствуем Колдуна!

— Дядя Федя, — подошел к нему Сережа, — возьмите Женьку с собой. Пограничники всегда так делают.

— Гениальная идея! — воскликнул мичман. — Спасибо, Сережа. Пошли, Женька!

Капитан подождал, пока ушел Птуха, и начал подниматься по лестнице. Наверху постоял, прислушался, отодвинул бесшумно задвижку и осторожно толкнул дверь. Она взвизгнула на петлях. Ратных замер, положив палец

на-спусковой крючок автомата. Но за дверью было тихо и светло. Значит, утро уже!

Он разглядел дощатый пол, бревенчатые стены, маленькие узкие окна, а за ними бледное, холодное утреннее небо.

Капитан поправил автомат на груди и шагнул через порог. Остановился, внимательно огляделся и зло, крепко хлопнул ладонью по лбу.

— Ворона, язви тебя! Куда смотрел?

Он стоял в алтаре той самой древней церквушки, которую нашел, разведывая тайгу. Он посмотрел в окно. Рядом с церковью погост, свежие могилы замученных на Ободранном Ложке посадских, новенькие кресты. Отсюда, из «Николы на бугре», и было послано с попом Саввой тарабарское письмо.

Он затворил дверь в подвал, взглянул на нее и раздраженно засмеялся. На дверь была навешена большая икона, низом касавшаяся пола. Она почернела от времени и сырости, и видна была только босая нога неизвестного святого. Здесь он и сидел на полу, привалившись к этой босой ноге, здесь он увидел окурок с харбинским клеймом, втиснутый в щель бревна. Если бы он знал тогда, что было скрыто за его спиной! Братчиков в церковном подвале в тот день не было, весь их арсенал попал бы в настоящие руки, и события в Ново-Китеже пошли бы совсем по другому пути.

— Право слово, ворона! — еще раз сердито обругал себя капитан.

Он вышел из церкви, обошел ее кругом, осмотрел погост. Ничего подозрительного. Человечьи следы, правда, есть, но старые, закрытые уже поднявшейся притоптанной травой. Эти следы и видели лесомыки, которых он посылал в разведку.

Раздраженный, недовольный собой, он вернулся в церковь и спустился в подвал.

2

Сереза и Митьша, вымотанные подземным походом, спали на столе. Лавками они побрезговали. Анфиса дремала, облокотившись на стол в головах ребят. Виктор, привалившись к притолоке, с автоматом на коленях сидел на пороге раскрытой двери, прислушиваясь к тишине подземных пещер.

Истома сидел рядом с ним, разглядывая пистолет.

— Виктор меня стрелять учит, — застенчиво посмотрел он на капитана. — Маленько научился. Эту вот скобочку нажать, оно тогда и выпалит.

— Правильно, тогда оно и выпалит, — улыбнулся ему капитан и обратился к летчику: — Наверху все в порядке. Знаете, куда нас вывел подземный ход? К древней церквушке «Николе на бугре». Вы о ней не раз слышали.

— Восемь верст до нее от города! — удивился Истома. — Вон сколько мы под землей шли. Неужто реки подныр вырыли? Дивны дела господни!

— Обратно пойдем верхом, тайгой. Встретиться с Колдуновым я предпочитаю при дневном свете. Надо бы двигаться в посадки, да боюсь, что мальчишки и Анфиса не дойдут. Как вы думаете, Виктор Дмитриевич? Надо дать им выспаться?

Косаговский не ответил. Он к чему-то прислушивался. И вдруг вскрикнул:

— Женька!.. Женька мчится сюда!

Обман-пинчер влетел в подвал и тревожно заскулил, нервно облизываясь и поглядывая на людей.

— И Федор Тарасович идет! — вскочил с порога Косаговский. — Торопится, слышно.

Птуха вбежал, запаленно дыша.

— Полундра! Боевая тревога! — приглушенно крикнул он. — Такое дело... Идут. Далеко еще, и света не видно. Женька их запеленговал.

— Встречать их пойдут — я, Виктор Дмитриевич, мичман и Женька. Ты, Истома, стой в дверях. Пистолет возьми на всякий случай... Если увидишь чужого, не жди — нажимай скобочку, как тебя учили.

Все трое взяли, кроме автоматов, по пистолету. Птуха наложил в вещевой мешок автоматные обоймы-магазины и вскинул его на плечо.

— Пошли? — сказал спокойно, будто приглашая на прогулку, капитан.

Они ушли, не разбудив детей.

Анфиса, тихая, замученная, жалко махнула им на прощание рукой.

3

По дороге к месту засады Птуха сказал:

— Я выбрал местечко около реки. Там верхняя галерея есть. Там и заляжем. Подходяще?

— Дельно придумано, — согласился капитан. — Там и заляжем.

Обдирая ладони и локти, они вскарабкались на галерею. Женьку пришлось втаскивать на руках. Каждый выбрал себе позицию, залегли и потушили свечу.

Ждать пришлось недолго. Женька вдруг злобно заурчал и стих по приказу Птухи. В подземный коридор проник неясный, рассеянный свет.

Первым вышел чахар, выставив ствол автомата. За ним шел второй чахар. Этот, кроме автомата, нес высоко над головой факел, связку свечей, надетую на палку. За факельщиком шли третий чахар и поручик князь Тулубахов.

Пятым надо было ожидать Колдунова, но мичман шепотом удивился:

— Стрелецкий кафтан! Товарищи, да это же Остафий! И тоже с автоматом! Ах, поцелуй собаку в нос, жлоб проклятый!

— Мне Колдунов нужен! А его нет. Осторожная лиса, язви его! — прошептал Ратных. Он поднял автомат и крикнул: — Бросай оружие! Руки вверх!

Громко, до боли в ушах, загремела первая автоматная очередь. Братчик, русский, с непонятной быстротой вскинул автомат, дал очередь вверх и метнулся за камень. Ему ответил капитан.

Упал чахар-факельщик.

— Ха! Получается дай боже! — сказал довольно мичман.

Упавший факел горел, освещая нижнюю галерею. Чахары открыли частую, сердитую, но бесполезную стрельбу. Они били длинными очередями, не целясь, спрятав головы за камнями, высунув только стволы автоматов. И грозно кричали свой боевой клич:

— Қ-ху!.. Ху-у-у!

— Им бы автоматы со стволом дугой, — засмеялся капитан. — Из-за угла стрелять!

Хунхузскую бесполезную стрельбу чахаров заметил и князь Тулубахов. Послышалась его злобная брань на монгольском языке.

Это подействовало. Над камнями начали приподниматься чуть-чуть шапки и лбы.

— Вот это другое дело! — обрадовался мичман и дал короткую очередь.

Пули ударились в камень ниже головы чахара, и голова испуганно спряталась. Мичман шепотом выругался и быстро выстрелил по другой голове, поднявшейся над камнем. Чахар привскочил и упал, свесившись с камня.

— Еще хотите? Подходи! — крикнул Птуха.

Выстрелы противника смолкли. Братчики поняли, что игра складывается не в их пользу. Стрелять вверх им было трудно, неудобно. Верхняя галерея не освещалась, а они были на свету. Они молчали долго, чего-то выжидая.

— Подтягиваются главные силы, — догадался мичман. — Сейчас увидим факира Шаро-Вары.

И Колдунов вышел, медленно шупая полутьму подземелья длинным вороненым стволом, с раструбом искрогасителя на конце. Его лицо, бледно-серое, с потухшими глазами, было мертвым, неподвижным — он только что накурился опиума. Колдунов с силой вбил в пол пулеметные сошки, лег, и пулемет задрожал в его руках от бешеной злобы. Он запустил на весь диск.

— Всем бить по Колдунову! — крикнул капитан.

Три автомата застучали разом. Маленькие фонтанчики каменных брызг, выбитые пулями, взметнулись перед пулеметом, с боков и на каменной стене сзади Колдунова.

— Но пасаран, сволочи! Не пройдет! — кричал Птуха, чувствуя, как мстительный восторг одолевает его.

И пулемет смолк. Колдунов вскочил и шмыгнул куда-то в темноту.

— Не нравится? — злорадно засмеялся Птуха. — Сапоги собакам шить из таких вояк!

Прячась в темноте, Колдунов крикнул что-то по-монгольски. Никто из его соратников не шевельнулся. Он крикнул снова, громче, злее. А поручик, судя по звуку, ударил автоматом оставшегося в живых чахара. Тот взвизгнул злобно и только после второго удара пополз к горевшему на полу факелу. Понятно стало, что Колдунов приказал погасить факел. Чахар дополз до ярко горевших свечей и чуть приподнялся, потянувшись к факелу. В тот же миг ударили три автомата. Чахар повалился на бок, поджал к животу колени и затих навсегда. Но упал он на факел.

Стало темно и тихо. Звонко булькали где-то капли, да чихал Женька. Его горло царапал кислый и горький запах сгоревшего пороха.

— Эй, вы, кидайте свои машинки. Пустой номер тащите! — крикнул весело мичман.

Ему не ответили, но послышалось внизу перешептывание и шорох. Капитан послушал, подождал и шепнул мичману:

— Федор Тарасович, зажигайте свечу.

— А они из темноты по свету!

— Но ведь должны мы видеть, что они будут делать. В темноте сбежать могут. Колдунова упустим.

— В темноте они могут и в церковный подвал пробраться, — тревожно сказал Косаговский.

Но свечу зажигать не понадобилось. Свет проник в галерею с неожиданной стороны, оттуда, где был церковный подвал. Капитан вскрикнул. В галерею вошел Митьша Кудреванко. Он нес перед собой в вытянутых руках колодку сорокоустой свечи. Пламя освещало его спокойное лицо, неулыбчивые глаза и курносый нос-двустволку. Не спеша, осторожно, чтобы не погасить, поставил он свечу на высокий камень и попятился к обвалу из камней и песка. Но спрятаться за обвал не успел. Застучали длинными очередями два автомата и ручной пулемет. Митьша медленно повернулся и упал. С головы его свалилась вислоухая шапка. Птуха сорвался с верхней галереи, подбежал к Митьше и обнял его, закрыв собою от вражеских пуль. Капитан и летчик открыли огонь по братчикам, а те, к счастью для Птухи, сосредоточили огонь на Митьшиной свече.

Им нужна была спасительная темнота. И пули их сбили свечу. Она погасла. В темноте послышались быстрые убегающие шаги.

— Уходят! — крикнул Ратных, полез в темноте вниз, сорвался, упал и выругался. Потом зачиркал кресалом и зажег свечу.

Братчиков не было. Птуха стоял, прижав к груди окровавленного Митьшу, и повторял жалобно:

— Вот что наделали, гады!.. Вот что наделали!..

— Несите его в подвал. перевязать надо! — крикнул сердито капитан. — Обмякли, как баба!

— Ребенок же, — горько сказал мичман и пошел в темноту.

— Виктор Дмитриевич, а мы с вами в погоню. Пошли!

Ответить Виктор не успел. Рядом раздался болезненный визг. Это Женька, забытый наверху, спрыгнул неудачно и ушибся.

— Женька! Ты-то нам и нужен, — обрадовался капитан. Он схватил оброненную Колдуновым кепку и сунул ее к носу собаки. — Нюхай! След!

Женька обнюхал кепку и повел уверенно, не отрывая носа от земли. Капитан и летчик шли за ним со свечами.

В глубине темных коридоров раскатился вдруг бешеный крик злобы и отчаяния. Его оборвали pistolетные выстрелы, три, один за другим. Им ответила автоматная очередь.

— Передрались! — остановившись, сказал капитан. — Князь решил вывести Колдунова из игры. — И закричал умоляюще: — Женька, милый, скорее! Бегом!

Женька понял, что надо торопиться. Он побежал, уверенно поворачивая на разветвлениях. В длинном коридоре пес рванулся в боковой ход и пропал в нем. Ратных и Косаговский, пригнувшись, полезли вслед за собакой в каменную дыру.

Колдунов стоял в каменном тупике у стены. Оскален-

ный, с дикими, налитыми кровью глазами, он рычал осви-репевшим волком.

Князь Тулубахов и Остафий, любимец Колдунова, предали его. Они загнали его в каменный тупик. Пусть советские разделяются с их атаманом, а они за это время успеют далеко уйти.

Едва капитан и летчик распрямили спины под сводами пещеры, Колдунов выстрелил из пистолета. Но в темноте промахнулся.

— Ну погоди, язви тебя! — с холодным бешенством выкрикнул капитан и шепнул Виктору: — Держите его под огнем, положите и не давайте вставать.

Косаговский провел веером пуль над головой Колдунова, и тот пригнулся, потом пропал, лег. Ратных сунул свою свечу в каменную щель и пополз. Колдунова он увидел неожиданно. Братчик сидел за камнем, прижавшись к стене. Оба вскочили одновременно. Теперь решало, кто выстрелит первым. Первым нажал курок братчик. Но пуля его ушла в потолок. На руке Колдунова, вцепившись в нее клыками, повис Женька. Капитан выбил стволом автомата пистолет из рук братчика и ногой отбросил назад.

— Фу, фу! — приказал Косаговский псу. — Назад!

Пес выпустил руку Колдунова и подбежал к летчику.

— Дорогая ты моя псина, — погладил Виктор собаку. — Цены тебе нет!

А Женька, беззаветно преданный и храбрый, сидел столбиком, весело скалясь и виляя хвостом.

— Вы были правы, господин императорский полковник, — поднял капитан на Колдунова беспощадные глаза. — Игра наша затянута. А вот и конец. Ставок больше нет. Игра окончена!

Колдунов, опустив голову, мелко дрожал всем телом. И вдруг закричал на одной страшной ноте, высокой и хриплой, закричал последнее:

— Проклятые!.. Ненавижу вас!.. Ненавижу!..

Он рванул ворот своей черной косоворотки и впился в него зубами. Капитан кинулся к братчику, но опоздал. Колдунов судорожно всхлипнул и упал, как сбитый пулей. Лицо его начало быстро синеть.

— Японское снадобье. Действие моментальное, — тихо сказал капитан.

Колдунов лежал, оскалив зубы, особенно белые на синем лице. Блестела золотая коронка.

— Невенчанный царь новокитежский! — сказал летчик, глядя на труп. — Монте-Кристо двадцатого века! Убийца, вор, шпион, предатель родины! Всю жизнь вилял, путал следы, искал темные углы, менял хозяев и вот уперся в погибельный тупик!

Превозмогая отвращение, капитан обыскал труп. Под пиджаком и косовороткой у Колдунова была поддета тонкая стальная кольчуга. Но нашел он только мешочек с платиной.

— Приготовился на пенсию выходить, — угрюмо усмехнулся Ратных. И отчаянно махнул рукой. — А карты Прорвы нет! Отняли у него те двое, чтобы мы в мир не вышли.

Гранитной пластинки у Колдунова тоже не было. Ее тоже отняли у атамана поручик и Остафий.

Обратно в церковный подвал их привел Женька.

4

Митьша умирал. Дыхание было знойным, прерывистым и хриплым. При каждом вздохе на губах его лопались кровавые пузырьки. Лицо его стало маленьким и узким, слиняли крупные веснушки, пропали смешные ямочки на щеках.

— Зачем выпустили его отсюда? — спросил шепотом

капитан и осуждающе вздохнул. — Не могли с пацаном справиться.

— Не заметили мы, как он убежал, — ответил Истома.

— А я подумала, что вы его позвали, — добавила Анфиса. — Вижу, свечу взял.

— Я хотел с ним бежать, Анфиса схватила меня и не пустила, — прошептал Сережа, бледный, помертвевший от горя. Его ресницы слиплись от беспрестанно лившихся слез.

Внезапно, чем-то напуганный, он подбежал к столу, на котором лежал его друг, и закричал высоким, рыдающим голосом:

— Митьша, ты не умирай!.. Слышишь, не умирай. пожалуйста! А то и я с тобой умру!

Митьша улыбнулся и закивал головой часто и виновато: прости, мол, Серьга, умираю...

А Сережа кричал не переставая, кричал отчаянно, жалобно, тоненько, будто Митьша уходил далеко-далеко:

— Митьша, не надо!.. Не надо... не надо!..

Он припал лицом к лицу Митьши и вдруг понял, до конца потрясенно понял, что умер Митьша, его милый, верный друг.

Виктор взял Сережу за руку, посадил рядом с собой на скамью и крепко обнял. Сережа судорожно вздрагивал плечами, рыдал, уткнувшись в грудь брата.

— Сначала отец, потом и сын. Конец корню кудреванковскому, — прошептал бледный как мел Истома.

Капитан сморщился, будто проглотил что-то с трудом, и поднялся наверх, в церковь. Он выбежал на улицу, в тайгу, принялся бешено стаскивать в кучу сухой валежник и поджег его.

Здесь и нашли его Косаговский и Птуха, тоже поднимающиеся наверх. Здесь же было решено немедленно двинуться в город, чтобы ночь не застала их в тайге.

Глава 9
«ГОВОРИТ МОСКВА!»

...Весть ворвалась, что мира нет
отныне,
Что мирная окончилась пора.
Зовя нас в бой за русские святыни,
Нам битву возвестили рупора.
Вадим Шефнер, «Два года»

1

Детинец был забит посадскими. Снова попрятались, за-
таились верховники и уцелевшие стрельцы. К мирским
бросились толпой, окружили, радостно закричали, хлопа-
ли по плечам, по спине. Будимир кинулся обнимать капи-
тана.

— Степанушка, сокол ясный! Словно из-под земли по-
явился, хлебна муха!

— Угадал. Из-под земли и появились.

— Не говори, знаем. Дверь в подныр мы нашли, а под
землю не пошли. Заблудиться побоялись.

— Из подныра никто не выходил?

— Вышли трое. Один мирской незнакомый, а два зна-
комца наших: Остафий и поп Савва.

— Где они? — подскочил к Повале мичман.

— Такого стрекача задали! Остафий так спешил, что
и шапочку свою атласную оставил. В тайгу утекли, не ина-
че.

— Поп Савва предал нас, — сказал капитан. — Натра-
вил на нас братчиков под землей. Двери им открыл.

— Найдем! Я уже послал в тайгу лесомык, — заверил
его Волкорез.

— А когда вы Детинец снова захватили?

— Ночью. Вас шли выручать. Знали мы, что в соборе вы безвыходно засели. Перед этим всем посадом Кузнецким щиты железные ковали, против скоропалительных мирских пищалей. В соборе они стоят. Поди посмотри. Чаю, не просадят их пули из мирских пищалей, — с гордостью закончил Будимир.

Хотел капитан сказать, что жестяные эти щиты винтовочные и пулеметные пули без труда просадят, но вообразил, как весь Кузнецкий посад гремел тяжелыми ударами молотов, как хрипло, с насадой дыша, то и дело прикладываясь запаленно к ведру с водой, ладили кузнецы спасительные щиты, чтобы идти под их защитой на выручку мирских друзей, и сказал уверенно:

— Какой разговор! Ясно, не просадят! — И добавил растроганно: — Спасибо вам, друзья. Не бросили нас в беде.

— За что благодаришь, хлебна муха? Во второй раз мы Детинец голыми руками взяли. Навалились всей силушкой, а Детинец пустой. Защитники его или разбежались, или под перины попрятались...

2

Капитан приказал отправить подводы к «Николе на бугре», привезти оттуда оружие и канистры с бензином. А затем началась перетряска Детинца. Верховников и десяток уцелевших стрельцов заперли в Пыточную башню. Искали и платину, свозимую с присков в Детинец, но не нашли. Верховники хитро ее спрятали, придется поговорить с ними. Нашли и Нимфодору.

Старица, всеми брошенная, возлежала в своем гробу, вдребезги пьяная, и орала молитвы. Около гроба, под рукой, стояла бутылка ликера.

Сунувшегося к ней посадского она огрела подсвечником и обругала совсем не божественными словами.

К вечеру капитан собрал на совет всех вожаков Ново-Китежа. Пришла на совет и Дарёнка. Она сидела рядом с Птухой.

Собрались вожаки в посадничьих хоромах, в комнате Колдунова, а задолго до собрания пробрались сюда Сережа, Юрятка и Тишата. Они крутились около колдуновской рации. Убегая, Колдунов растоптал в лепешку передатчик (поэтому Ратных не смог передать на Большую землю сообещание о новокитежских событиях), но приемник в спешке повредил не серьезно, лишь порвал кое-где провода. Орудую своим чудо-ножом, Сережа принялся за ремонт приемника, подвинчивал, зачищал, сращивал.

Начался совет сообщением капитана Ратных о том, что карта Прорвы не найдена. Новокитежане притихли и помрачнели.

Опять померкла мечта о выходе в мир, на родную Русь. Заметив это, капитан поднялся с лавки.

— Унывать не будем, недостойно это людей храбрых и решительных! Железная птица нашего друга Виктора, — указал он на летчика, — теперь может летать. Отправим в мир послов. Из нас кто-нибудь полетит и от Ново-Китежа люди полетят. Попросим помощь. Пришлют сюда топографов, геологов, воздушной разведкой найдут тропы через Прорву. И уйдете вы в мир, о чем годами мечтали.

— После твоих слов, Степан, опять вольнее дышать стало, — улыбнулся радостно Будимир. — Ладьтесь в путь, спасены души, — посмотрел он на новокитежан. — Толокно толките, сухари сушите, мясо солите, рыбу коптите. Верю я Степанову слову!

— Но прежде нам потрудиться дружно придется, — продолжал Ратных. — Мирская железная птица перед

взлетом должна разбежаться. Видали, как птицы небесные, перед тем как крыльями взмахнуть, разбегаются по земле? И для нашей птицы расчистить дорожку нужно. Много там работы! Тайгу валить и корчевать, целые скалы дробить и вытаскивать, землю ровнять. Одной неделей и одной сотней работников не управиться.

— Все в наших руках! — сказал бодро Некрас Лапша. — На трижды проклятый Ободранный Ложок ходили на огульные работы. А теперь огульная работа — истинно богова работа будет.

— Долгая это песня, — вздохнул Косаговский. — За месяц едва управимся.

— Другого выхода не вижу, — ответил капитан.

К этому моменту Сережа закончил ремонт приемника. Повернул ручку настройки. Раздался щелчок, медленно начал разгораться зеленый глазок индикатора. Юрятка и Тишата оробело попятнулись, с суеверным страхом глядя на раскрывающийся зеленый «глаз». Сережа медленно поворачивал ручку. Послышались неясные шумы, хрипы, и вдруг вырвался человеческий голос. Что-то кричал японский диктор, но его заглушил кабацкий фокстрот из Харбина, такой нелепый здесь, в средневековом городе. И сразу все заглушил поросячий визг, щелканье, дробь морзянки, скрежет, рев. Юрятка и Тишата опрометью бросились к дверям. Поднялись со скамей и взрослые, посадские вожаки, не спуская глаз с говорящего, играющего, визжащего поросенком ящика.

Они вздрагивали от каждого звука, но не убежали. Негоже с мальчишек пример брать.

А у Сережи дело опять наладилось. Он поймал какую-то станцию. Далекий, очень печальный женский голос тихо брел над землей, над тайгой и забрел в древний Ново-Китеж. Затаив дыхание слушали посадские далекую, грустную песню на незнакомом языке. И вдруг — это было так

неожиданно и радостно, что вздрогнули все, и новокитежане и мирские, — вдруг в песню ворвался русский голос. Спокойно, деловито рассказал он о рыбаках Посьета, перевыполнивших план второго квартала, о новосибирских геологах, открывших мощное месторождение железа, и о свердловских металлургах, увеличивших выпуск стального проката.

Ратных, Косаговский и Птуха переглянулись, счастливо улыбаясь. С волнением слушали они привычные слова о трудах родной страны.

Голос диктора, словно колеблемый ветром, то поднимался, то затихал и неожиданно пропал. Сережа, лоя заглохшую волну, повернул ручку настройки, и снова появился русский голос, но другой, глубокий бархатный баритон:

«Говорит Москва! От Советского Информбюро...»

Сережа прибавил громкость, и четко, медленно, торжественно зазвучали слова:

«В течение вчерашнего дня наши войска вели ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами гитлеровцев...»

Капитан вскочил, грохнув отброшенным табуретом, Косаговский, опираясь ладонями о стол, хотел подняться, но остался сидеть, тяжело и часто задышав. Мичман вскинул руки, сжатые в кулаки, и медленно опустил их на стол. Посадские с испугом и удивлением смотрели на мирских. А торжественный голос продолжал:

«После упорных тяжелых боев наши войска вынуждены были отойти к Минску. На Северном фронте гитлеровцы прорвались на дальние подступы к Ленинграду».

— Какой Минск? — растерянно, непонимающе спросил Птуха.

— Один у нас Минск — столица Белоруссии! — со скорбной яростью крикнул летчик.

- — Тише, ради бога! Не мешайте, — умоляюще сказал капитан.

Но передача уже кончилась. Торжественно и печально прозвучали последние слова:

«Вечная память героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей... родины!»

И сразу зазвучала незнакомая, неслышанная песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война...

— Товарищи! Братья! — повернулся капитан к новоки-тежанам. — На нашу родину, на мать-Россию, напал жестокий враг!

3

Капитан сел на поднятый табурет. Он помолчал, чувствуя ледяной, колющий озноб на щеках, от которого стянуло кожу на скулах.

— Наше место на фронте! — твердо, убежденно заговорил Виктор. — Там решается судьба нашей родины. Немедленно на фронт!

Он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, поднял голову и увидел Анфису. Она только что вошла, остановилась в дверях и, стиснув побелевшие губы, смотрела на Виктора. Она услышала его слова, медленно повернулась и ушла.

Летчик посмотрел жалобно ей вслед, но остался на месте.

— На фронт идете? Приветствую! И моя душа уже там, — строго и сурово сказал мичман. — А у меня другой вариант. Я остаюсь здесь. Слышали? — Птуха сказал это

с вызовом и даже встал. — Осуждать будете? Ха, хвост поджал, гроза морей? А это вы видели? — поднял он левую руку. — Двух пальцев недочет. На фронт меня не возьмут. А выдавать подштанники и тельняшки в баталерке — мне это надо? — Певучий, ласковый одесский говорок мичмана стал строгим и твердым. — А они как? — кивнул он на новокитежан. — Они же как дети, как котята слепые. Они в веках заблудились. И не до конца разминировали мы Ново-Китеж. Бродят еще здесь два лютых волка — братчик, князь недобитый, и Остафий Сабур, тварь поганая. А поп Савва? Тоже их поддужный! Эта тройка много зла может натворить. Где они сейчас прячутся? Что делать думают? Не в лапту же с посадскими играть. А я посадских из карабинов, автоматов и пулеметов научу стрелять. Дадим прикурить жлобам! И полный порядок на палубе! Будем спокойненько ждать помощи от Советской власти. Тогда я и сдам новокитежских братишек из рук в руки Советской власти. — Мичман помолчал и неожиданно сел. — Все! Ваше слово, товарищи.

Капитан встал, обошел стол и, подойдя к Птухе, крепко пожал ему руку.

— Спасибо, мичман! А учить посадских стрелять из автоматов мы вместе будем. Моя душа уже там, где защищают нашу родину, но не скоро мы туда попадем. Долгая песня, как сказал Виктор Дмитриевич.

— И у меня душа там! Не будет долгой песни, Степан Васильевич. Взлетим без корчевки. У меня мысль появилась... — Виктор застенчиво улыбнулся. — Старые летчики, воздушные волки, говорят: «Главное сесть, а подняться всегда сумеем!» Рискованно, правда...

— Я тоже за риск, — поднялся капитан. — Тогда все решено. Тогда принимай, Будимир, атаманство!

Ратных снял с себя саблю старицы Анны и протянул ее через стол Повале.

Глава 10

РОССТАНЬ

Ты готов?

Я готов.

Отныне

Новый труд ожидает нас...

Э. Багрицкий, «Лето»

1

Мирские уходили рано утром.

Канистры с бензином положили на волокуши — упругие шесты, скрепленные поперечиной и привязанные к хомутам. Только волокуши и пройдут по таежному бездорожью, в болоте не загрузнут, в чапыжнике не зацепятся, меж стволами не засгрянут. Взяты были в дорогу и автоматы.

Провожал их весь город. Они стояли, окруженные посадскими, с лицами, распухшими от укусов гнуса, обородатевшие. Стояли, не отводя глаз от изнуренных лиц новокитежан, и глотали горькую почему-то слюну.

Капитан снял фуражку и сказал дрогнувшим голосом:
— Ну, простимся, братцы!

Целовались неумело, по-мужски, тискали руки, вытирали рукавом глаза. Прощался и Сережа с ребятами. Держался он твердо, только лицо кривилось. Юряте он подарил свой чудо-нож, а всем другим ребятам — по горсти стреляных автоматных гильз. На городской заставе, когда ребята уже остановились, он вдруг вспомнил и закричал:

— Ребята, вы Вукола в полузащите попробуйте! Слышите? А Завида на левый край поставьте. Обязательно! Слышите?

На заставе простился и Виктор с Анфисой. Опять, как

на качелях Ярилина поля, разверзлась перед Анфисой гибельная бездна, но твердо было ее мокрое от слез лицо. Виктор взял в ладони ее холодные, бессильные руки.

— Не зову я тебя сейчас идти со мной. Впереди у нас будет новая разлука. Я на войну уйду. Не забывай меня и клятвы нашей не забывай.

Она прижала руки к горлу жестом беспомощным, обреченным и сказала с беспросветной горечью:

— Справлюсь ли я с сердцем своим, не засушит ли меня тоска по тебе, любимый мой?.. Сердце щемит. Встречусь ли снова с тобой?

Любовь, нежность, тоска сжали горло Виктора. Он привлек ее к себе и стал целовать ее обмякшие губы, шелковистые брови, мягкие ресницы. Она молчала на его груди, даже дыхания не было слышно, и простилась с ним легким прикосновением губ к его лбу, не обнимая. И отошла. Тотчас обняла ее нежно Дарёнка.

— Не кручинься, государыня Анфиса. Судьба разлучает, судьба и прилучает. Так-то!

Анфиса покачала безнадежно головой. Она не верила, не надеялась.

За последними домами Рыбного посада провожавшие отстали. В тайгу с мирскими шел Пуд Волкорез — указывать дорогу, Некрас Лапша — менять лошадей в таежных деревнях, а еще Истома и Птуха. Юноша летел на Русь вместе с мирскими: много раз просил он об этом капитана, а мичман заявил, что он только тогда спокоен будет, когда увидит, что «Антошка» взлетел благополучно.

На сопке, редко поросшей сосной, остановились и в последний раз оглянулись на град невидимый, богоспасаемый. Он лежал внизу веселый, залитый солнцем, нарядный и, скрывая нищету свою и убожество, слал уходящим последнюю улыбку. Бледным золотом сияла чья-то крыша из новой соломы, кичливо червонным золотом сверкал верх по-

садничьих хором, нежно голубел купол собора и переливался под солнцем Светлояр. Только обугленные, с сорванными воротами стены Детинца да реденький дымок все еще чадивших остатков домов верховников и стрельцов напоминали о грозных бунташных днях, промчавшихся по древнему городу.

2

В тайге было чисто, свежо. Ветер продувал ее насквозь. Шли по каляно шуршавшим под ногой прошлогодним листьям, по сочным, стоявшим торчком молодым травам.

Лишь Волкорез шел без шума, будто и не было у него под ногами ни сухих листьев, ни сучьев. Женька снова шарил по кустам, бросался на дразнящие звериные запахи, и глаза его горели охотничьей яростью. Сережа был весел и счастлив. Домой идем, на Забайкальскую улицу! И не надо ему отводить обеими руками упрямо лезущие в лицо сучья или нащупывать неверной ногой скользкий полусгнивший валежник. Спасибо Волкорезу — освободил Сережу от этой муки, посадил верхом на лошадь, тащившую волокушу с бензином.

Но грустен был Виктор. Чувство невозвратимой утраты и какой-то непоправимой жизненной несправедливости теснили его сердце. Он думал об Анфисе.

На ночь отаборились у звонкого ручья. Лапша убежал в деревню за сменными лошадьми. Здесь, когда начало темнеть, и заметили они пожар в той стороне, откуда шли. Там стояли в небе тучи, они то багровели зловеще, то светились недобрым желтым отсветом.

Спали ночью плохо, беспокойно. То один, то другой вставал и смотрел в сторону пожара. А утром заспешили. Лапша пригнал лошадей больше, чем нужно было для волокуши, и люди могли ехать верхами. Теперь, где можно

было, пускали лошадей рысью. И на рыси Некрас, то и дело оглядывавшийся, вдруг остановил лошадь и закричал пропаше:

— Спасены души, это Ново-Китеж горит! Он горит, родимый!

Все обернулись. В стороне города в небе встала стена густого дыма.

— В Детинце тлело, а ветерок раздул и на город перекинулось. Божье наказание! — перекрестился Волкорез.

— Я еду назад! — Мичман круто повернул лошадь. — Товарищ капитан, Виктор Дмитриевич, Сережа, до скорой встречи!

Он хлестнул лошадь и помчался не оглядываясь.

— И куда поскакал, оглашенный! Заблудится, — покачал головой Волкорез. — Некрас, езжай с ним. Найдешь в город дорогу?

Лапша полез пятерней в затылок:

— А чо не найти? Найдем.

— Езжай! — приказал охотник.

Лапша повернул было лошадь, но Истома остановил его.

— Погоди чуть, дядя Некрас. — Юноша соскочил с лошади и подошел к мирским. — Говорил я вам не раз, что стремлюсь в мир, яко олень на потоки водные. Мечтание имел, не мешкая, с вами в мир уйти. А душа приказала: останься!.. Ты плохо не думай, Виктор, — шагнул он к Косаговскому. — Ей одной тяжело будет. Людей злых в Ново-Китеже немало осталось. И загорелся город божьим ли попусением, а может быть, и злым умыслом. Новые мученья и страхи. А я хоть малой защитой ей буду. Потому и вернусь в город. Веришь мне? — положил он руку на колено Виктора.

Летчик нагнулся с седла и, обняв юношу, долго не отпускал его, затем крепко поцеловал.

— А ты, Степан, мне дороже брата был, — подошел Истома к капитану. — На многое доброе ты глаза мне открыл, темноту нашу светлил. Крестами бы я с тобой поменялся, побратимами мы стали бы, да не носишь ты креста. Так вот тебе память обо мне.

Он вытащил из кармана большой пятак, из мира вывезенный, с двуглавым орлом под короной, разрубил его топором пополам и половину монеты протянул капитану.

— Как взглянешь на сю половинку, меня вспоминай. Прощай, друг!

— И ты, Истома, не забывай друзей. Не так уж много их на свете. — Ратных протянул юноше руку. — А я тебе «прощай» не говорю, говорю — «до встречи»!

— Увижу ли я мир? Не верю что-то, — с печальным сомнением ответил Истома. Обняв Сережу обеими руками, притянул к себе, поцеловал в губы и в глаза. — Прощай и ты, головка светлая и сердечко соколиное!

Он вскочил на лошадь и с места послал ее намётом. Лапша припустился за ним, болтая на скаку локтями.

Мирские долго смотрели им вслед. Смотрел и Женька, задумчиво склонив набок голову и подняв переднюю лапу. Он не мог понять, почему расстались такие хорошие люди.

Глава 11

ВЗЛЕТ

Полный газ! Ревут моторы.

М. Светлов, «Песня летчицы»

1

Озеро Чапаева открылось неожиданно. Деревья кончились, и вдруг сразу, как взрыв, ударил в глаза яростный

оранжево-красный закат. Два заката! Один в небе над тайгой, второй — в озере.

— Ух ты, до чего ж красиво! — воскликнул Сережа.

И тут же он вспомнил, что пришло время прощаться с тайгой. Стало так грустно, что даже в сердце вступило. Полна тайга угрюмой дикости, а все же прекрасна она неукротимой, мощной красотой. Но тут же он вспомнил свою Забайкальскую, вообразил, как пройдет по ее асфальту и будет переходить с одной стороны на другую, чтобы почувствовать, какая она широкая и ровная.

Дождались рассвета и начали осмотр самолета. Стоянка в тайге не повредила «Антону». Это выяснилось, когда сбросили с него маскировку, сняли чехлы и опробовали моторы.

— Ни на что не жалуется. Вполне здоров! — обрадовался летчик.

Дружным авралом развернули «Антон» в сторону полета, носом к пропасти, и летчик медленно пошел от пропеллера к краю обрыва, шагами вымеряя длину взлетной площадки. Капитан с сомнением смотрел на Косаговского. А Виктор шел прямой, спокойный, упорный.

— Сколько нужно для взлета? — спросил Ратных, когда Косаговский остановился у края пропасти.

— Не менее ста пятидесяти метров.

— А здесь?

— Здесь меньше.

Летчик поднял большой камень, бросил вниз и зашептал, считая секунды.

— Хорошая пропастина, — довольно сказал он. — Глубина — верный километр.

— Виктор Дмитриевич, я все-таки не понимаю: как вы думаете взлететь? — спросил Ратных.

— Думаю разогнать мотор до нужной скорости и па-

дать в пропасть с работающим мотором. В падении набрать высоту. Все очень просто!

— Действительно, все очень просто! — развел капитан руками. — Легко сказать — набрать нужную скорость. На этой кургузой дорожке?

— Слушайте, капитан, — вдруг разозлился лётчик. — Я вас не узнаю. Что вы предлагаете? Идите в самолет и занимайте места.

Капитан решительно и сердито встал.

— Ладно. Пусть будет так. Сережа, прощайся с Волкорезом.

2

Капитан сел на жесткую металлическую скамейку и для чего-то крепко прижал к себе Сережу. Будто он сможет чем-то помочь мальчику, если...

Виктор дал газ, и самолет двинулся. За бортом пронеслось перепуганное лицо Волкореза. Лётчик дал полный газ. «Антошка» поднял хвост, но не взлетел — бежал, увеличивая скорость. Виден обрыв в пропасть, а скорость — сто. Мало! Мало!

Колеса перестали прыгать по земле. Обрыв! Скорее ручку на себя! Ну же, ручку на себя!.. Не смей, не трогай ручку! Без нужной скорости самолет скользнет на крыло, и тогда конец!

Самолет падал в пропасть. На висках у Виктора выступил пот. Сережа закрыл глаза и прижался лицом к груди капитана. Женька припал к ногам своего хозяина, сунул нос меж его колен: защищай в случае чего! Ты все можешь!

Самолет вдруг оперся на воздух и прекратил падение. Виктор взглянул на приборы. Скорость сто десять... сто двадцать. Альтиметр лезет все выше и выше. Теперь ручку

управления на себя! Самолет взвыл, встал дыбом и полез вверх.

Виктор вытер пот на висках. Капитан отвел лицо мальчика от своей груди:

— Посмотри вниз, Сережа. Простись с новокитежской землей.

Внизу переливался на солнце водопад, серебряной змейкой извивалась река Сердитая, голубой тарелкой лежало озеро. А около обрыва в пропасть стоял Волкорез, раскинув руки, запрокинув голову. Сереже показалось, что он видит его широко раскрытый от удивления рот и выпученные от ужаса глаза.

Радостный холодок опохнул душу мальчика. Скоро будем дома! Вот удивятся ребята, когда он будет рассказывать им о своих необыкновенных приключениях! Путешествие в семнадцатый век! Надо же!.. Нет, не поверят.

3

Сделав над озером прощальный круг, Виктор повел самолет к черной дымовой стене, стоявшей над тайгой. Расстояние, которое они прошагали по тайге за три дня, сейчас пролетели меньше чем за час.

Вот он, Ново-Китеж! Сплошное море огня и черные, выгоревшие пепелища, где нечему уже было гореть. Дым пожара, спокойный, тяжелый, наклонился, будто смотрел угрюмо вниз, на гибель богоспасаемого города. Горела и тайга вокруг города, а от пожара уходили толпы людей, нагруженные телеги, скот, сбитый в огромные стада. Среди мужицких телег видны были рыдваны верховников, запряженные тройками и четвернями. Может быть, и старица Нимфодора в одном из этих рыдванов едет.

«С разрешения Будимира начался, видимо, этот ис-

ход, — подумал капитан. — И он прав, новый атаман. От огня нужно бежать. А мичман вернется, пожалуй, к пустому пепелищу. Найдут ли они друг друга, Будимир и Федор? — Капитан оглянулся еще раз на горящий город и горящую тайгу, на людское скопище, валившее рядом с перегруженными телегами. — Кочевая орда! Новый исход! Снова утеклцами стали новокитежане!..»

Самолет резко пошел вверх и, рыча мотором, на полном газу стремительно помчался прочь от горящего города.

На последних литрах горячего Виктор пролетел над домом лесничего, на крыше которого виднелся белый крест — знак для самолетов лесной авиации. Рядом был небольшой аэродром. Виктор сбросил газ и пошел на посадку.

Глава 12

И СНОВА ТУШИНСКИЙ АЭРОДРОМ

Воспоминанья, только их затронь,
Проходят бесконечной чередой...

Евг. Долматовский, «Огонь»

1

Авиационный праздник закончился воздушным десантом. Небо над аэродромом запестрело цветными парашютами. Они медленно гасли на земле, будто увядали огромные цветы.

Зрители потянулись к выходу. С аэродрома видно было, как поползли густо по шоссе к Москве автомобили, мотоциклы, велосипеды и вереницы пешеходов. Ратных, сидя на поросшем травой ровике, смотрел бездумно на прохо-

дящих мимо людей и на Москву, колебавшуюся вдали в струях жаркого воздуха. И если бы Птуха, издали увидевший Ратных, не протолкался к нему через толпу, генерал не заметил бы мичмана.

Ратных медленно встал и начал недоверчиво разглядывать Птуху. Да, это он, мичман! Вот он улыбнулся, и собрались под глазами и на висках хитренькие и добрые морщинки. Его улыбка! И китель все такой же, с нарукавным знаком, и мичманка такая же, с тупым нахимовским козырьком, как-то очень лихо надвинутая на бровь. И все тот же флотский шик. Он, непромокаемый одессит, крепкое, веселое, забубенное племя!

— Мичман, скиталец морей, альбатрос, язви тебя! — кричал генерал так, что проходившие люди обернулись. — Я тебя ищу, я тебя ищу! Ты ехал в «виллисе», измазанном мазутом?

Мичман молодцевато козырнул, не сгибая ладонь и высоко подняв локоть.

— Так точно! Было такое дело.

— Я тебя сразу узнал. По твоим цыганским глазам. Орал тебе, черту!

И только тогда они начали обниматься, растроганно улыбаться и несвязно мычать, потому что захватило дух.

— Пообмяло вас времечко, товарищ капитан... Извините, товарищ гвардии генерал-майор! — чуть отступив и любовно оглядывая Ратных, покачал головой Птуха. — Ох, обмяло, чтоб вы знали. Кошмар!

— А тебя, думаешь, не обмяло? Извини, на «ты» буду тебя называть. Вышел, значит, из Ново-Китежа? С кем? Кого вывел?.. погоди. Давай сюда. Садись! — подтащил генерал Птуху к ровику и усадил. — Теперь рассказывай. С начала рассказывай! Ну, пришел ты в Ново-Китеж, а дальше как дело было?..

— Досталось мне под завязку! Такая морока на мою голову свалилась. Кошмар! Не надо мне было уходить из города, — горестно покачал головой мичман. — Я с вами по тайге два дня шел, и обратно мы с Истомой и Лапшой три дня шли. Некрас, бес ему под ребро, заблудился. А пришли — нет Ново-Китежа! Амба богоспасаемому граду. Только ветер головни по жару кидает. На улицах темно, как в сумерки, от дыма и поднятого ветром пепла. Солнца не видно. И пустой город!

— Совсем пустой? Ни души?

— Ни одного живого человека мы не нашли. Бегали мы с Некрасом по всем посадам — нет людей! Ни молодых, ни старых, ни детей. Пусто!

— Постой! Мы с самолета видели в тайге людей, подводы, скот...

— Людей в тайге видели? В этом вся суть! Однако слушайте по порядку. Как пришли мы в город, Истома сразу побежал Анфису искать. И больше я его не видел. Пропал и Некрас Лапша. Остался я один. Пошел по городу. Ни единой души! Даже собаки не лаяли. Только огонь дерево грызет. Побежал я в Детинец, а Детинца нет. Все сгорело — и хоромы посадника, и собор, и хаты верховников и стрельцов... И стены, и башни. Нашел я в Детинце наших друзей, Будимира и других.

— Нашел? — радостно закричал генерал.

— Мертвых, убитых! — крикнул надрывно, одним выдохом мичман. — Будимир, старосты посадов, кузнецы — все навалом лежали на том месте, где стрелецкая оружейная изба была. В ней, помните, Будимир сложил оружие, что из церковного подвала привезли. Они защищали то оружие, а их из автоматов в упор расстреливали. И Мишаньку Безмена я там нашел. Саблями изрублен. Видно,

отчаянно дрался. И Псой Вышата, друзяка мой, лежал там. Его живьем захватили и голову ему оттапали. Положили голову, как на плаху, на обод тележного колеса и по шее топором! Настоящие фашисты! А оружие они увезли...

Птуха вдруг крепко вlepил себе в лоб кулаком, вскочил и забегал перед ровиком.

— Что б мне, дураку, перед вашим уходом из города, ночью, хоть немного обучить посадских парней стрельбе из автоматов! И надо мне было уходить из города вас провожать! С боевого поста сбежал, камбала. Горло надо рвать за такое!

— Брось бегать, мичман, садись! — остановил его генерал.

— Есть! — Птуха сел снова на ровик и крепко потер ладонью лоб. — Ладно! Теперь поздно куплеты петь. Слушайте дальше.

— Скажи, ты не встретил в городе Волкореза? Он проводил нас до озера и ушел обратно в Ново-Китеж.

— Не видел я Волкореза. А нашел я в городе одну живую душу. Не угадаете кого. Юрятю, Серезиноного друга. Хлопчик прятался в кустах на берегу Светлояра. Сам ко мне выбежал. Он мне и рассказал, как все дело было.

— А как оно было?

— Очень просто было. Ушли мы из Ново-Китежа, а в тот же день под вечер и явились те жлобы!

— Два волка, братчик и Остафий Сабур?

— А к двум волкам целая стая волчья припуталась. Заперли мы в Пыточную башню уцелевших стрельцов и верховников. Братчик и Сабур их освободили. Вылезли они из башни злые, как черти. Захватили с налета оружейную избу с автоматами. Стрельцов и верховников Остафий с братчиками обучили обращению с автоматами. Дело не трудное. Начали они народ расстреливать, за бунт мстить,

и город поджигать. Такого красного петуха по всему городу пустили! Кошмар! Все по плану делали.

— По какому плану? Чей план?

— Конечно, ее боголюбия старицы Нимфодоры, чтоб ей провалиться под три черта! Юрята все видел. Посадские от убийств, от пожаров побежали из города, на заставе собрались. Туда явилась к ним старица. Огромная у ведьмы власть над народом оставалась еще. И на этот раз запугала она людей крестом да проклятиями, снова в руки их забрала и сказала, что уведет их на новые места. А Ново-Китежу, сказала, быть пусто! Сгорит он дотла. Вернутся сюда мирские и не найдут города. Народ заплакал, зарыдал, а спорить со старицей не посмел. И автоматов побоялись. Остафий пристрелил троих, которые отказались уходить. Землю новокитежскую в мешочки, в шапки посадские насыпали, с собой взяли. Дарёнка моя забушевала было, отказалась уходить — ее связали и в телегу бросили. Мне назло увели! Деревенские мужики и лесомыки на пожар в город прибежали, их старица тоже увела. А Юрята убежал.

— А про Анфису Юрята ничего не узнал?

— Рассказал он и про Анфису. Ее схватили в посаде и тоже увезли. Связанную увезли, в одной колымаге со старицей.

— Видели мы с самолета эти колымаги, — нахмурился генерал. — И не подсказало Виктору сердцу, кто в колымаге ехал.

— А если бы и подсказало, что бы он сделал? — пожал плечами Птуха. — Вот и все, что за Ново-Китеж могу сказать. Ну, а мы с Юрятой остались вдвоем на горячем, дымном пепелище. Таежный пожар и деревни и охотничьи хутора выжег. Все подчистую! И вышло по слову Нимфодоры — быть сему месту пусто. Вот когда я волком взвыл!

— И все же вышел ты на Русь. Каким чудом, объясни?

— Поп Савва помог. Да-да, не удивляйтесь, спас меня Савва! Ой, можно от смеха умереть, каким он ко мне пришел. Плачет, молитвы поет, кается, на коленях ползает. Хотел я его надраить с песочком, полную приборку сделать, а он мне под нос карту Прорвы!

— Где он ее достал?

— Все по порядку расскажу. Помните, передрались в подныре князь Тулубахов и Колдунов? И, как мне Савва рассказал, началось это с того, что Колдунов потребовал от князя здесь же в подземелье, чтобы тот вернул ему выкопировку прорвенской карты. Колдунов дал ему эту выкопировку, когда послал братчиков за бензином. Князь вернуть карту отказался, мало того — решил, что Колдунов лишний в игре, что князь и сам сможет быть атаманом и властелином новокитежским. Они с Остафием отобрали у Колдунова карту и плитку каменную с места ходов, загнали его в тупик и убежали. Отобранную у Колдунова карту князь взял себе, а выкопировку отдал Остафию. У пьяного спящего стрелецкого головы выкрал ее поп Савва.

— Собрался в мир? К тебе в Одессу?

— Я ему покажу такую Одессу! — блеснул глазами мичман. — А в мир он собрался. Хитрый попище рассудил так, что не с руки ему таскаться по тайге вслед за Нимфодорой. В тайге кабаков нет. И спустит она с него семь шкур за то, что костерил он старицу. Выкрал карту и помчался на пепелище Ново-Китежа. Отсюда думал начать искать ходы через Прорву и нарвался на меня. И снова вывернулся как намыленный! За такой дорогой подарок простил я ему все его фокусы, всю поповскую подлость. И двинули мы втроем на Русь — я, Савва и Юрята. Радовался малец, что снова Сережу увидит. Не дошел, бедный. Дорога через Прорву тяжелая, обессилел мой хлопчик, расхворался. Я его последние два дня на руках нес, на моих руках он и помер. Выбрал я сухое место и похоронил

ребячьего атамана. Перед смертью дал он мне Сережин подарок. Вот он, — вытащил мичман из кармана чудо-нож. — Просил Сереже отдать. Надо обязательно сделать, как просил покойный.

— Сделаем.

— Шесть дней шли мы с Саввой по Прорве. У меня лапти были, — стрельцы, помните, отняли мои ботинки. Развалились лапти, пальцы торчат, распухли, почернели, в крови запеклись. А все же вышли...

— Стоп, мичман! Чтобы с Саввой кончить, скажи: где он сейчас? Жив? Не знаешь?

— Как не знать? Имею сведения, что поп Савва в Чите обосновался. Живет припеваючи.. Не в церкви служит, нет! Бросил он эту канитель. В забегаловке он орудует, по сто граммов наливает, кильку на закуску дает. Мечтал он поближе к кабаку устроиться, вот и приспособился, свечко-дуй чертов. Нам с ним, рабам божьим, конечно, не поверили, когда мы о Ново-Китеже говорили. «Сказки, мол, рассказываете, друзья-товарищи. Давайте лучше начистоту: кто такие да откуда взялись».

— Трудно, мичман, нам поверить. И вправду на сказку похоже.

— Ну, а потом все же разобрались, поверили.

— Потому поверили, что из Читы самолеты на Ново-Китеж выслали. Виктор Дмитриевич это дело организовал. Не сразу, правда, время-то военное было.

— А что там самолеты увидели? Выжженную на много километров тайгу? И с земли им никто сигнала не подал.

— Так и было, мичман. Теперь там, поди, новая, молодая тайга поднялась. А не быть тому месту пусту, как Нимфодора хотела. Скоро вышлют туда комплексную экспедицию, а годика через два-три там платиновые прииски зашумят. И сбылось мое предположение, Федор Тарасо-

вич! Земля новокитежская — то самое подозрительное место, та болотная страна, о которой я говорил. «Белое пятно!» Скоро сотрут его с карты.

Птуха щелчком в козырек сбил мичманку на затылок.

— Полный порядок! Значит, недаром мы вломились в древнюю историю и разведали землю новокитежскую! А как вы тогда добрались, товарищ генерал? Взлетел все же Виктор Дмитриевич с пяточка!

— Артист, акробат воздушный! И долетел благополучно. Оба, конечно, сразу на фронт. Много за это время, Федор Тарасович, воды утекло. Брал Кенигсберг. Дошел до Эльбы. Два раза в окружение попадал. А когда началась война с Японией, перебросили меня на Дальневосточный, к маршалу Мерецкову. Посчастливилось участвовать мне в разгроме харбинского змеиного гнезда и Харбинский колдуновский конный полк на распыл пустить. А ты, Федор Тарасович, по медалям вижу, тоже воевал?

— Какое там! До настоящей войны так и не дорвался. На флоте минным складом заведовал. А про Виктора Дмитриевича вам известно что-нибудь?

— А как же! Полковник теперь Виктор Дмитриевич. В Польше он сейчас. И Сережа с ним.

— А Женька жив? С высшим образованием собачка!

— Жив обман-пинчер. Он тоже в Польше с Сережей.

— Много раз пытался я и с вами, и с Виктором Дмитриевичем связаться. И через адресный стол, и через Красный Крест искал. Не нашел. Война! Вся жизнь вверх тор-машками!

— А мы тебя, думаешь, не искали?

— Как же мы теперь с товарищем Косаговым будем?

Генерал ответил сумрачным взглядом.

— Ты про Анфису?

— Да. Он, наверное, надежду еще имеет.

— Напишу я ему. Напишу все, что ты мне рассказал. И нож Юряткин Сереже отправим.

Генерал и Птуха помолчали, глядя мрачно в землю. Потом мичман спросил горько:

— Что напишете? Что надежды никакой нет? Это же кошмар!

— А я считаю, что надежда есть. Может быть, тень надежды, но все же есть!

— Об чем речь? — вскочил Птуха. — О какой надежде вы говорите? Мне просто смешно. На гибель увела народ безумная старуха. В болоте утонули или с голода в тайге умерли.

3

— Сядь, не прыгай, — сердито сказал генерал.

Птуха сел на ровик, но отмахнулся безнадежно.

— И руками не маши раньше времени. На, читай! — Генерал вытащил из внутреннего кармана кителя аккуратно сложенную газету и протянул ее мичману: — Читай, читай!

Птуха развернул газету.

Бросился в глаза заголовок, подчеркнутый красным карандашом:

„ЛЮДИ XVII ВЕКА В СИБИРИ“

(От собственного корреспондента)

Много еще диковин в Сибири...

В текущем году, летом, к катеру сплавной конторы, крейсировавшему по Витиму, вышел из тайги старик, одетый в какую-то домотканую хламиду, и, пользуясь оставшкой катера, подал работнику конторы Ильинскому про-

шение. Оно было написано на бересте церковно-славянскими буквами и начиналось с несуществующего титула: «Великих речных вод обладателю...» В прошении рассказывалось, что в глубине тайги живут отрезанные от всего остального мира православные люди, не известные властям, страдающие от голода и холода, и им надо помочь. Сам старик тоже говорил на старославянском языке, не мог толком рассказать, где именно живут эти люди, и скоро опять ушел в тайгу.

Прошение привезли в областной город, сдали в музей краеведам, а о старике молва пошла, что это сумасшедший...

На этом дело кончилось.

Но вот недавно, нынешней осенью, охотники-промысловики натолкнулись в тайге на неведомых людей, обнаружили 9 поселков и 6 хуторов, о которых до сих пор никто не знал. Добраться до этих поселков чрезвычайно трудно, ибо колесных дорог здесь нет совсем, а есть только глухие таежные тропы, заросшие травами, заваленные буреломом.

Население говорит на славянском языке, не имеет ни имен, ни фамилий (вернее, скрывает их), и каждый называет другого «братом». Занимаются они земледелием, охотой и пчеловодством.

Уклад жизни старозаветный, граничащий, примерно, с бытом семнадцатого века, между тем, здесь имеются советские товары: мануфактура и прочее. Товарообмен производили какие-то спекулянты-скупщики, которые одни знали путь к неведомому району и тайно грабили этот район.

Им выгодно было скрывать эти 15 селений. Никакой прямой связи с остальным миром таежные поселки не имели, никакие власти их не тревожили. Только теперь туда отправилась специальная экспедиция, которая регистрирует эту таежную «Америку».

Спрошенный нами по этому поводу известный сибирский краевед А. Р. Шнейдер заявил:

«При наших сибирских просторах и оторванности таежных районов от городов и административных центров, да еще при наличии бездорожья и почти непроходимых дебрей, мы еще немало в будущем откроем таких «Америк». Сибирские просторы и дебри представляют для всяких беглецов очень удобную «вотчину», где есть полная возможность скрыться. Поэтому, сколь ни сенсационно открытие девяти поселков и шести хуторов, ничего особенного, неожиданного в этом нет. Наоборот, надо ждать новых подобных открытий, не менее любопытных»¹.

Птуха сложил газету и молча передал ее генералу.

— Что скажешь теперь, Федор Тарасович?

— Похоже! И не похоже! Очень далеко наши друзья на норд вышли. На Витим.

— Высоко на север? — Генерал потрогал завязанное в узелок ухо. — А кто знает, где, как и сколько времени они брели? Я думаю, что в газете говорится о новокитежанах. Видишь, опять они дыру в мир ищут. Ходока-старика на реку послали. Газета сообщает, что отправлена уже специальная экспедиция к таежным неведомым людям. А вдруг найдут? — взволнованно вздохнул генерал. — Найдут Анфису, Дарёнку твою найдут, Истому найдут! А?

— Может быть, может быть, — тихо проговорил Птуха.

— Об этом я и буду писать Виктору. И газету ему pošлю... Однако, мы, кажется, одни на аэродроме остались. Вставай, мичман, поехали в Москву.

— Что мне горько, — поднимаясь с ровика, сказал мич-

¹ Эта корреспонденция из Сибири была напечатана в вечерней ленинградской газете. Я лишь немного сократил ее здесь и позволил себе снять некоторые географические названия. По существу это большой роли не играет. (Примеч. автора.)

ман, — очень мне горько, что не осталось у нас ничего на память о Ново-Китеже.

— Осталось! — Генерал протянул Птухе на ладони половину большого медного пятака. — Вот! Истома мне на память дал...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая ФРОНТОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Глава 1. Тушинский аэродром	7
Глава 2. Фронтовые товарищи	11
Глава 3. Разговор о романтике	21
Глава 4. Юродивый	25
Глава 5. Граница	29
Глава 6. Прогноз погоды	35
Глава 7. Туман	38
Глава 8. Тайга	44
Глава 9. Река	54
Глава 10. Разведка	63
Глава 11. Град Ново-Китеж	68

Часть вторая ЗАБЛУДИВШИЕСЯ В ВЕКАХ

Глава 1. На стогнах градских	75
Глава 2. Посадничий двор	92
Глава 3. Судное дело	106
Глава 4. Истома Мирской	123
Глава 5. Написано на берестех. Книга «Исход»	132
Глава 6. Написано на берестех. Книга «Бытие»	141
Глава 7. Ночной разговор	155
Глава 8. Первый гол	160
Глава 9. Худог	172
Глава 10. Собор	183
Глава 11. Ярильно поле	189
Глава 12. Чуж-чуженин	200

Глава 13. Набольший чертознай	207
Глава 14. Тарабарская грамота	233
Глава 15. Логово	247
Глава 16. Два кубка	262
Глава 17. Узники Пыточной башни	268
Глава 18. Большой футбол	270

**Часть третья
«НА СЛОМ!»**

Глава 1. Осадный табор	287
Глава 2. Мирная беседа	294
Глава 3. Раздор-змея	308
Глава 4. Побег	312
Глава 5. «На слом!»	319
Глава 6. Залпы	325
Глава 7. Подныр	343
Глава 8. Тупик	355
Глава 9. «Говорит Москва!»	368
Глава 10. Росстань	375
Глава 11. Взлет	379
Глава 12. И снова Тушинский аэродром	383

**«Библиотека путешествий
и приключений»**

**ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ
Михаил Ефимович**

**СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ
НОВО-КИТЕЖЕ**

Роман приключений

Для среднего школьного возраста

Редактор *А. Зибзеева*
Художник *О. Коровин*
Художественный редактор *А. Шишкин*
Технический редактор *В. Чувашов*
Корректор *Е. Соколова*

Сдано в набор 6.VIII.1976 г. Подписано в печать 1. XI. 1976 г. Формат 70×108^{1/2}. Бум. тип. № 3. Бум. л. 6,25; печ. л. 12,5; усл.-печ. л. 17,50; уч.-изд. л. 17,142. Тираж 50 000 экз. Цена 61 коп. Темплан 1977 г. Изд. № 46. Зак. 794. Пермское книжное издательство. 614000, Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

- 393 **Зуев-Ордынец М. Е.**
Сказание о граде Ново-Китеже. Роман приключений. «Библиотека путешествий и приключений». Худ. О. Коровин. Пермь, Кн. изд-во, 1977.
394 с.

Историко-приключенческий роман для среднего школьного возраста.

3 70803—6 46—77
M152(03)—77

P2

Уважаемые читатели!

Мы обращаемся и к тем, кто уже знаком с книгами нашей «Библиотеки путешествий и приключений», и к тем, кто знакомится с ее выпуском впервые. Просим Вас прислать свои отзывы о романе Мих. Зуева-Ордынца «Сказание о граде Ново-Китеже».

Хотелось бы узнать Ваше мнение и о том, какие еще произведения советских писателей можно было бы издать в этой серии.

Пишите нам по адресу: 614000, Пермь, ГСП-248, ул. К. Маркса, 30, Пермское книжное издательство.

61 коп.

